

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТОЛЬЯТТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XV Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 20–21 ноября 2009 г.)

Материалы и доклады

Самара
Издательство “Самарский университет”
2009

УДК 94
ББК 63.3
П37

П37 Платоновские чтения: материалы и доклады XV Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 20–21 ноября 2009 г.) / отв. редактор П.С. Кабытов. – Самара: Издательство “Самарский университет”, 2009. – 272 с.

ISBN 978-5-86465-459-0

В сборнике представлены статьи участников юбилейной XV Всероссийской научной конференции “Платоновские чтения”, проходившей в Самарском государственном университете 20–21 ноября 2009 г. Традиционно программа конференции включает работу четырех секций. С докладами выступили 49 студентов, магистрантов, соискателей, аспирантов и преподавателей 15 вузов и академических центров Российской Федерации.

Проблематика материалов сборника представляет собой обширную палитру сюжетов социально-экономической истории, международных связей, власти и общества, а также основных направлений общественной и исторической мысли и истории культуры России.

УДК 94
ББК 63.3

Редакционная коллегия

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов (ответственный редактор),
д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман (зам. ответственного редактора),
д-р ист. наук, проф. Ю.Н. Смирнов,
д-р ист. наук, проф. М.И. Леонов,
д-р ист. наук, проф. Л.М. Артамонова,
канд. ист. наук, доц. В.А. Тюрин (ответственный секретарь),
канд. ист. наук, ст. преп. Д.В. Серых

ISBN 978-5-86465-459-0

© Авторы, 2009
© Самарский государственный университет, 2009
© Оформление. Издательство “Самарский университет”, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

XV Всероссийские чтения памяти академика С.Ф. Платонова в Самарском государственном университете	8
--	---

Секция “Социально-экономические проблемы и международные связи России”

<i>Толкачев М.В.</i> Любекское посольство Конрада Гермерса в Москву в 1603 году	15
<i>Островский А.А.</i> Численность и потери русских и шведских войск в Полтавской битве	18
<i>Столяров О.Д.</i> Роль А.И.Остермана во внешней политике России в первой половине 30-х гг. XVIII в.	19
<i>Киселев М.А.</i> Проблема податных привилегий мастеровых в правительственной политике в России в первой половине XVIII в.	21
<i>Лазарев Я.А.</i> Деятельность Ф.В. Наумова в управлении Гетманщиной: 1727-1728 гг.	24
<i>Шевякова М.А.</i> Информационная война между Россией и Великобританией в период восточного кризиса 1875-1878 гг.	27
<i>Якубовская О.А.</i> Слухи как фактор межэтнического взаимодействия: русско-татарские отношения в Уральском регионе в XVIII–XIX вв.	30
<i>Буйнова К.Р.</i> Латинская Америка глазами русского путешественника: кавказские мотивы	33
<i>Богатырёв А.В.</i> Первая русская резидентура в Польше (из истории становления института резидентуры в России)	36
<i>Суворов В.В.</i> Миссия России на Дальнем Востоке в книге кн. Э.Э. Ухтомского “К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку”	40
<i>Габдрашитова М.А.</i> “Большая игра” и начало борьбы за нефть	43
<i>Марцун Т.В.</i> Розничная торговля в Самаре в начале XX века	46
<i>Яблокова А.В.</i> Самарский телеграф в 1920-е годы	50
<i>Чащин А.В.</i> Демографическая ситуация в Свердловске в начале 1930-х гг.	53
<i>Богданов И. О.</i> Проблемы освоения производства советской промышленностью новой танковой техники перед войной	56
<i>Гайдашев А.В.</i> Денежное обращение на временно оккупированной территории Сталинградской области в 1942-1943 гг.	59
<i>Бушуева О.Ю.</i> База данных безвозвратных людских потерь уроженцев г. Самары в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	61
<i>Архитова Т.А.</i> Роль ученых эпидемиологов в ликвидации эпидемии холеры во время Сталинградской битвы	63

<i>Абатуров И.Н.</i> Патернализм в цивилизационном плане: опыт уральских заводчиков (на примере Демидовых)	66
<i>Ляшенко Е.В.</i> Особенности начального этапа колхозного строительства на Ставрополье	69
<i>Скочин А.В.</i> Городская среда Тюмени и пассажирский автотранспорт города середины 1960 – середины 1970–х гг.	72
<i>Соловьева В.В.</i> “Этими вопросами товарищи раскрывают свое лицо”: вечера вопросов и ответов на оборонных предприятиях как канал связи между властью и обществом в годы Великой Отечественной войны	74
<i>Стронина О.Н.</i> Особый опыт России и Китая в диалоге науки и религии	77
<i>Путинцева М.С.</i> Взаимоотношения Руси и Золотой Орды в современном историографическом аспекте	79
<i>Ещенко Ю.Г.</i> Проблемы подготовки перехода к политехническому обучению в средней школе в 1950-х гг. (на материалах Астраханской области)	81

Секция “Власть и общество в истории России”

<i>Алдашев Э.Г.</i> Церковные десятины Средневолжья и Уфимского Приуралья середины XVI – начала XVIII столетий	84
<i>Малинкин Е.М.</i> Структура и вооруженные силы приказа Казанского дворца	88
<i>Шаргалов Д.В.</i> Штатные расписания служащих оренбургской губернской типографии первой половины XIX века	91
<i>Симакин Н.В.</i> Особенности проведения рекрутских наборов в 1816–1831 гг. (по материалам Пензенской губернии)	93
<i>Купченко К.В.</i> Социальная политика органов городского общественного управления в пореформенный период (по материалам Смоленской губернии)	96
<i>Казеева Т.В.</i> Процесс В. Засулич: позиция А.Ф. Кони	99
<i>Миронова Е.В.</i> Стипендии казанского дворянства	101
<i>Жукова С.В.</i> Мещанская драма: семейные отношения в мещанском сословии	104
<i>Миняшев В.С.</i> Вопросы демократизации избирательного права в I и II Государственной думе	107
<i>Синельникова Е.Ф.</i> Археологическое краеведение в деятельности общественно-научных организаций Самары (1916–1922 гг.)	110
<i>Змиренкова Н.К.</i> Реформы семейного законодательства в первые годы советской власти (1917–1936 гг.)	113
<i>Мистрюгов П.А.</i> Мотивация создания чрезвычайных органов советской власти (1917-1918 гг.)	115
<i>Берегела К.В.</i> Потребление алкоголя в СССР в 1920-е гг.	119

<i>Иванов А.М.</i> Взаимоотношение государства и верующих в 1920–1930-е гг. (на примере Вяземского района Смоленской области)	121
<i>Драчиков Ф.В.</i> Мероприятия 1942 года по укреплению учреждений профессионально-технического образования Нижнего Поволжья как одно из направлений государственной политики (на примере речных техникумов)	124
<i>Мальцев М.А.</i> Принудительные миграции сельского населения как метод укрепления трудовой дисциплины в Среднем Поволжье во 2-й пол. 1940-х гг.	126
<i>Галихузина Р.Г.</i> Партийное руководство культурой в Татарстане во второй половине XX века	129
<i>Баженова К.Е.</i> Оказание помощи семьям призванных как одно из направлений деятельности уездных комитетов Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам Пермской губернии в годы Первой мировой войны	132
<i>Варехина А.Н.</i> Формирование “нового советского человека” на примере детских домов в годы Великой Отечественной войны	134
<i>Головачева У.Е.</i> Судьбы низшей инстанции в Русском государстве второй половины XV – начала XVI вв.: должностной состав и происхождение	137
<i>Козлова А.Н.</i> Представления власти о гражданском обществе в Российской империи по материалам Журнала Министерства народного просвещения за 1861 год	140
<i>Пылаева Е.И.</i> Секретная агентура местных органов политического сыска России в начале XX века (на примере Вологодского губернского жандармского управления)	142
<i>Сухарев А.А.</i> Меры к улучшению работы тюменского городского совета глазами его руководства в 1920-1925-е годы	146

**Секция “История общественной и исторической мысли,
политических партий и общественных движений”**

<i>Лушников А.А.</i> Древнерусские письменные источники о языческой реформе князя Владимира	148
<i>Зелюков П.О.</i> Исторические взгляды Семена Попова как пример отражения провинциального самосознания в русской культуре петровской эпохи	150
<i>Кусакин Е.О.</i> Портрет В.Н.Татищева как государственного деятеля	153
<i>Бугров К.Д.</i> “Самодержавная власть” в “умеренной монархии”: к характеристике реформаторского проекта Н.И. Панина 1762 г.	155
<i>Кочережко С.С.</i> К вопросу об отношении Екатерины II к восстанию Е.И. Пугачева	159
<i>Стайцов Р.Е.</i> М.П. Погодин и волнения в Варшаве в 1861 г.	163
<i>Ицкович М.А.</i> Мемуары “Новых людей” как исторический источник	169

<i>Ивлев А.Г.</i> Участие населения Среднего Поволжья в освободительном движении южных славян в 1875-1878 гг.	170
<i>Дорофеева А.В.</i> Проблема разделов Речи Посполитой в российской историографии 1860-1910-х гг.	175
<i>Досекин Е.С.</i> Журнал “Московский еженедельник” в либеральной печати начала XX века	178
<i>Забуга Н.А.</i> Антибуржуазные настроения горнозаводских рабочих Пермской губернии в 1917 году	182
<i>Рязанцева Е.А.</i> Саратовские меньшевики и власть в начале 1921 года	184
<i>Белицкая М.А.</i> Научная деятельность в вузах Сталинграда в 1930–е годы	186
<i>Вишнякова А.М.</i> Аграрная реформа П.А. Столыпина в советских исследованиях 50–60-х годов XX века	188
<i>Аброскина И.С.</i> А.М. Анфимов и “новое направление” в советской исторической науке	190
<i>Голубинов Я.А.</i> Дискуссия о благосостоянии русской деревни в годы Первой мировой войны в провинциальной печати	193
<i>Камина А.М.</i> Понятие “национальная идея” в русской философской мысли	196
<i>Гильмутдинов Н.В.</i> Из истории адвокатского сословия в Казанской губернии: создание Совета присяжных поверенных (1904 г.)	198
<i>Васильченко М.А.</i> Политический террор в России начала XX века в освещении чешской политической и философской мысли (По книге Т.Г. Масарика “Россия и Европа”)	202
<i>Мубаракишина А.Г.</i> История деятельности “Казанского вольного пожарного общества (1891-1917 гг.)”	204
<i>Павленко А.П.</i> Отношение А.В. Колчака к Временному правительству	207
<i>Соколов С.В.</i> Концепция “русского каганата” в отечественной исторической науке	210
<i>Толстенко А.К.</i> Либеральный и консервативный подходы к этнонациональной проблематике (сравнительный анализ взглядов П.Б. Струве и М.О. Меньшикова)	213

Секция “Русская культура и история повседневности”

<i>Ододворцева Ю.А.</i> Развитие Выговского общежития в конце XVII – первой половине XVIII вв.	215
<i>Натаров А.И.</i> Фортификационные особенности Симбирска, как важнейшей крепости Симбирско-Корсунской засечной линии	217
<i>Федорова Е.Ю.</i> Планы переустройства провинциальных городов по материалам Комиссии для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы	220

<i>Гурская Н.В.</i> Исторические судьбы архитектурных памятников уральского казачества XVIII-XIX вв.	224
<i>Липский И.О.</i> Образ другого: культурные стереотипы во взаимоотношениях россиян и англичан в XIX в.	226
<i>Горбунова А.С. В.В.</i> Стасов как теоретик исторического жанра в искусстве	229
<i>Хохлова И.Л.</i> Педагогическая нагрузка в русской классической гимназии Российской империи второй половины XIX – начала XX веков	232
<i>Шевченко А.В.</i> Положение протестантской церкви в России в конце XIX – начале XX вв.	235
<i>Макарова А.В.</i> Проблемы осмысления исторического опыта проживания немцев в Поволжье	237
<i>Егоров Д.В.</i> Знаки собственности чувашей	240
<i>Клековкина Н.В.</i> Сатирическая периодика как хроника городского быта	244
<i>Ерндеева А.Н.</i> Борьба с социальными болезнями в 1920–х гг. в документах госархивов Самарской области	246
<i>Митрофанова И.В.</i> Издательская деятельности испартов Среднего Поволжья в 1920–1930–е гг.	249
<i>Гурьева Т.О.</i> Система ценностей послевоенного советского детства (1945–1964 гг.)	252
<i>Кобозева Д.А.</i> Деятельность сталинградской общественной организации “Знание” (1948–1956 гг.): реализация задач идеологической и культурно-просветительской политики	255
<i>Липатов А.В.</i> Учреждения культуры Сталинграда в реализации государственной политики в области культуры во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.	257
<i>Ермошин А.В.</i> Манифест о веротерпимости 1905 года и проекты создания общеобразовательных учебных заведений православного ведомства	260
<i>Кузнецова А.С.</i> К постановке проблемы досуга уральских горожан в конце XVIII – начале XX веков	263
<i>Сергеева Е.В.</i> Традиционная пища в молодежных праздниках у низовых чувашей (конец XIX – нач. XX вв.)	266
<i>Смышнова А.О.</i> Театр на Ставрополье в 20-е годы XX века	267
<i>Фоменко Е.И.</i> Аудиовизуальные документы как элемент культурного наследия России	270

**XV ВСЕРОССИЙСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ АКАДЕМИКА С.Ф. ПЛАТОНОВА
В САМАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

2009 год можно назвать особым, знаковым для ставших уже привычными и обыденными в среде российской студенческой и научной молодежи “Платоновских чтений”. Всероссийская конференция-конкурс молодых ученых собирается в юбилейный пятнадцатый раз. В течение всего этого времени, начиная с 1996 г., она показала свою высокую эффективность. Ежегодно в работе секций принимали участие от 100 до 200 студентов, аспирантов, молодых ученых; заслушивалось от 50–70 докладов. Все представленные в Оргкомитет конференции и прошедшие конкурсный отбор тезисы публиковались. О популярности конференции свидетельствует чрезвычайно широкая география участников, которая год от года охватывает все новые и новые регионы Российской Федерации, Украины и Казахстана. В ряде городов Российской Федерации – Москве, Казани, Саратове, Волгограде, Оренбурге, Екатеринбурге, Пензе, Саранске и других – сложился круг постоянных участников “Платоновских чтений”.

В современной сложной экономической и социальной ситуации такие постоянство и регулярность; “упертость” организаторов конференции, предпринимających героические усилия, чтобы изыскать необходимые средства, и научной молодежи со всех концов России съезжающейся в никогда ранее не отличавшуюся достижениями в гуманитарных науках Самару, заслуживают хотя бы краткого экскурса в историю возникновения и последующего развития “Платоновских чтений”.

Идея Чтений возникла в связи с памятью о последнем трагическом периоде жизни выдающегося российского историка Сергея Федоровича Платонова. В августе 1931 г. академик прибыл в самарскую ссылку, которая продлилась до его кончины, последовавшей в январе 1933 г. О пребывании Платонова в нашем городе почти ничего неизвестно. Сохранилось лишь несколько фотографий, смутные неясные воспоминания его близких. Мы не знаем даже конкретного места захоронения ученого. Необходимо дополнительное изучение, поиск новых документальных источников, свидетельств родственников и очевидцев.

И все-таки попытки возродить память о С.Ф. Платонове оказались сильнее времени. В 1996 г. по инициативе историков Самарско-

го государственного университета (СамГУ) началось проведение ежегодных конференций студентов, аспирантов, молодых преподавателей и научных сотрудников, посвященных памяти ученого. Из года в год на пленарных заседаниях “Платоновских чтений” санкт-петербургские и самарские историки постоянно обращаются к творческому наследию и жизненному пути С.Ф. Платонова. На одной из первых конференций в 1997 г. В.М. Панеях изложил обстоятельства “Академического дела”, а также ситуацию вокруг научного наследия выдающегося ученого. В 2000 г. А.П. Павлов в докладе “Труды об опричнине и Смуте С.Ф. Платонова и их судьба в современной историографии” рассмотрел современное состояние вопроса об опричном режиме Ивана Грозного и новое осмысление трудов С.Ф. Платонова по этой проблеме. К наследию ученого и его современной интерпретации обращались в своих докладах М.Б. Свердлов (“Русская историческая наука на рубеже веков: XIX–XX, XX–XXI вв.”, 2001 г.) и Н.Н. Смирнов (“Ученые и власть: власть и наука на переломе эпох”, 2002 г.), О.Б. Леонтьева (“Актуальное прошлое: Московская Русь в исторической памяти российского общества в трудах С.Ф. Платонова”. 2007 г.) В выступлениях председателей Оргкомитета конференции П.И. Савельева и П.С. Кабытова постоянно звучит проблема сохранения и увековечения памяти пребывания С.Ф. Платонова в Самаре, поиска новых материалов о самарском периоде жизни ученого.

В докладах студентов и молодых ученых на секционных заседаниях также уже традиционно затрагиваются темы, непосредственно связанные с именем С.Ф. Платонова. Например, в 2000 г. аспирант Чувашского государственного университета Э.Н. Егоров представил доклад “С.Ф. Платонов и семья Яковлевых”, в 2004 г. свое сообщение аспирант Самарского государственного университета Д.В. Серых посвятил участию выдающегося историка в работе Всероссийских Археологических съездов. В 2007 г. Лауреатом Чтений стала соискатель Омского государственного педагогического университета (Омск) Силенко А.А. с докладом “Поколения историков в “сети общения” С.Ф. Платонова”. Обращение к трудам академика звучало неоднократно в самых разных выступлениях.

Последние годы были знаменательными для увековечивания имени Сергея Федоровича Платонова в Самаре. Улица Волжская, находящаяся рядом с основными корпусами Самарского государственного университета, была переименована в улицу академика Платонова. В парке Щорса на месте, где ранее располагалось городское кладбище, на котором был захоронен С.Ф. Платонов (точные координаты его погребения к настоящему времени не выявлены) весной 2008 года торжественно установили памятный знак, посвященный академику. В том же 2008 г. режиссером В. Бакировым был снят документальный

фильм “Академик Платонов в Самаре”. При этом необходимо отметить особую роль в акциях по увековечению памяти пребывания С.Ф. Платонова в Самаре первого проректора Самарского университета, доктора исторических наук, профессора Петра Серафимовича Кабытова и сотрудников кафедры российской истории, которой он руководит.

В течение всего периода проведения “Платоновских чтений” главным исполнителем проекта является Самарский государственный университет, а соисполнителем – Санкт-Петербургский институт истории РАН. В 1995-1998 гг. проектом руководил доктор исторических наук, профессор П.И. Савельев, с 1999 г. и по настоящее время Оргкомитет чтений возглавляет первый проректор Самарского государственного университета доктор исторических наук, профессор П.С. Кабытов. Постоянными членами Оргкомитета являются профессора СамГУ, доктора исторических наук Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов, другие ведущие ученые Самары. В последние годы в состав Оргкомитета вошли молодые историки, ранее сами выступавшие с докладами на заседаниях конференции, В.А. Тюрин и Д.В. Серых.

Источники финансового обеспечения Чтений в течение всей истории их существования неоднократно менялись. Длительное время конференция проводилась на средства Федеральной Целевой Программы “Интеграция”. Затем основным источником финансирования стали гранты Российского государственного научного фонда и Губернатора Самарской области. И наконец, в последние годы существенную помощь в проведении Чтений оказывает Администрация Самарской области. В 2009 г. “Платоновские чтения” состоялись в полном объеме благодаря договорам с Тольяттинским государственным университетом и Министерством образования Самарской области.

На протяжении всех 15-ти лет работы конференции, ее цель состояла, прежде всего, в содействии развитию научного творчества молодежи и пропаганде российского национального исторического наследия. Платоновские Чтения стали традиционным межвузовским форумом научной молодежи России. В соответствии с Уставом в них принимают участие студенты, аспиранты и молодые специалисты, не имеющие ученой степени или звания в возрасте не старше 30 лет. Конференция имеет конкурсный характер, а потому предусматривает награждение авторов лучших докладов.

Ежегодно Платоновские чтения проводятся на базе Самарского государственного университета в первую пятницу и субботу декабря, а в последние годы – ноября – месяца. Конференция и сопутствующий ей конкурс работ молодых историков состоят из 2-х этапов. В первый день работают секции, на второй – назначается пленарное заседание.

Традиционно, на протяжении всего времени своего существования, программа конференции включает работу четырех секций. Тематика и названия секций претерпевали некоторые изменения, но, так или иначе, отражали круг научных интересов замечательного историка, памяти которого они посвящаются. В последние годы секции направляли по следующим направлениям:

Секция 1. “Социально-экономическая история и международные связи России”.

Секция 2. “Власть и общество в истории России”.

Секция 3. “История общественной и исторической мысли, политических партий и движений в России”.

Секция 4. “Русская культура”.

Остановимся более подробно на особенностях организации и итогах проведения XV “Платоновских чтений”.

Для подготовки конференции использовалась апробированная в ходе организации предшествующих тринадцати подобного уровня и тематики конференций методика. На начальном этапе организационных работ был создан Оргкомитет из преподавателей и научных сотрудников ГОУВПО “Самарский государственный университет”, который возглавил профессор П.С. Кабытов. Оргкомитетом было осуществлено информационное оповещение российских вузов о сроках и условиях проведения конференции, произведен комплекс работ по обеспечению материальной базы организации Платоновских чтений. Отбор поступивших заявок и тезисов докладов производился на конкурсной основе президиумами секций. В итоге конкурсного отбора была подготовлена и распечатана программа Платоновских чтений и разосланы приглашения для победителей конкурса заявок. По приезду иногородние участники конференции были размещены в гостинице. Работа самих Платоновских чтений производилась в течение 2 дней – 20–21 ноября 2009 г. 20 ноября заседали 4 секции, на второй день – 21 ноября – состоялось пленарное заседание, где с докладами выступили победители секций, а также представители Оргкомитета. По материалам конференции собран сборник тезисов докладов “Платоновские чтения”, создан его оригинал-макет и передан в типографию для издания.

В программу конференции были включены 69 докладов студентов, аспирантов, магистрантов, соискателей из различных городов Российской Федерации – Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Тольятти, Саратова, Ульяновска, Казани, Волгограда, Пензы, Смоленска, Екатеринбурга, Перми, Оренбурга, Челябинска, Пензы, Белгорода, Смоленска, Перми.

В работе секций приняли участие и выступили с докладами 49 студентов, магистрантов, соискателей, аспирантов и преподавате-

лей 15 высших учебных заведений и академических центров Российской Федерации. Докладчики представляли классические университеты – Московский им. М.В. Ломоносова, Казанский, Нижегородский, Самарский, Саратовский, Поморский, Южно-Уральский, Чувашский, Белгородский; педагогические университеты – Самарский, Волгоградский; Самарский филиал Московского государственного педагогического университета, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Смоленский филиал Российского университета кооперации и т.д., а также академические центры – Институт Истории и Археологии Уральского Отделения РАН, Института истории Академии наук Республики Татарстан.

Всего на всей 4-х секциях было зарегистрировано 67 участников чтений (докладчиков, членов Президиумов секций, студентов исторического факультета Самарского государственного университета).

По результатам конференции собран и подготовлен к изданию сборник тезисов “Платоновские чтения”, объемом до 12,0 печатных листов.

Отбор докладов для включения в программу “Платоновский чтения” осуществлялся на конкурсной основе, специальной комиссией состоящей из профессоров и преподавателей Самарского государственного университета. Для включения в программу было рекомендовано 69 докладов. Они были представлены студентами, аспирантами, соискателями, магистрантами, молодыми преподавателями и специалистами из 13 городов Российской Федерации. Среди них представители самарских вузов составили 41 человек (СамГУ – 25, ПГСГА – 6, СГЭУ – 1, Сам. филиал МГПУ – 5, СаГА – 2, ПГУ Сервиса – 1, СГАКИ – 1); Москвы – 2 (МГУ – 2), Оренбурга – 1 (ОРГУ-1), Чебоксар – 1 (ЧГУ – 1), Пензы – 2 (ПГПУ – 2), Нижнего Новгорода – 1 (ННГУ – 1), Саратова – 3 (СГУ – 2, СГТУ – 1), Казани – 3 (КГУ – 1, Институт истории АН Татарстана – 1, КГМИ – 1), Тольятти – 2 (ТГУ – 2), Волгограда – 5 (ВГПУ – 4, ВГУ – 1), Екатеринбурга – 5 (Институт Истории и Археологии УРО – 1, УрГУ – 4), Перми – 1 (ПГПУ – 1), Смоленска – 1 (СПб ИВСЭП, филиал в Смоленске – 2). К 10 ноября 2009 г. программа конференции по всем секциям была сформирована и издана. После того, как были получены письменные (или по электронной почте) подтверждения приглашенных с указанием даты их прибытия, началась непосредственная подготовка самой конференции. Членами Оргкомитета и Технического комитета был проведен комплекс мероприятий по материальному обеспечению Чтений.

Были также сформированы Президиумы все 4-х секций, в состав которых вошли ведущие профессора и преподаватели Самарского государственного университета и Самарской государственной академии культуры и искусств: Г.А. Широков, Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева, Л.М. Артамонова и др.

По заказу Оргкомитета была изготовлена памятная медаль с изображением портрета С.Ф. Платонова. Для приема иногородних участников XV Платоновских Чтений был решен вопрос об их размещении в гостинице “Ариадна” Самарского института повышения квалификации работников образования, достигнута договоренность с руководством местных краеведческого и областного музеев о проведении экскурсионной программы. Работа конференции – конкурса “Платоновские чтения” проходила в 2 этапа:

- 20 ноября 2009 года – работа секций.
- 21 ноября 2009 года – пленарное заседание.

В работе конференции приняли участие студенты и аспиранты 15 высших учебных заведений и академических центров городов Российской Федерации; в том числе 15 классических (10) и педагогических (5) университетов. Среди них – 33 аспирантов, соискателей, научных сотрудников и магистрантов, 22 студентов. 35 – представляли самарские вузы, 18 – высшие учебные заведения и научные центры других городов РФ. Всего на секциях присутствовало 147 студентов и аспирантов, преподавателей и профессоров самарских вузов.

Пленарное и секционное заседания проводились на базе Самарского государственного университета.

На всех 4-х секциях прозвучало 49 докладов студентов и аспирантов.

Докладчики представляли классические университеты – Московский им. М.В. Ломоносова, Самарский, Саратовский, Уральский, Тольяттинский, Оренбургский; педагогические университеты – Самарский филиал МГПУ, Пензенский, Пермский; академии – Поволжскую государственную социально-гуманитарную академию, Самарскую гуманитарную академию, Самарскую гуманитарную академию культуры и искусств, Самарскую гуманитарную экономическую академию, а также академический центр – Институт Истории и Археологии Уральского Отделения РАН.

На первой секции “Социально-экономическая история и международные отношения” было прочитано 15 докладов. Диплом первой степени был присужден аспиранту УрГУ (Екатеринбург Я.А. Лазареву за доклад “Деятельность Ф.В. Наумова в управлении Гетманщиной: 1727–1728 гг.”; диплом второй степени – аспиранту Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург Чашину А.В. “Демографическая ситуация в Свердловске в начале 1930-х гг.”; диплом третьей степени – студенту СамГУ (Самара) Столярову О.Д. за доклад “А.Н. Остерман и внешняя политика России в первой половине 1730-х гг.”.

Вторая секция “Власть и общество в истории России” – объединила 14 докладчиков – студентов и аспирантов. Диплом первой сте-

пени решением президиума секции присужден студенту ПГПУ (Пенза) Симакину Н.В. “Особенности проведения рекрутских наборов в 1816-1837 гг. (по материалам Пензенской губернии)”, диплом второй степени – студенту СамГУ (Самара) Мистрюгову П.А. за доклад “Организация ВЧК в период становления советской государственности (1917-1918 гг.)”; диплом III степени аспиранту МГУ (Москва) – Берегеле К.В. за доклад “Потребление алкоголя в СССР в 1920-е гг.”.

В секции “История общественной и исторической мысли, политических партий и движений России” прозвучали доклады 12 студентов и аспирантов. Диплом первой степени был присужден студенту СамГУ (Самара) Кочережко С.С. “Императрица Екатерина II и восстание Пугачева (по материалам переписки)”; диплом второй степени – аспиранту СамГУ (Самара) Ицковичу М.А. за доклад “Мемуары “новых” людей 1860-х годов как исторический источник”, диплом III степени – аспиранту ПГПУ (Пенза) Лужникову А.А. за доклад “Древнерусские письменные источники о языческой реформе князя Владимира”.

Секция “Русская культура” была представлена 15 докладчиками. Дипломом первой степени награжден студентка СамГУ (Самара) Гурьева Т.О. за доклад “Система ценностей послевоенного советского детства (1945-1964 гг.)”; дипломом II степени – студентка СГАКИ (Самара) Муратова С.Н. “Отражение русско-польского конфликта в музыкальной культуре XIX в.”; дипломом III степени – студентка СГЭУ Макарова А.В. “Проблемы осмысления исторического опыта проживания немцев в Поволжье”.

21 ноября 2009 г. состоялось пленарное заседание XV Всероссийских чтений. На его мемориальном этапе всем собравшимся был показан снятый в 2008 г. режиссером В. Бакировым документальный фильм “Академик Платонов в Самаре”, а также фильм “Ленар Васильевич Храмов”.

Для присуждения звания Лауреата Платоновских чтений была создана коллегия профессоров. На конкурсном этапе пленарного заседания выступили с докладами победители секций. Звание Лауреата Платоновских чтений было присуждено студентке СамГУ (Самара) Гурьевой Т.О. за доклад “Система ценностей послевоенного советского детства (1945-1964 гг.)”. В завершение пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости всероссийских форумов научной молодежи. Участники Чтений высказались о безусловной необходимости продолжить работу конференции, не прерывать сложившуюся традицию.

Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н.

СЕКЦИЯ
“СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ”

М.В. Толкачев
*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

ЛЮБЕКСКОЕ ПОСОЛЬСТВО КОНРАДА ГЕРМЕРСА
В МОСКВУ В 1603 ГОДУ

Любек являлся вольным городом Священной Римской империи и центральным городом Ганзы – мощнейшего торгового союза эпохи Средневековья. Ганзейский союз имел давнюю историю взаимоотношений с Русскими землями, главным образом, через Новгород Великий. В 1514 г. новгородские наместники заключили мирный договор с Ганзой, чтобы возродить в Новгороде торговлю, приостановленную Иваном III. Ганза обязалась не вступать в союзы с Польшей и “во всем доброхотствовать Василию”, который взамен этого позволил торговать немцам в Новгороде. В 1539 г., уже при Иване Грозном, этот договор был подтвержден¹. К концу XVI в. некогда могущественная Ганза стала повсеместно утрачивать свои торговые позиции в соперничестве с Англией и Голландией². Однако ганзейская торговля продолжала существовать и на рубеже XVI и XVII столетий.

Связи между Россией и Любеком при Борисе Годунове имели различный характер, в том числе и в сфере культуры. Интереснейшим моментом в этих отношениях стала отправка Борисом Годуновым в Любек нескольких студентов³.

Помимо связей культурного характера, между Россией и Любеком были взаимоотношения в сфере политики и торговли, которые тесно переплетались между собой. Любекские власти поздравили семью Годуновых с избранием Бориса Федоровича в цари, что говорит в целом о благожелательном отношении Любека к России и Годуновым в частности. Борис Годунов получил поздравительную грамоту от бургомистров Любека датированную 1599 г.⁴ Еще одна поздравительная грамота от 1599 г. от властей Любека была адресована Федору Борисовичу Годунову, коего поздравили “... с возведением на престол родителя ...”⁵. Кроме поздравлений любекские власти просили Годуновых о покровительстве любекским купцам в России⁶, поскольку

именно торговые интересы превалировали во взаимоотношениях между Россией и Ганзой.

Борис Годунов понимал, насколько необходимы России политические, торговые и культурные связи с Европой, и здесь установление тесных взаимоотношений с Любеком было в интересах русского двора. В свою очередь, Любек и все немецкие торговые города, в первую очередь, добивались права беспошлинной и свободной торговли на территории России. Они желали открыть немецкие торговые дворы в Москве, Новгороде, Пскове, Ивангороде и просили разрешить немецким купцам чеканить монету на русских денежных дворах. Русское правительство, с помощью немецких ганзейских городов, надеялось наладить морские сообщения с западноевропейскими странами через Ивангород и устье Нарвы, чему решительно препятствовала Швеция⁷.

В 1603 г. в Москву прибыло ганзейское посольство, в котором были представители не только Любека, но и Бремена, Гамбурга, Гданьска, Люнебурга, Грипсвальда и других городов, входивших в Ганзейский союз. Посольство возглавлял любчанин Конрад Гермерс⁸. Основной задачей посольства было получение торговых привилегий для любекских купцов⁹. Получение торговых привилегий Любеком автоматически распространяло эти привилегии на всю Ганзу.

Посольство Гермерса было хорошо принято¹⁰. Послов встретили около русских границ и проводили в Москву¹¹. Прошение посланников о торговых привилегиях было удовлетворено. Во время аудиенции Борис Годунов лично вручил представителям Любека новую жалованную грамоту. Это была жалованная грамота царя Бориса Годунова городу Любеку от 1603 г.¹² Согласно грамоте, царь дозволил любекским купцам беспрепятственно приезжать в русские города¹³. Помимо этого, торговцам из Любека было разрешено ставить свои дворы в русских городах¹⁴. Любекские купцы обычно прибывали к северному русскому берегу к городам Архангельску и Холмогорам. Теперь они могли свободно реализовывать свой товар в России, а если что-то не могли продать, то беспрепятственно могли увести товар обратно¹⁵. Так же царь Борис разрешил любекским купцам вести беспошлинную торговлю. Из всех европейских торговцев аналогичные привилегии имели только английские купцы. Кроме того, любекские купцы получили право переходить русскую границу без таможенного досмотра. В грамоте было указано, что бы немецкие товары не досматривались и не записывались¹⁶. Любекским купцам разрешалось также приносить иноземные деньги на денежный двор и перечеканивать их в русские деньги, необходимые для торговли внутри России¹⁷.

После того, как переговоры между любекским посольством и Борисом Годуновым были завершены, и царь вручил послу упомянутую выше жалованную грамоту, немецкие послы отбыли домой. Московское правительство организовало сопровождение посольства обратно до русских границ¹⁸.

Подытоживая, можно сказать, что отношения России и Любека в период правления Бориса Годунова имели весьма разнообразный характер. Русско-любекские отношения при Борисе Годунове были достаточно перспективны в рамках укрепления взаимоотношений между Россией и Священной Римской империей. Любек являлся одной из жемчужин империи — вольным имперским городом, занимавшим одно из центральных мест в торговой, политической и культурной жизни Европы, и Борис Годунов не мог обойти вниманием этот факт. К сожалению, материалов по истории русско-любекских отношений рассматриваемого периода в российских архивах отложилось не много, однако и они свидетельствуют, что в период правления Бориса Годунова русско-любекские связи развивались по восходящей линии. А это, в свою очередь, способствовало укреплению связей между Россией и Европой в целом.

Примечания

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. — М.: ЭКС-МО, 2002. — Т. 7. — С. 32-33, 143.

² Там же. — С. 146.

³ Зверев С. В. Новые материалы о русских студентах в Любике // Иноземцы в России в XV — XVII вв. Сборник материалов конференций 2002 — 2004 гг. — С. 260.

⁴ Грамота от бургомистров г. Любека к царю Борису Годунову, Любек, 5 декабря 1599 г. // РГАДА. — Ф. 61. — Оп. 2. — Д. 5. 1599 г. — ЛЛ. 6-7.

⁵ Грамота от бургомистров г. Любека к царевичу Федору Годунову, Любек, 28 ноября 1599 г. // РГАДА. — Ф. 61. — Оп. 2. — Д. 4. 1599 г. — ЛЛ. 4-4об.

⁶ Там же. — ЛЛ. 4об.-5.

⁷ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века. “Смута”. — М.: Мысль, 1988. — С. 134.

⁸ В литературе К. Гермерс иногда именуется Гермесом.

⁹ Грамота от бургомистров г. Любека к царю Борису Годунову, Любек, 6 января 1603 г. // РГАДА. — Ф. 61. — Оп. 2. — Д. 7. 1603 г. — ЛЛ. 7 об.-8.

¹⁰ Грамота от бургомистров г. Любека к царю Борису Годунову, Любек, 30 октября 1603 г. // РГАДА. — Ф. 61. — Оп. 2. — Д. 8. 1603 г. — Л.5об.

¹¹ Там же. — Л. 5об.

¹² Жалованная грамота царя Бориса Годунова, данная бургомистрам г. Любека, Москва, июнь 1603 г. // РГАДА. — Ф. 61. — Оп.3. — Д. 1. 1603 г. — Л. 1.

¹³ Там же. — Л. 5об.

¹⁴ Там же. — Л. 5об.

¹⁵ Там же. — Л. 5об.

¹⁶ Там же. — Л. 6.

¹⁷ Там же. — Л. 6.

¹⁸ Грамота от бургомистров г. Любека к царю Борису Годунову, Любек, 30 октября 1603 г. // РГАДА. — Ф. 61. — Оп. 2. — Д. 8. 1603 г. — ЛЛ.5об.-6.

А.А. Островский
Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОТЕРИ РУССКИХ И ШВЕДСКИХ ВОЙСК В ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ

1) Русская пехота обладала более совершенной организацией, чем шведская, поскольку гренадёры были выделены в отдельные роты, что положительно сказывалось на их использовании, а наличие в полках артиллерии значительно облегчало атаку и оборону.

Русская артиллерия так же превосходила шведскую, благодаря её делению на полевую и полковую. В то же время шведская кавалерия, состоящая из рейтар и драгун превосходила русскую поскольку могла решать более широкий спектр задач, чем кавалерия Петра, в составе которой были только драгунские полки.

2) Достоверно известно, что в численность русских войск участвовавших в битве была не менее 42 тыс. человек. Определить численность по родам войск (кроме артиллерии) весьма проблематично.

3) Единого мнения о числе шведских войск принявших участие в битве у российских и шведских историков нет. Скорее всего, в этом вопросе следует довериться шведским данным, в то время как в вопросе о численности русских войск следует доверять русским.

4) С достаточной степенью достоверности можно говорить об общих потерях русской армии в полтавской битве. Давать оценку о количестве погибших можно только приблизительно.

5) Наиболее вероятно, что общие шведские потери в полтавской битве, скорее всего, составили около 11 тыс. человек. Из них около 8000 убитыми.

РОЛЬ А.И. ОСТЕРМАНА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг. XVIII в.

Первая половина 1730-х гг. отмечена для России значительными, хотя и малозаметными внешнеполитическими успехами. Был заключен ряд военно-политических и экономических договоров с такими крупными европейскими державами, как Дания (1732 г.), Англия (1734 г.), Швеция (1735 г.). Крупной военной и дипломатической победой закончилась для России война за Польское наследство 1734-35 гг.¹

Цель данной работы – определить степень влияния Остермана на внешнюю политику в первую половину правления Анны Иоанновны.

В данной работе были использованы книги Е.В. Анисимова, Н.И. Костомарова, Г.А. Некрасова, Н.Н. Петрухинцева, Н.И. Павленко и других исследователей.

Источники – материалы Кабинета министров, опубликованные в сборниках РИО, а также мемуары того периода.

Основными политическими фигурами эпохи Анны Иоанновны традиционно считаются Бирон, Остерман и Миних. Роль каждого из них во внешней политике, определялись, в первую очередь, их влиянием на основные инстанции, принимавшие внешнеполитические решения.

В 1731 г. для непосредственного управления империей был создан Кабинет министров, как считается, по инициативе Остермана². Кроме него в первоначальный состав Кабинета министров входили канцлер граф Г.И. Головкин и князь А.М. Черкасский³.

Известно, что первый целиком и полностью находился под влиянием Остермана⁴. Кроме того, Головкин, хотя и был формально первым кабинет-министром, фактически принимал небольшое участие в работе Кабинета. Согласно протоколам этого учреждения он почти не посещал заседаний⁵.

Ситуация с Черкасским является несколько более сложной. Активный участник событий 1730 года, князь в первый период правления Анны Иоанновны пытался играть самостоятельную роль и бороться с Остерманом, заключив союз с П.И. Ягужинским и Карлом Левенвольде, но этот блок быстро распался, к стати, не без участия Остермана. Уже в конце 1731 года Остерман рекомендовал императрице назначить Черкасского кабинет-министром, полагая, что князь более не опасен⁶. И действительно, вплоть до 1738 года, когда третьим членом Кабинета стал А.П. Волынский, Черкасский ни в чем не противоречил Остерману. Таким образом, можно сделать вывод, что в первой половине тридцатых годов Остерман имел полный контроль над Кабинетом.

Вторым органом, который управлял внешней политикой, была коллегия иностранных дел. Формально ее главой продолжал числиться канцлер Г.И. Головкин, но он, как уже отмечалось, в тот период целиком находился под влиянием Остермана, являвшегося вице-президентом коллегии.

Положение Остермана еще более укрепилось после смерти Головкина в 1734 г. Пост канцлера и должность президента коллегии иностранных дел остались незамещенными, и фактически достались Остерману. Кроме того, Андрей Иванович стал первым кабинет-министром. Его подпись теперь неизменно стояла первой на бумагах Кабинета⁷. Третьим кабинет-министром стал граф П.И. Ягужинский⁸, который, как и Головкин, не мешал Остерману, хотя и был, как считается, ставленником Бирона⁹.

Наконец, третьей инстанцией, оказывавшей определяющее влияние на внешнюю политику России, была сама императрица Анна Иоанновна и, соответственно, те, кто мог диктовать ее те или иные решения. Наиболее распространено мнение, что таким человеком был Бирон. Однако в первой половине тридцатых годов положение Бирона было достаточно шатким: во-первых, он не имел самостоятельной политической программы, во-вторых, не занимал никаких постов, кроме должности обер-камергера, не дававшей никакой реальной власти, в-третьих, у него были соперники на роль фаворита императрицы, например, Карл Левенвольде¹⁰.

Влияние Остермана на Анну Иоанновну определялось, как представляется, во-первых, его авторитетом крупного государственного деятеля и дипломата, во-вторых, его активной ролью в перевороте, который привел Анну к власти. К тому же есть целый ряд менее проясненных моментов. Известно, что старший брат А.И. Остермана также находился на русской службе, и при Петре I занимал должность воспитателя детей царя Иоанна¹¹, то есть, в том числе, и Анны. Кроме того, Остерман наряду с Меншиковым не раз оказывал материальную помощь Анне в тот период, когда она была Курляндской герцогиней¹². Таким образом, можно сделать вывод, что отношения Анны и Остермана были более сложными, чем просто деловые отношения императрицы и министра, хотя сказать что-то более конкретное в этом направлении сложно.

Таким образом, можно сделать вывод, что в первой половине 1730-х гг. ведущую роль во внешней политике играл А.И. Остерман. Его соперники — Бирон и Миних — в этот период не имели голоса в Кабинете министров и коллегии иностранных дел, и могли проводить свои решения лишь используя свое влияние на Анну Иоанновну, что, впрочем, также было затруднительно ввиду того, что наиболее авторитетной фигурой в глазах императрицы в первой половине 30-х гг. был Остерман.

Примечания

¹ Некрасов Г.А. Роль России в Европейской международной политике 1725 – 39 гг. – М., 1973. – С. 137.

² Петрухинцев, Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. – М., 1989. – С.38.

³ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 117. – Юрьев, 1904. – С. 159.

⁴ Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. – М., 2002. – С. 61.

⁵ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 104. – Юрьев, 1898. – С. 197.

⁶ Русский биографический словарь. – М., 1997. – С. 169.

⁷ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 114. – Юрьев, 1902. – С. 56.

⁸ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 114. – Юрьев, 1902. – С. 57.

⁹ Анисимов Е.В. Россия без Петра. – СПб., 1994. – С. 125.

¹⁰ Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. – М., 2002. – С. 61.

¹¹ Русский биографический словарь. – М., 1997. – С. 169.

¹² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2 т. Т. 2. – М., 1995. – С. 156.

М.А. Киселев

Уральский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПОДАТНЫХ ПРИВИЛЕГИЙ МАСТЕРОВЫХ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Категория “мастеровых” в XVII – нач. XVIII в. представляла собой профессиональную группу (“звание”), а не сословную (“чин”). В частности, по Соборному Уложению 1649 г. были известны “посадские черные мастеровые люди”, которые находились в общем посадском тягле¹, т.е. были профессиональным разрядом посадского населения. Возможность выйти из посадского тягла для мастеровых суще-

ствовала в случае работы на государство (как, напр., тульские оружейники).

В начальный период петровских реформ в положении профессиональной группы мастеровых не было существенных изменений. Однако с 1717 г. Петр I начинает активно проводить политику покровительства развитию отечественной мануфактурной промышленности. Одной из мер этой политики стало освобождение квалифицированных рабочих – мастеровых – от налогов. По п. 10 Берг-привилегии от 10 декабря 1719 г. объявлялось, что “мастеровые люди таких заводов, которые подлинно в дело произведут... от поборов денежных и солдатской и матрозской службы и всякой накладки освобождаются”². При проведении подушной переписи по резолюции Петра I от 19 января 1723 г. на 4 пункт генерал-майора Г.П. Чернышева было предписано, что “которые в фабриках, каких чинов ни есть, переписать, а в подать не класть”³.

У подобного подхода при существовании сословного строя возникла проблема: мастеровые люди не были сословной потомственной категорией, представителей которой можно было бы только один раз зафиксировать. Следовательно, должен был возникнуть вопрос: что должно произойти при динамике развития этой группы. Это касалось как детей мастеровых, так и пополнения из положенных в подушную подать. Уже в 20-е гг. XVIII в. правительство столкнулось с такой проблемой. В частности, приговором Высокого Сената от 31 мая 1728 г. о мастеровых и работных заводов В.В. и П.В. Меллеров было определено, что “которые до 726 году были не положены ... тех не класть”. При этом подчеркивалось, что “велено с пришлых на заводы подушные денги брать с тех, которые написаны и в оклад положены на прежних их жилищах, а не с таких, кои при первом положении от подушного оклада уже при заводах бес подушного оклада оставлены”⁴, т.е. мастеровые, которые пришли на завод, будучи уже в подушной подати, должны были ее выплачивать. По приговору от 20 декабря 1728 г. было определено, что на Каширских и Алексинских заводах А.Л. Нарышкина дети мастеровых должны быть положены в подушный оклад⁵.

Таким образом, по мере изменения состава категории мастеровых, в частности из-за прибытия новых мастеров, уже записанных в подушную подать, возникало противоречие: одни платили подушную подать, а другие – нет. При этом законодательные нормы об освобождении мастеровых от налогов, в частности 10 пункт Берг-привилегии, не были отменены. Понятно, что подобное положение дел мало устраивало и фабрикантов, и правительство.

Попытка разрешить проблему была предпринята в 30-е гг. XVIII в. Наиболее крупные текстильные фабриканты в 1731 и 1732 гг. подали

прошения на имя Анны Иоанновны, в которых просили освободить от подушной мастеровых, а также им “при фабриках быть ... неотъемлемым”⁶. Правительство пошло на встречу. 10 ноября 1732 г. был издан сенатский указ, которым было предписано провести перепись “работных и мастеровых людей” на мануфактурах⁷. На наиболее крупных мануфактурах перепись была проведена к началу 1736 г., и 7 января 1736 г. по ее результатам был издан именной указ. По 1 пункту этого указа все мастеровые, т.е. квалифицированные работники, освобождались от подушной подати, включая тех, кто был до этого в нее положен, а также оставлялись “вечно при фабриках”⁸. По п. 2 указом предписывалось “впредь на тех мануфактурах и фабриках всяким мастерам обучать и в мастера производить из детей вышеписанных отданных им [владельцам мануфактур. — М.К.] вечно”. Полагалось, что с этого момента черновая работа будет производиться “вольными с паспортами и записями”⁹. Таким образом, указ от 7 января 1736 г. как бы превращал на частных мануфактурах мастеровых из профессиональной группы в сословную, у которой были свои привилегии и — не платить подушных денег — и обязанности — обеспечивать квалифицированным трудом частную мануфактуру.

Подобная идеальная схема могла действовать только в случае, если бы не возникали новые мануфактуры. Но с 1736 по 1744 г. включительно было основано не менее 74 новых мануфактур (по ведомству Мануфактур-коллегии)¹⁰, значительная часть которых не имела “вечноотданных” мастеровых. Таким образом, попытка решить проблему податных привилегий мастеровых старым феодальным способом потерпела поражение. Надо было либо включать новых мастеровых в категорию “вечноотданных” (что должно было бы уменьшить количество плательщиков подушной подати и превратить мануфактуру в способ избежать податного бремени), либо лишать вечноотданных налоговых льгот. Правительство Елизаветы Петровны пошло по второму пути: в 1742 г. мастеровых лишили привилегии не платить подушной подати¹¹. В качестве же наследия прежней политики осталась сословная группа “вечноотданных” мастеровых.

Примечания

¹ Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. — Л., 1987. — Гл. XIX. — Ст. 24. — С. 101

² ПСЗ. — Т. 5. — № 3464. — С. 761.

³ ПСЗ. — Т. 7. — № 4145. — С. 12.

⁴ РГАДА. — Ф. 248. — Д. 161. — Л. 516 об. — 517.

⁵ Там же. — Л. 517—517 об.

⁶ РГАДА. — Ф. 248. — Д. 924. — Л. 2.

⁷ ПСЗ. — Т. 8. — № 6255. — С. 972.

⁸ ПСЗ. — Т. 9. — № 6858. — С. 709.

⁹ Там же.

¹⁰ Подсчитано нами по: РГАДА. — Ф. 248. — Д. 940. — Л. 668-680 об.

¹¹ ПСЗ. — Т. 11. — № 8620. — С. 663.

Я.А. Лазарев

Уральский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.В. НАУМОВА В УПРАВЛЕНИИ ГЕТМАНЩИНОЙ: 1727–1728 гг.

Тема взаимоотношений власти и общества чрезвычайно актуальна уже по своей сути. Исторические казусы, рассматриваемые в этом ключе (власть-общество) востребованы исторической наукой. Однако некоторые сюжеты по-прежнему остаются без должного внимания отечественных историков. К их числу стоит отнести слабую изученность диалога центральной власти с социумами имперских окраин первой трети XVIII в. В особенности это касается проблемы управления Гетманщиной в означенный период¹.

Необходимость освещения вопросов администрирования этого региона показывают не только последние политические события на Украине, но и создание украинскими коллегами по цеху искаженной картины российско-украинских отношений 20-30-х гг. XVIII вв.²

В центре нашего доклада поставлена проблема управления Гетманщиной за сравнительно небольшой промежуток времени 1727-1728 гг. Специфика взаимоотношения элит и администрирования края, в том числе и некоторые мифы, отложившиеся в историографии, будут раскрыты через биографию чиновника, небезызвестного самарским историкам³. А именно — тайного советника Федора Васильевича Наумова. Статус последнего на Гетманской Украине ошибочно определяют как руководителя при гетмане или наместника Российской империи⁴. В подобной трактовке заставляют усомниться архивные документы Российского государственного архива Древних Актов (далее — РГАДА)⁵.

Но обо всем по порядку. К 1727 г. в системе управления Гетманщиной наметился административный кризис. Первая отмена гетманства нарушила местную систему замещения должностей, правда несколько скорректированную еще петровским указом от 22 января 1715 г.⁶ Это повлекло за собой появление огромного количества “наказных”, т.е. временно исполняющих обязанности, занимавших должности не толь-

ко полковников, но и полковых есаулов, сотников, писарей⁷. Причем не только на уровне полковых органов самоуправления, но и на уровне высших органов Гетманщины – Генеральной войсковой канцелярии и Генерального войскового суда.

Из-за чего Малороссийская коллегия должна была взять на себя часть не свойственных ей изначально функций⁸. Долго вызревавшее решение в Верховном Тайном Совете (далее – ВТС) о реставрации гетманства совпало по времени со стремлением всесильного Меншикова уничтожить ведомство Вельяминова⁹. А они в свою очередь с чаяниями украинской элиты, у которой коллегия изъядла налоговые льготы и возможности для “похолопления” рядовых казаков и крестьян (посполитых) по указу от 16 апреля 1723 г.¹⁰

Процесс ликвидации учреждения было тесно связан с подготовкой выборов нового гетмана. Для проведения элекции был отправлен тайный советник Наумов. Ему были даны указ из ВТС “о бытии в Малой России гетману и генеральной старшины и посылке для обрания гетмана тайного советника Наумова” и секретная инструкция, утвержденные 22 июня¹¹.

Горобец пишет о том, что Наумов сразу же взялся за проведение аудита деятельности коллегии, что выявило якобы серьезные финансовые утайки¹².

Однако тайному советнику за время отсутствия гетмана в Москве с 9 февраля по 1 октября 1728 г. предстояло столкнуться с совершенно иной ситуацией.

Украинский историк, ссылаясь на документы из РГАДА (Ф. 229. Оп. 29. Д. 1780), приводит практически те же цифры, что и Соловьев¹⁴. Для Горобца очевидна коррупционность коллегии, поэтому понятно его сожаление, что не удалось доказать вину Вельяминова. На деле же оказывается, что ученый банально не умеет “дебет с кредитом” считать. “Щетная выписка”, сделанная в 1734 г. князем Шаховским показывает, что искомая недостача ушла на жалованье военным, гражданским чинам, а так же украинской старшине, на различные транспортные расходы и т.д.¹⁵.

Более того материалы переписи землевладений Гетманщины (маетностей), собиравшиеся бывшей Малороссийской коллегией с 1726 г. могли бы дорого стоить самому гетману.

В частности Наумов выяснил, что “многое число” ратушных и прочих войсковых сел находиться в “раздаче от полковников в своих полках без гетманских универсалов, а паче показала в миргородскому полковнику от бывшего полковника Апостола что ныне гетманом, что себе взял и взаем своим роздал из другихи того полку” 14 тысяч дворов. К тому же сам гетман взял себе незаконно больше 1,5 тысяч дворов “без указа, сверх определенного ему на булаву Гадяцкого замку”¹⁶.

Дальше в своем доношении в Коллегию Иностранных дел от 12 августа 1728 г. Наумов добавлял, что “запрестерегание от меня к нему в том имеет он гетман на меня немалую злобу”. Из-за чего тайный советник постоянно лишается информаторов из числа малороссиан. Более того попытки выяснить финансовую ситуацию и отрегулировать судопроизводство в Гетманщине наталкиваются на, мягко скажем, “нерадение” со стороны генеральной старшины. Самим же гетманом были установлены сборы “по четыре алтына с человека”¹⁷. И это в нарушение указа Петра II от 10 июля 1728 г., по которому “полковники, старшина генеральная, и полковая и Сотники, и прочие все рядовым казакам и посполству налог и обид и тягостей отнюдь нечинили”¹⁸.

Но, видимо, в центре наумовскому доношению “верховники” не дали хода. Осенью Федор Васильевич был отозван в Петербург. Смеем предположить, что здесь сыграли геополитические соображения – возможная война с Османской империей.

Примечания

¹ Коллективное исследование “Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления” во многом повторяет Грушевского М.С. (Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998. С.). Раздел коллективной монографии “Западные окраины Российской империи” написанный Таировой-Яковлевой Т.Г. мал и заслуживает ряда критических замечаний (Западные окраины Российской империи. – М., 2006. С. 52-54.

² Горобець В. Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. – Київ, 1998; Он же. “Волимо царя східного...”. Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. – Київ, 2007; Історія українського козацтва: нариси у двох томах. – Київ, 2006. – Т. 1.; Реєнт О.П., Коляда І. А. Усі гетьмани України. – Харків, 2008.

³ См.: Дубман Э. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. – Самара, 2005.

⁴ Напр.: Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. – СПб., 1897. – Т. 3. – С. 539. По данной ему секретной инструкции он считался всего лишь министром при гетмане, а в его отсутствие должен был “обще” с генеральной старшиной управлять Гетманщиной (См.: РГАДА. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 54-75 Об.).

⁵ По данной ему секретной инструкции он был всего лишь министром при гетмане, а в его отсутствие должен был “обще” с генеральной старшиной управлять Гетманщиной (См.: РГАДА. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 54-75 об.).

⁶ Указ давал гетману выбирать из 2-3 кандидатов на должность (См.: Источники малороссийской истории, собранные Бантыш-Каменским Д.Н. – М., 1858. – Ч. 2. С. 275-276).

⁷ Показательно поданное гадяцким полковником Милорадовичем доношение в мае 1727 г. (См.: Сборник императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). – Т. 63. – С. 593).

⁸ Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб, 1830. (далее – ПСЗ). – Т. 6. – №3989. – С. 667-668.

⁹ См.: СИРИО. – Т. 63. – С. 485.

¹⁰ ПСЗ. – Т. 7. – № 4196. – С. 48-50.

¹¹ РГАДА. – Ф. 248. – Оп. 29. – Д. 1780. – Л. 92; СИРИО. – Т. 63. – С. 799; ПСЗ. – Т. 7. – № 5127. – С. 828-829.

¹² Горобець В. *“Волимо царя східного...”*. Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. – Київ, 2007. – С. 407-408.

¹³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1993. Кн. 10. – С. 155.

¹⁴ РГАДА. – Ф. 248. – Оп. 29. – Д. 1783.

¹⁵ Там же. – Д. 1780. – Л. 354 об. – 355.

¹⁶ Там же. – Л. 355 об.

¹⁷ Там же. – Л. 571.

¹⁸ Там же.

М.А. Шевякова

Самарский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ В ПЕРИОД ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 1875–1878 гг.

Соперничество Великобритании и России являлось одной из сложных проблем международных отношений на протяжении XIX века. Эти внешне дружественные мировые державы вели постоянную информационную войну, пытаясь вытеснить друг друга с мировой арены. Целью данного доклада является изучение информационного противостояния России и Великобритании в период восточного кризиса 1875–1878 гг.

В Великобритании основными проводниками антирусской политики выступали Б. Дизраэли и королева Виктория. Их тревожило про-

движение русских войск в Средней Азии, все более приближавшее Россию к Индии. Беспokoило их и дела на Балканах и Ближнем Востоке. Турция в роли надежного стража основных торговых путей Англии была достаточно удобна, поэтому Дизраэли решил помочь Турции. Несмотря на то, общественное мнение Англии вовсе не разделяло его стремлений, Дизраэли все-таки удалось настроить британскую общественность против России.

С подачи Дизраэли в лондонских пабах пелись патриотические и воинственные куплеты, с подмостков лондонского мюзик-холла гремела песенка, от слов которой “русским не видать Константинополя” часть публики приходила в неистовство. Именно в эти дни возникла знаменитая песенка английских шовинистов: “Мы не хотим войны, но если волею Джинго, придется воевать, у нас будут корабли, будут люди и будут также деньги”. С тех пор термин “джингоизм” вошел в международный лексикон для обозначения крайней националистической агрессивности.

Достаточно активно Дизраэли использовал прессу с тем, чтобы настроить общественное мнение против России. Так, например, в одном из популярных журналов Великобритании того времени была напечатана комическая карта мира 1877 г, где Россия изображалась огромным спрутом, стремившимся поглотить не только опрокинутую на спину Турцию, но и всю Европу. Англичане, напуганные статьями в прессе, боялись, что Россия, “проглотив” Турцию, продолжит наступать на восток, угрожая британским интересам в Индии. Лишь немногие из министров осмеливались оспаривать официальный антирусский британский курс. Например, лорд Солсбери называл воображаемую российскую угрозу “химерой”. В беседе с германским дипломатом Бушем Солсбери говорил, что “в Англии общественному мнению требуется иметь пугало – раньше им был папа, теперь русофобия”¹.

Следует сказать, что русофобия была характерна для Великобритании уже с середины XIX века. В то время русофобия явилась отличительной чертой мышления т.н. демократических кругов многих стран Европы. Русофобия именно тогда становится атрибутом ненависти к “деспотизму” и знаменем “порабощённых народов”. Историк и публицист М.П. Погодин, близкий друг С.С. Уварова, отмечал тогда, что Россия ничего не противопоставляет этой враждебной пропаганде, и предлагал создать в европейских государствах несколько центров контрпропаганды в виде издания газет и журналов, субсидирования прорусских политиков².

Что касается России, то здесь также царило враждебное отношение к Великобритании. Антибританскими выпадами пестрели газеты и журналы самых, казалось бы, разных направлений. Как только ни

называли Англию: “коварный Альбион”, “дряхлый Альбион”, “метрополия злата”. В печати бытовало выражение “англичанка гадит”, появившееся еще в период Крымской войны. Под “англичанкой” при всем при этом понималась не просто Англия, как страна, но и персонально королева Виктория. Теперь “англичанка гадит” — это расхожее выражение, обозначающее факт преимущественно неявных действий (дипломатических, экономических, шпионских, пропагандистских) Великобритании против России.

Русская пресса XIX в. нередко высказывалась о присущих англичанам практицизму, деловой энергии, расчетливости, стремлении к прибыли. Но высказывания эти не только не содержат в себе одобрительной оценки, но даже не нейтральны. Для русского дворянского общества того времени “практицизм” означал поглощенность низменными заботами в ущерб более высоким идеальным ценностям.

Отражение событий восточного кризиса 1875–1878 гг., в частности, отношение России к Великобритании, можно проследить на страницах газеты “Московские ведомости”. Постоянным лейтмотивом многих статей становится критика британского правительства. “Московские ведомости” яростно клеймят английскую политику и дипломатию: обвиняют ее в нарушении всех прав и трактатов, возмущаются английским вмешательством в непосредственно русские интересы и ее стремление подорвать престиж и значение России на Востоке, уличают ее в заключении за спиной России соглашения с Турцией³.

Примечания

¹ Науменков О. А. Роберт Солсбери и его время. Викторианская Англия в лицах // <http://books.google.com>.

² Бутаков Я. Истоки и смысл европейской русофобии // <http://www.apn.ru/publications/article1933.htm>.

³ Рыбаченок И. С. Восточный кризис 1875–1878 гг. и русско-турецкая война на страницах газеты “Московские ведомости” // Россия и восточный кризис 70-х гг. XIX века. Под ред. И.А. Федосова. — М., 1981. — С. 174.

**СЛУХИ КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
РУССКО-ТАТАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ
В XVIII–XIX вв.**

В словаре С.И. Ожегова понятие “слух” определяется следующим образом: “Молва, известие о чем-нибудь, обычно еще ничем не подтвержденное”. Поскольку они передавались устно, то, во-первых, масштабы распространения слухов неограниченны, во-вторых, в процессе “распространения” слухи могут обрастать новыми сведениями и изменяться до неузнаваемости. Таким образом, слухи могут играть роль информационных посредников между двумя группами людей, в данном случае между русскими и мусульманами. Однако эта дихотомия имеет несколько уровней: уровень основной массы населения (мусульманин-православный), элитарный (российская администрация – татарская элита), внешнеполитический (Россия – Турция). Кроме того, осуществлялось межуровневое взаимодействие и в результате между всеми этими группами циркулировали слухи, которые создавали целую систему представлений разных групп друг о друге.

Начать следует с основной массы населения, которое было совокупностью православного большинства и татарского меньшинства, сосуществование между которыми на бытовом уровне было достаточно мирным, русские и мусульмане спокойно уживались в рамках православного государства. И.Г. Гмелин в своих путевых заметках писал: “Мы нашли их вообще приветливыми людьми, а страшная прежде для нас слава татар теперь показалась нам совсем другой”¹. Следует отметить, что это говорит человек образованный и просвещенный, но как эти сведения воспринимали крестьяне, для которых это было “истинной в последней инстанции”. А источниками этой информации могли быть как представители русской администрации, так местное русское население.

Важно отметить, что межэтнические конфликты нередко носили острый характер и оборачивались бедствиями для мирного населения обеих враждующих сторон. В связи с этим получили распространение, в частности в XVIII в., панические слухи о приближении отрядов противной стороны. На бытовом уровне этот страх был четко формируемым с помощью этих “непроверенных сведений”, однако люди видели разбой и грабежи, которые были “спутниками” этих отрядов и, впоследствии, идентифицировали эти бедствия со всеми представителями другой конфессии. Из письма секретарю Полянскому о предполагавшемся татарском восстании 1748 г.: “у татар ныне имеется

острый и крепкий помысел, чего очень в сем году христианам опасаться от напрасного погубления...я бы себя объявил, да боюсь татар”². В этом отрывке видна общая атмосфера страха, при которой рефреном выступает ожидание неминуемого набега, расправы и грабежа, даже если отсутствуют реальные причины для разбоя.

Со стороны мусульман страх перед русскими скорее выливался в страх перед насильственной христианизацией, более они боялись не простых православных русских, с которыми достаточно успешно сосуществовали, а именно представителей российской администрации. Мусульмане зачастую бунтовали против любой новации со стороны официальных властей, ожидая только худшего, ибо понимали, что самое страшное для них потерять свою этническую, а значит религиозную принадлежность. При таком отношении самая лучшая инициатива может привести к плачевным результатам. “Для крещеных инородцев Поволжья нужно строить церкви и приобрести священные книги и прочее...подписки и сборы денег на сей предмет поведены так неумело, халатно и грубо, что всполошили все мусульманские края, вызвали некоторые репрессалии и замутили доверие всего русского мусульманства нелепыми слухами о насильственном обращении в православие северных мусульман и о замене минаретов колокольнями”³.

Необходимо отметить, что это писал татарский публицист, радеющий за процветание мусульман в рамках Российской империи. Однако для этого, по его мнению, необходимо научиться доверять друг другу и проявить заинтересованность в нахождении механизма успешного сосуществования представителей этих двух конфессий.

Поэтому можно выйти на следующий уровень дихотомии татарская элита-русская элита, каждая из которых пыталась использовать слухи как политическое оружие для втягивания в борьбу основной массы населения. Российские управленцы действовали более дальновидно, ибо использовали слухи не только для формирования определенного образа мусульман, но и для разжигания противоречий внутри мусульманской диаспоры. В качестве примера можно привести меры, применяемые И.И. Неплюевым для подавления восстания Батырши 1755 г.: “народом тевтерьякам, мещерякам, которых башкирцы до вступления под Российскую державу считали своими подданными, послал я тогда грамоты, поощряя их против бунтовщиков башкирцев к вооружению, как то по подданнической должности, так и для собственной своей безопасности...причина их возмущения есть та, чтоб обратить их в прежнее рабство”⁴. Эта мера была результативной, ибо воздействовала на взаимоотношения между башкирами и их припущенниками (крестьянами, которые селились по припуску башкир на их вотчинные земли).

Что касается воздействия татарской элиты на основную часть мусульманского населения, то главной целью была провокация стихийного движения сопротивления, которое организовывалось под лозунгом борьбы с русификацией. Татарская элита в лице торговой прослойки и мусульманских религиозных деятелей пыталась направлять вектор развития татарского социального протеста. Так, в 1893 г. началось движение сопротивления после выхода указа об изъятии рукописных и изданных за границей татарских книг. Выполнение этого указа грозило утратой основных учебных пособий на этом языке, т.к. печатной продукции явно недоставало для нужд школы. В ходе следствия было обнаружено участие в этом деле татарских купцов и промышленников. При допросе, на вопрос о мотивации распространения слухов о русификации купец, промышленник и издатель А. Сайдашев отвечал кратко: «иначе мы бы не подняли бы народ»⁵. Представляется, что этот пример характерен для многих выступлений этого периода, ибо зачастую основная масса татарского населения слово «русификация» воспринимала как синоним потери религиозной идентичности, и не малую роль в формировании подобного восприятия сыграли мусульманские религиозные деятели, которые в глазах сельского населения были носителями «истинного» знания.

Кроме того, существовал и внешнеполитический фактор. Отношения России и Турции на государственном уровне не могли не влиять на отношения власти к мусульманской диаспоре внутри страны. В частности, русско-турецкие войны XVIII–XIX вв. активизировали волнения среди мусульманского населения России, в частности Урала.

Таким образом, слухи в полиэтнической среде выступают в качестве политического оружия, используемого как имперской администрацией, так и татарской религиозной и светской элитой для провоцирования «очагов напряженности» в среде основной массы населения. Сельское же население вполне мирно и успешно могло бы сосуществовать, если бы конфессиональный признак не позиционировался элитой как «лакмусовая бумага» для деления на «своих» и «чужих». Создаваемый с помощью слухов образ, мало способствовал успешной интеграции мусульман в структуру православного государства, но был «удачным открытием» для тех, кто хотел использовать взаимную неприязнь в собственных интересах.

Примечания

¹ Гмелин И.Г. и его путешествие по Уралу в 1733–1734 гг. (отрывок из путевого дневника) / Ред. и перевод А.Б. Кудымова. – Пермь, 1999. – С. 17.

² Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 420.

³ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. – М., 2001. – С. 340.

⁴ Там же. – С. 433-434.

⁵ Алишев С.Х. Национальные аспекты в антифеодальной борьбе крестьян // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. – Казань, 1990. – С. 62.

К.Р. Буйнова

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА ГЛАЗАМИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА: КАВКАЗСКИЕ МОТИВЫ

На рубеже XIX – XX веков в аморфной среде российских путешественников все более заманчивой целью поездки становилась Латинская Америка. Раньше к ее берегам подходили лишь те российские судна, которые совершали кругосветные путешествия (экспедиции И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского в 1803–1806 гг., В.И. Головнина в 1808–1811 и 1817–1819 гг., М.П. Лазарева в 1814 г. и в 1822 г., Ф.Ф. Беллинсгаузена в 1819 г., О.Е. Коцебу в 1823–1826 гг., Ф.П. Литке в 1826–1828 гг.). Бывали и исключения, например, в 1821–1828 гг. была снаряжена экспедиция во внутренние районы Бразилии под руководством Г.И. Лангсдорфа. Она вошла в историю как первая русская научная экспедиция в Латинскую Америку, – вторая состоялась почти через сто лет, в 1914–1915 гг.

Всплеск интереса к экзотическим американским странам отмечается в конце XIX – начале XX века. Он был обусловлен, прежде всего, установлением и стабилизацией дипломатических отношений с латиноамериканскими странами. Стимулировала рост популярности этого региона и печать, например, вышедший в 1892–1902 гг. труд А.С. Ионина “По Южной Америке”. Александр Семенович Ионин, российский посол в Рио-де-Жанейро в 1883–1892, объездил большую часть континента, устанавливая отношения России с молодыми государствами и изучая последние. Свои путешествия он подробно описал в трех томах, ссылки на которые встречаются в большинстве анализируемых нами источников.

Находясь на другом конце Земли, русские путешественники не просто сравнивали реалии жизни, но и находили что-то, напоминающее Россию. Особенно любопытны сравнения с Кавказом, их прово-

дят четверо путешественников. При этом Н.М. Альбов пишет об уже безопасной Аргентине в 1890-х, а другие трое, Г.А. Деволлан, А.Н. Краснов и К.Д. Бальмонт, ведут речь о все еще беспокойной Мексике 1900-х.

Н.М. Альбов, талантливый молодой ученый-ботаник, поехал в Аргентину в 1895 году. “Мои надежды на устройство на Кавказе не осуществились, а ничего другого подходящего у меня в России не было, поэтому я обратил свою мысль на Новый Свет, а именно — на Южную Америку”¹. Н.М. Альбов не раз пускался в путешествия по Кавказу, изучая ландшафт и пополняя гербарии. Возможно, его выбор пал на Аргентину потому, что ученому было интересно сравнить природные особенности разных регионов. Однако Н.М. Альбов делает и общие наблюдения: “Горы, где мы были, всего 20 лет тому назад были еще полны индейцев из племени арауканцев. Теперь их здесь нет ни души. Экспедиция генерала Рока частью их истребила, частью откинула далее на запад, к пределам Чили. Так все изменяется со временем. Мы свободно и безопасно путешествовали, часто в одиночку, там, где 20 лет назад нельзя было показаться иначе, как в сопровождении сильного отряда, с скорострельными ружьями и пушками. Не то ли же самое и на Кавказе? Где я один беззаботно пробирался по диким горным тропам Абхазии и Черкесии, всего тридцать лет назад даже хорошо вооруженная компания нескольких отважных людей подвергалась чрезвычайным опасностям”².

Воспоминания А.Н. Краснова, посетившего в то же время Мексику, говорят о совершенно противоположной ситуации. А.Н. Краснов, известный географ, также посвятил Кавказу большую часть своей научной деятельности. Ученый оказался в Мексике, завершая кругосветное путешествие и делая небольшой крюк из американского Техаса. Его впечатления по существу представляют собой описание дороги. “Мексика и Россия имеют между собою, как будет показано, много общего. И одною из черт этого сходства является то обстоятельство, что и здесь, и там города существуют сами по себе, а железные дороги, построенные как будто для сообщения с этими городами, также сами по себе”³. Пространства вокруг дорог напоминают ученому закаспийские степи, а “маленькие промежуточные железнодорожные станции представляют собой по устройству еще большую простоту, чем станции нашей закавказской дороги в области Нуганской степи. Это маленький домик, сколоченных из листовой жести, род тех сардиночных коробочек, какие сколачивают себе бедные жители Батумских окраин”⁴. Кавказские ассоциации приходят на ум ученому и при взгляде на его спутников: “в 3-м классе сидело несколько с ног до головы вооруженных испанцев. Эта масса оружия, которая была на них навешана и казалась удивительною даже после всего, что прихо-

дилось видеть навешанным на наших горцах Кавказа, объяснялось тем, что традиции о набегах апачей на поезда, набегов, давно уже отошедших в область истории в Соединенных Штатах, еще не изгладилась из памяти мексиканцев”⁵.

Но прошло десять лет, и мексиканская железная дорога перестала пугать путешественников опасностью встречи с враждебными апачами. “Одноэтажные адобе (дома из битой глины), какая-то сонливость и спокойствие, свойственные югу”⁶, — так описывает путь Г.А. Деволлан, в начале века назначенный российским послом в Мексике. Правда, железное полотно само по себе не теряло общих черт с российским. “Что касается дороги, то жена с ужасом отскакивала от окна и в испуге закрывала глаза, когда вагон двигался на краю пропасти”⁷. И тем не менее, кавказские мотивы приходили на ум русскому путешественнику. Г.А. Деволлан между прочим замечает, что “Оахака немного напоминает Тифлис”⁸.

К.Д. Бальмонт, предпринявший поездку в Мексику в 1905 году, был полон надежд и символистских иллюзий. Первые дни поэт восторгался чудесной страной: “Мне хотелось упасть на землю и целовать ее. ... Впечатления подавляют. Все кишит, спешит, кричит, хохочет. ... Приготовился увидеть в Мексико ошеломляющий калейдоскоп”⁹. Но страшное зрелище боя быков подавило его настолько, что все стало раздражать чувствительную душу Бальмонта: “Я был в аду. Я болен. Мне невыносимо видеть людей... Мексико — противный, неинтересный город. ... Жизнь дороже, чем я рассчитывал и все плохо. Низкое обирательство. Масса европейцев, приехавших и приезжающих сюда для наживы”¹⁰. Однако и среди этого ужаса и мрака нашлось то, что привлекло внимание страдальца за мексиканскую землю: “Единственно, что интересно, — это лица “индейцев”, т.е. туземцев (между прочим множество сходных черт с русскими, арийцами и нашими кавказскими горцами)”¹¹.

Случайны ли эти совпадения; чем объяснить навязчивый кавказский мотив, повторяющийся в сочинениях побывавших в Мексике и Аргентине? Не зря этот регион довольно долго оставался terra incognita для русских путешественников, будучи не только далеким и труднодоступным, но и очень опасным. Одним из первых после урегулирования русско-латиноамериканских отношений сюда попал А.С. Ионин, ставший первопроходцем и подавший пример другим. К началу 1890-х, когда вышел первый том его сочинения, прошло почти десять лет с начала его поездки, и многое в Новом Свете успело измениться. Но в сознании русского путешественника Латинская Америка оставалась загадочной землей, манящей и полной опасностей, — совсем как Кавказ.

Примечания

¹ Альбов Н.М. Из заграничных писем Н.М. Альбова // Землеведение. — 1899. — Кн. 1–2. — С. 83.

² Там же. — С. 106.

³ Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного плавания // Книжки недели. — 1897. — № 10. — С. 170.

⁴ Там же. — С. 165 – 166.

⁵ Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного плавания // Книжки недели. — 1897. — № 10. — С. 165.

⁶ Деволлан Г.А. В царстве Монтесуму // Исторический вестник. — № 100 (1905). — С. 286.

⁷ Там же. — С. 650.

⁸ Там же. — С. 650.

⁹ Бальмонт К.Д. В странах солнца // Весы. — 1905. — № 4. — С.6.

¹⁰ Там же. — С. 7.

¹¹ Там же. — С. 8.

А.В. Богатырёв

Самарский государственный университет

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕЗИДЕНТУРА В ПОЛЬШЕ (ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА РЕЗИДЕНТУРЫ В РОССИИ)

В истории отечественной дипломатии XVII столетие занимает особое место. В этот период Россия налаживает связи с иностранными государствами, в том числе и дипломатические. Активизация отношений России и Запада требовала более близкого знакомства с Европой. В связи с этим возникла настоятельная потребность в получении более точной информации обо всех сторонах жизни “иноземных” государств. Подобным целям служило создание первых постоянных дипломатических представительств России за рубежом — резидентур. Их прообразами, по мнению ряда исследователей, с которыми солидарен и К.А. Кочегаров, являлись “годовые посланники”, активно использовавшиеся в русско-крымских отношениях¹. В дальнейшем роль резидентов исполняли дипломатические агенты, вербовавшиеся из числа местного населения той или иной интересовавшей Посольский приказ страны.

Чаще всего первыми русскими резидентами называют крещенного “немчина” Дмитрия Францбекова (Франсбекова) и англичанина Ивана Гебдона. Францбеков в 1634 (1635) г. был отправлен в Швецию (Стокгольм) к королеве Кристине (1632–1654), однако вследствие сво-

его скандального поведения в следующем году был отослан обратно. Гебдон же служил Российскому государству сразу в нескольких странах (Англии, Голландии и др.). Тем не менее, часть авторов, в том числе С.А. Белокуров, подвергают сомнению истинность их “резидентства”². И Францбеков, и Гебдон были посланниками преимущественно по торговым делам, поэтому их следует считать не резидентами, а консулами. В таком случае, возникает вопрос – кого можно назвать первым русским резидентом за рубежом?

Чтобы на него ответить, следует обратиться к событиям польско-российских отношений конца 60-х гг. XVII в. В 1667 г., стараниями А.Л. Ордина-Нащокина (прибл. 1605-1680), между Речью Посполитой и Россией было заключено Андрусовское перемирие. Ордин-Нащокин, ставший благодаря договору 1667 г. главой Посольского приказа (и руководивший им до 1671 г.), произвел в нем ряд преобразований, одним из следствий которых стала попытка создания первого постоянного русского дипломатического представительства в Польше. Для осуществления этого проекта в 1668 г. из Москвы в Варшаву выехал резидент Василий Михайлович Тяпкин (? – 80-90-е гг. XVII в.). Однако отречение от королевского престола Яна II Казимира (1648–1668) помешало Тяпкину приступить к выполнению своих обязанностей в польской столице. Спустя несколько лет Посольский приказ предпринял новую попытку основать в Польше постоянное дипломатическое представительство, которая увенчалась успехом. С 1673 (1674) по 1677 г. на территории Польского государства начинает функционировать первая русская резидентура во главе с В.М. Тяпкиным. Более того, согласно донесениям Тяпкина и его статейному списку, представленным (фрагментарно) в сочинении А.Н. Попова, Василий Михайлович стал не только первым русским постоянным представителем в Польше, но и первым резидентом Московского государства за границей.

Основные сведения о миссии В.М. Тяпкина содержатся в дневнике посольства (статьейном списке) и в донесениях (отписках), регулярно отсылавшихся Тяпкиным в Посольский приказ А.С. Матвееву (возглавлял Посольский приказ в 1671-1676 гг.) и Л.И. Иванову (руководил Посольским приказом в 1676-1682 гг.). Статейный список, а также обширная переписка Тяпкина с Посольским приказом хранятся в РГАДА в фонде 79 (Сношения России с Польшей) и согласно материалам архивной описи составляют единицы хранения 160, 161, 161-а (Отправление В.М. Тяпкина и его статейный список), 163, 173, 178, 182 (Отписки и вестовые письма Тяпкина) и 164 (Копии отписок В. Тяпкина)³.

Несмотря на важное место миссии В.М. Тяпкина в истории российской дипломатии, деятельность Василия Михайловича еще не до-

статочно изучена. Первым исследователем русской резидентуры в Польше стал уже упоминавшийся нами А.Н. Попов, посвятивший “посольству” Тяпкина монографию⁴. Кроме Попова, большое значение миссии В.М. Тяпкина придавал С.М. Соловьев, описавший многочисленные проблемы, с которыми столкнулся первый русский резидент в Польском государстве⁵. Как и Соловьев, немаловажной для истории польско-русской дипломатии считал деятельность Тяпкина часто цитировавший его донесения Е.Е. Замысловский⁶. Если говорить о советской историографии, то весьма подробно о миссии Василия Тяпкина сообщал в своей статье Н.П. Ковальский (преимущественно в контексте русско-украинских отношений)⁷. Что же касается современных исследователей польско-русских отношений, то большинство из них не уделяет миссии В.М. Тяпкина пристального внимания. Одним из немногочисленных исключений являются работы С.И. Николаева, который исследовал доставлявшиеся в Посольский приказ через резидентуру Тяпкина сочинения польских авторов⁸.

Какие задачи стояли перед миссией Василия Тяпкина? Прежде всего, сбор информации о политических событиях в Польше и в других странах Западной Европы, а также передача добытых сведений в Посольский приказ. Исполнять возложенные на него обязанности Тяпкину было сложно. Остались многочисленные свидетельства притеснения резидента со стороны части польского чиновничества, стремившегося ограничить свободу передвижения “московита”. Несмотря на подобное враждебное отношение, Тяпкин постепенно начал воспринимать некоторые элементы “ляцкой” культуры и даже отдал своего сына Ивана в польскую школу⁹. Не благоприятствовали деятельности В.М. Тяпкина недостаточное финансирование его миссии и неудовлетворительная работа польской почтовой службы. Тем не менее, как замечал Е.Е. Замысловский, Василию Михайловичу удавалось добывать важные сведения, “которыми московское правительство могло руководствоваться”¹⁰. Деятельность В. Тяпкина высоко оценивали и современники, в том числе царь Федор Алексеевич (1676–1682).

Однако в отечественной историографии миссия Тяпкина не получила однозначной оценки. Многие вопросы, связанные с деятельностью первой русской резидентуры пока остаются без ответа. Еще А.Н. Попов отмечал, что одной из загадок миссии стала несостоявшаяся смена находившегося на резидентстве в Польше В. Тяпкина стольником Иваном Языковым¹¹.

Сомнению подвергалась и дата основания первой русской резидентуры в Польше. Так, М.Н. Капустин высказывал мнение о том, что первая постоянная русская резидентура за рубежом возникла не в 1673 или 1674 г., а гораздо позднее — лишь в 1699 г.¹² Похожую точку зрения высказывал недавно историк Н.Н. Молчанов¹³.

Непонятным остается стремление резидента отправить на свое место в Польшу любимого сына – Ивана. Намерение Тяпкина представляется тем более странным, что Василий Михайлович не раз писал в Посольский приказ о трудностях и опасностях своей миссии. В своих жалобах Тяпкин описывал многочисленные случаи нападения на его резидентуру разбушевавшейся шляхты, которая пугала его людей и даже пыталась проникнуть в покои дипломата. Положение русского резидента в Польше отягощалось отсутствием необходимых для поддержания “государевой чести” богатых одежд, пышного выезда и т.п. Резидент, по его собственному выражению, вынужден был “волочиться на двор королевский и к панству”¹⁴ на единственной лошади, которая “и та теперь пала”¹⁵, а также продавать последнюю одежду, чтобы хоть как-то прокормить себя и свое окружение. И похожей неустроенности Василий Михайлович желал своему сыну? Подобное кажется тем более странным, что сам Тяпкин зарекомендовал себя как образцовый семьянин. Возникает вопрос, не преувеличивал ли Тяпкин тяготы своего пребывания в Речи Посполитой?

Ответы на эти вопросы могут дать лишь материалы фонда 79 РГАДА, содержащие статейный список и отписки русского резидента в Польшу, работу с которыми автор начал летом 2009 г.

Значение миссии В.М. Тяпкина велико. Отправленный в Варшаву “на резиденцию”, Тяпкин становится первым русским резидентом в Польше. Однако, как оказалось, В. Тяпкин являлся не только первым резидентом России в Польше, но и первым русским резидентом за рубежом. Данный факт значительно повышает статус Василия Михайловича и отводит ему одно из важнейших мест в истории отечественной дипломатии. В то же время, отсутствие каких-либо самостоятельных научных работ о Тяпкине делает его миссию поистине неисчерпаемой темой для новых исторических исследований.

Примечания

¹ Кочегаров К.А. Развитие русской дипломатической службы в 80-х годах XVII века. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/40115.php> (дата обращения 15.06.09).

² Белокуров С.А. О Посольском приказе. – М., 1906. – С. 65.

³ Мы не брали в расчет многочисленные отписки, грамоты, указы и проч., присылаемые В.М. Тяпкину из Посольского приказа. Тем не менее, они также могут быть полезны при изучении деятельности русского дипломата в Речи Посполитой.

⁴ Попов А.Н. Русское посольство в Польше в 1673–1677 годах (несколько лет из истории отношений древней России к европейским державам). – СПб., 1854.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. – М., 1991. – Кн. VI (Т. 11–12). – С. 485–487, 489–495, 497–503; – Кн. VII (Т. 13–14). – С. 175, 208–214.

⁶ Замысловский Е.Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. – СПб., 1888. – С. 7–13, 19–20.

⁷ Ковальский Н.П. Деятельность русской дипломатии в 70-90-х годах XVII века по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. – Днепропетровск, 1968. – С. 162–165.

⁸ См., например: Николаев С.И. Польская поэзия в русских переводах (вторая половина XVII – первая треть XVIII века). – Л., 1989. – С. 32, 35–39, 46–47, 51 и др.

⁹ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – СПб., 2000. – С. 449.

¹⁰ Цит. по: Замысловский Е.Е. Указ. соч. – С. 11.

¹¹ Попов А.Н. Указ. соч. – С. 252.

¹² Капустин М.Н. Дипломатические сношения России с западною Европою, во второй половине XVII-го века. – М., 1852. – С. 49.

¹³ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – М., 1991. – С. 14.

¹⁴ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. – Кн. VII (Т. 13–14). – С. 208.

¹⁵ Цит. по: Там же.

В.В. Суворов

*Саратовский государственный
технический университет*

**МИССИЯ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КНИГЕ
КН. Э.Э. УХТОМСКОГО “К СОБЫТИЯМ В КИТАЕ.
ОБ ОТНОШЕНИЯХ ЗАПАДА И РОССИИ К ВОСТОКУ”**

Проблема восприятия Востока и осмысления взаимоотношений России и Дальневосточных стран является важной и актуальной в настоящее время. Однако зарождение этой проблемы относится к XIX в. В результате активизации внешней политики в Дальневосточном регионе в конце XIX в. Россия с колониальными интересами других европейских государств. В связи с чем возникла необходимость обоснования и оправдания расширения сферы влияния России на Дальнем Востоке, которая сопровождалась критикой захватнической политики европейских стран и США в этом регионе.

Следует отметить, что образованные слои российского общества разделяли тогда общеевропейскую идеологию превосходства и даже господства по отношению к Азии, хотя эта идеология могла иногда

совмещаться с романтическим интересом к различным достижениям восточных культур. Показателем восприятия восточных государств являются публицистические и научные произведения, и среди них большой интерес представляют произведения историка и востоковеда кн. Э. Э. Ухтомского¹, выступавшего за сближение двух империй — России и Китая. Рассмотрение взглядов кн. Ухтомского имеет большое значение в контексте изучения формирования дальневосточной политики Российской империи, а также полемики кн. Ухтомского В.С. Соловьева о проблеме панмонголизма и исторической “миссии” России в Азии.

Во время восстания ихэтуаней в Китае кн. Ухтомский выступил в брошюре “К событиям в Китае” и других статьях с своеобразной идеей союза между Россией и Китаем. Эта книга кн. Ухтомского предстает как наиболее яркий пример обоснования стремления России на Дальний Восток и в другие регионы Азии. О политической роли России на Востоке он писал как об “исключительной и во всех отношениях благодарной”², отмечая также, что “Нам необходимо лишь держаться исторического пути и ни на одно мгновение не терять из виду своих прямых задач в родной и близкой нам по духу Азии”³.

Кн. Ухтомский не отделял Азию от России в культурно-историческом плане: “Кто же однако, кроме закоснелых западников, хоть на минуту затруднится у нас считать не созданный еще нами Восток такой же органической по духу принадлежностью Мономаховой державы, какою по самой природе вещей в урочный час стали Заволжье и Сибирь”⁴. Далее он писал, что Азия “в полном объеме есть та же Россия, но только устаивающаяся еще меньшего внимания со стороны русских образованных людей и деятелей вообще чем многие внутренние области и довольно глухие окраины нашего неоглядного отечества”⁵. России в этой культурной системе он отводит первое место, которое по ряду неоправданных причин уступается другим европейским странам.

Рассматривая пределы для распространения русских в Азии кн. Ухтомский отмечал, что “в Азии для нас в сущности нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух Русского народа”⁶. Необходимость такого расширения он объясняет тем, что “для Всероссийской державы нет другого исхода”. У нее есть два пути: “или стать тем, чем она от века призвана быть (мировою силой, сочетающею Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим”⁷. Еще хуже, по его мнению, будет то, что “не нами пробужденные азиатские народы для Русских со временем будут еще опаснее, чем западные иноплеменники...”.

Роль России представлялась Ухтомскому очень значимой в судьбах восточных стран: “Как раз в момент, когда слабый и дряхлый

Китай начинал открыто и сердечно сближаться с Державным Севером, искал именно в нем нравственной поддержки и материальной опоры, справедливо будучи уверен в том, что мы-то его не потесним, что весь Восток только обновлялся, богател и крепнул от общения с русскими началами, ибо он и мы — одна безбрежная стихия, одно гармоничное в своих духовных основах целое, по которому живонными токами мало-помалу должна повсеместно взойти заря, возродившая при Ольге и ее внуке — Красном Солнышке Киевскую Русь”⁸. Из последних слов складывается впечатление, что Россия призвана распространить на Востоке православие. Весьма схожими являются представления министра финансов С.Ю. Витте. Утверждая истинность принципов “православия, самодержавия и народности”, он однажды написал Александру III, что именно на этих основах было построено здание российской власти, всегда отличавшейся от западной. Россия выступала носительницей христианского идеала среди азиатских народов, но не под лозунгом европеизации, а под своим, особым девизом, взяв на себя миссию культурного просвещения в духе своих собственных принципов⁹.

Таким образом, кн. Ухтомский, как и многие современники, считал необходимым укрепление культурного и политического влияния России в азиатских странах, однако обоснование и оправдание такому развитию он видел в идеализированной им культурно-исторической близости России и Азии. По мнению кн. Ухтомского, Россия должна была опередить Запад в распространении своего влияния на восточные страны, тем самым она обеспечила бы их развитие в нужном культурном и политическом для нее направлении, вплоть до их присоединения.

Примечания

¹ См.: Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900; Ухтомский Э.Э. Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. — СПб, 1904; и др.

² Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. — С. IV.

³ Там же. — С. V.

⁴ Там же. — С. 24.

⁵ Там же. — С. 43.

⁶ Там же. — С. 83.

⁷ Там же. — С. 83.

⁸ Там же. — С. 70.

⁹ Рязановский Н. В. Азия глазами русских // В раздумьях о России. — М., 1996. — С. 403—404.

“БОЛЬШАЯ ИГРА” И НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА НЕФТЬ

Упомянув “Большую игру” применительно к XIX веку, исследователи международной политики подразумевают русско-британское противостояние в Центральной и Средней Азии, развернувшееся в период с 1813 по 1907 годы.

Актуальность поднятого вопроса во многом заключается в современности его проблемы. В работах некоторых современных публицистов (к примеру, Николас Шмидл¹, М. Леонтьев²) встречается такая фраза: “Игроки новые – игра старая”. Ныне “Большая игра” имеет место быть, если рассматривать это как противостояние за господство в Азии. По утверждению ряда политологов и публицистов (М. Леонтьев, С. Султанов³) борьба ныне идет между НАТО и ШОС (Шанхайская Организация Содружества) за среднеазиатские нефтяные трубы.

Анализируя ход “Большой Игры” в Средней Азии XIX – начала XX веков мы можем выделить четыре основных этапа.

Первый этап, продолжавшийся с 1813 по 1838 гг., характеризовался отсутствием открытого военно-политического противостояния в среднеазиатском регионе. Британия настороженно наблюдает за военными успехами русских войск против Персии, завершившимися подписанием Гюлистанского (12 (24) октября 1813) и Туркманчайского (10 (22 февраля) 1828 г.)⁴ договоров, по которым к России отошла территория современных Армении и Азербайджана. Россия продолжает попытки установить со Средней Азией постоянные экономические контакты, видя уже тогда потенциал среднеазиатского рынка. Однако многие государственные образования категорически не идут на контакт. Примером служит Хива, постоянно совершающая грабительские набеги и уводящая в рабство жителей окраин России.

Следующий этап пришелся на 1838–1864 гг. В 40-е годы в отношениях Россия – Британия – Средняя Азия намечился сдвиг, но отнюдь не в пользу русских. Министерство Иностранных Дел негативно восприняло неудачу В.А. Перовского в походе на Хиву и в течение последующего десятилетия отказывается от военных экспедиций в регион. Активное продвижение России в регионе сменилось укреплением уже существующих границ со среднеазиатскими государствами. Англия тоже терпит неудачу в Средней Азии – экспансия в Афганистан закончилась восстанием коренного населения и смещением английского ставленника.

Однако итоги Крымской войны заставили Россию пересмотреть свои взгляды на собственную внешнюю политику. В связи с нейтра-

лизацией Черного моря основной ее акцент смещается на восточное — среднеазиатское направление.

Для России большое значение имеет третий этап Большой игры, основное событие которого — присоединение Средней Азии к России в 1864–1885 гг. Точку здесь поставил добровольный переход мервцев в русское подданство и Лондонское Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении афганских владений 1885 г.⁵ Таким образом, в этот период российское влияние распространилось вплоть до южных границ Афганистан, а территории между восточным побережьем Каспийского моря и западными отрогами Гималаев вошли в состав Российской империи.

Последний — четвертый этап — это непосредственное политическое противостояние России и Великобритании в 1885–1907 гг. Этот период истории приобретает колоссальное значение для дальнейшего развития “игры”. Становясь завершающим, он переносит географические рамки описываемого противостояния в район Персидского залива и на Кавказ, где разворачиваются новые картины истории соперничества. С начала XX века стратегически важным сырьем, контроль над которым обеспечивал преобладание, как на суше, так и на море, становится нефть. Постепенно, уже накануне Первой мировой войны, а особенно после ее окончания — она стремительно начала вытеснять уголь, как основной источник топлива, а также сырья для химической промышленности⁶. В тоже время Британия, обладающая столь разнообразными природными ресурсами на всей территории своей колониальной империи упустила нефтяной фактор из поля зрения. В конце XIX века в Персидском заливе была обнаружена нефть. В 1901 г. английский финансист д’Арси получил концессию на разработку нефти в Иране⁷. В тоже время по сведениям исследователей военной техники конец XIX века для британского флота становится революционным — на смену паровым двигателям приходят турбины и двигатели внутреннего сгорания, работающие на нефти⁸. Таким образом, в первой четверти XX века актуальным вопросом для ведущих мировых держав становится столь современный вопрос контроля или протектората над центрами нефтедобычи.

Именно нефтяной фактор постепенно становится яблоком раздора для мировых держав. И в дальнейшем можно утверждать, что будущие картины Большой игры развязываются вокруг центров нефтедобычи в мире.

По итогам последних русско-британских договоров истинные цели в среднеазиатском регионе для Англии не были достигнуты, скорее даже ущемлены.

На сегодняшний день тема “Большой игры” не перестает быть актуальной. За почти трехвековое противостояние Запада (в лице Великобритании, а ныне Соединенных Штатов Америки), и Востока

(в лице России), смысл упомянутого термина претерпел изменения, как и сама “игра”. “Большая игра” XXI века – это борьба за энергоресурсы. Для XIX века характерно преследование финансовой выгоды. (напомним, что Индия, за индивидуальный патронат над которой боролась Британия, по сведению Ф.Ф Мартенса, принесила последней до 300% выгоды⁹). Многие современные исследователи называют “Большую игру” – “Холодной войной XIX века”¹⁰). Подтверждение актуальности затронутой темы мы можем найти, пролистав иностранную прессу. В частности за 2009 год западными исследователями-политологами ни раз поднимался вопрос о возвращающейся “холодной войны”¹¹ имея в виду именно противостояние в Среднеазиатском регионе.

Сегодня политика США в Средней Азии напоминает действия Англии во второй половине XIX века. Но если тогда доминирование в Афганистане было связано с необходимостью защиты английских позиции в Индии, то сейчас, обосновавшись в Афганистане, США получили перспективу продвижения, в любом направлении Евразии. В дальнейшем это может стать угрозой геостратегическим интересам России в данном регионе, а так же представлять опасность для непосредственных границ Российской Федерации.

Примечания

¹ Nicholas Schmidle. In Central Asia, New Players, Same Game // <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2006/01/28/AR2006012800059.html>.

² Леонтьев М.В. Большая игра. – М., 2008.

³ Султанов С. Новая Большая игра в ЦентрАзии. Сценарий 2 // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1184446320>.

⁴ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М., 1952. – С. 314.

⁵ Там же. – С. 264.

⁶ Широкоград А.Б. Россия-Англия неизвестная война – 1857–1907. – М., 2003.

⁷ Фурсенко А.А. Нефть для Британского флота // Вопросы истории. – 1985. – № 3. – С. 102.

⁸ Широкоград А.Б. Россия-Англия неизвестная война – 1857–1907. – С. 195.

⁹ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. – М., 1880.

¹⁰ Киняпина Н.С. Средняя Азия во внешней политике России // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. – М., 1999. – С. 251.

¹¹ Фридман. Дж. Западный взгляд на Россию // <http://www.inosmi.ru/translation/252150.html>.

РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В САМАРЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Торговля — один из важнейших видов деятельности Самарской губернии. Розничная торговля велась на ежегодных ярмарках, в магазинах и лавках. С середины XIX века формируется специализация сельскохозяйственных отраслей, происходит перераспределение районов зернового производства, наблюдается перемещение центров хлебной торговли¹. Самара становится региональным хлебным районом. Хлеб и мучные изделия доставлялись из ряда ближайших регионов: Оренбургской губернии (Бузулукского, Бугурусланского, Бугульминского уездов), Саратовской губернии (Николаевского и Новоузенского уездов) и из других регионов Поволжья. Весь привезенный товар реализовывался на ярмарках. В конце XIX — начале XX веков ярмарки не теряют своей актуальности и продолжают играть значительную роль в экономической жизни страны. В просторечии ярмарку называли ярмарка — это регулярный, в определенное время устраиваемый торг, на который съезжаются для продажи и закупки товаров².

В Самарской губернии в этот период проводилось несколько ежегодных ярмарок: Казанская, Соборная и Воздвиженская³. Казанская ярмарка проходила с 8 по 11 июля, а Воздвиженская — с 5 по 15 сентября. На месте проведения ярмарок мгновенно возникали магазины, лавки, склады, трактиры, гостиницы, театры, цирки и балаганы⁴. Самой крупной считалась Воздвиженская ярмарка, где купцов насчитывалось около 205 человек. После Воздвиженской наиболее крупной считалась Сборная (Соборная) ярмарка, на которую приезжали примерно 165 купцов. Чуть менее крупной считалась Казанская ярмарка на которую приезжали примерно 140 купцов⁵. Всего в Самаре насчитывалось 875 ярмарочных лавок⁶. Ярмарочные лавки предлагали покупателям многочисленный товар: хлеб и мучные изделия, скот: лошади, быки, бараны, сукно: шелковое и шерстяное, чай и сахар, мыло, книги, детские игрушки, готовое мужское и женское платье, фарфор, лапти, сапоги и свечи.

Помимо сезонных ярмарок, в городе существовали постоянные торговые места — базары: Бурлацкий (Нижний), Сытный ряд, Вшивый, Обжорный, Троицкая площадь⁷. Самым популярным местом торговли являлась Троицкая площадь. Торговля проходила в корпусах и съестных рядах⁸. Для постройки одного съестного ряда самарская Дума в 1900 году выделила 8923 руб. Чтобы производить торговлю на Троицкой площади многие продавцы торговые места брали в аренду,

например 3 городских места сроком 1 год стоили 700 руб.⁹ Базары здесь проходили по вторникам, четвергам и субботам¹⁰. Бурлацкий базар, находился на пристани около Волги и начинал свою работу с ранней весны и до закрытия навигации.. Бурлацкий базар был очень оживленным местом и поэтому очень часто здесь вспыхивали драки и стычки. Здесь всегда было много бурлаков и грузчиков, которые искали себе работу. Сытный ряд находился между Заводской и Воскресенской улицами. Вшивый базар располагался на Полицейской площади (Хлебной). Здесь находился кабак, где происходил наем рабочих. Обжорный ряд находился на Троицкой площади. На этом ряду торговали съестными припасами¹¹. Особенно шумными базары становились в дни рождественских праздников, за несколько недель до Рождества (по старому стилю 25 декабря), прилавки заполнялись многочисленным товаром: уфимским липовым медом, халвой, шербетом, филипповскими сухарями и сушками, медовыми вяземскими пряниками¹².

В 1898 году издается “Положение о государственном промысловом налоге”, по которому предприятия стационарной торговли разделялись на пять разрядов. К I разряду относились магазины оптовой торговли, склады по продаже товаров, фирмы по закупке сельскохозяйственной продукции с годовым оборотом свыше 300 тыс. руб. К группе торговых заведений II разряда принадлежали магазины розничной торговли и продажи товаров мелкими партиями, фирмы по закупке сельскохозяйственной продукции с годовым оборотом от 50 до 300 тыс. руб., склады оптовой продажи вина, спирта, табака, магазины печатной продукции, трактирный промысел. К III разряду относились мелкие лавки розничной продажи с одним торговым помещением и одним наемным приказчиком, мелкие заведения трактирного промысла, чайные, кофейни, молочные, аптеки и т.п. К IV разряду относились мелкие розничные ларьки, лавки и палатки, обслуживавшиеся без привлечения наемного труда, предприятия по скупке сельскохозяйственных продуктов на сумму до 10 тыс. руб., мелкие заведения бытового обслуживания. V разряд предназначался для розвозной и разносной торговли¹³. В Самаре в период с середины XIX до начала XX веков большинство торговых заведений принадлежали к III, IV и V группам.

Для того, чтобы иметь право торговать на ярмарках, в собственных лавках и в магазинах нужно было приобрести свидетельства для торговых предприятий от I до IV разрядов, свидетельства для складских помещений, свидетельства для оптовой и розничной торговли V разряда и ярмарочные свидетельства¹⁴.

Основными владельцами различных лавок и магазинов были купцы I и II гильдии. В основном лавки и магазины располагались на

Соборной (Молодогвардейская), Садовой (Садовая), Дворянская (Куйбышева), Панской (Ленинградская). В магазинах и лавках торговали обычно с утра до вечера, при этом очень часто в собственном доме купца¹⁵. Как правило, лавка или склад находились на первом этаже дома, а второй этаж занимали хозяева, например дом-магазин В.Ф. Жукова находящийся на пересечении современных улиц Венцека и Самарской, где можно было купить чай. Все товары делятся на несколько категорий: колониальные (чай, сахар, кофе, какао), кондитерские (конфеты¹⁶, шоколад, карамель, мармелад), гастрономические (рыба, мясо, колбасы, масло, сыры), бакалейные, табачные, канцелярские и продукция легкой промышленности. По сведениям П.В. Алабина на протяжении нескольких десятков лет одним из крупных магазинов дамского белья оставался магазин госпожи Шахларевой. Самыми любимыми магазинами были детские, где продавали наряды для детей, костюмы сказочных героев, маски. Один такой находился на углу Дворянской (Куйбышева) и Алексеевской площади (пл. Революции) и назывался “Детское приданое”.

Одним из самых популярных колониальных товаров в начале XX столетия в Самаре становится чай. В городе было около 20 чайных лавок и магазинов: “Товарищество чайной торговли В. Высоцкого и К^о” (ул. Венцека), фунт (400 гр.) сорта №1 стоил от 2 руб. 20 коп. В этот период большую популярность получают фотографические магазины, это связано с тем, что местные фотографы усовершенствовали технологии фотографии¹⁷. Одним из крупных фотографических магазинов считался магазин фотографических, оптических и электрических приборов П.Н. Арефьева, который находился на Дворянской улице (сейчас Куйбышева)¹⁸.

Между многочисленными магазинами существовала жесткая конкуренция, для привлечения покупателей снижали цены, улучшали качество обслуживания, например заказ, могли привести прямо домой. Одним из методов привлечения покупателей была реклама магазинов в различных местных газетах. В 1901 году “А.Н. Пермякова с сыновьями” в собственном помещении на Троицкой площади открыла розничную торговлю бумажного, шерстяного и суконного товара¹⁹. И.В. Каргин и А.А. Савинов в Самаре на Троицкой площади в своем магазине предлагает громадный выбор кондитерских, бакалейных и табачных товаров по дешевым ценам²⁰. Магазин Жирардовских мануфактур Гилле и Дитриха предлагали приобрести свой товар, а именно: полотняные и чулочные изделия, столовое белье, полотенца, тряпки, фуфайки, а также кальсоны, перчатки, чулки²¹. В.И. Асмолов и К^о приглашает посетить свой магазин на Дворянской улице (ул. Куйбышева) и приобрести табак и папиросы со скидкой²². Торговый дом “Наследница К.Н. Попова и К^о” предлагает вниманию:

“... обувь мужскую, дамскую и детскую, резиновые галоши и дорожные вещи” в магазине на пересечении Самарская и Панская улиц²³..

В начале XX века в Самаре активно развивается розничная торговля. Наряду с несколькими крупными ярмарками в городе действовало разветвленная сеть объектов стационарной торговли: базары, магазины, лавки. Такое разнообразие торговых помещений и площадей обеспечивало Самару постоянным активным притоком продукции и капитала, что гарантировало городу одну из ведущих ролей в экономической жизни страны...

Примечания

¹ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875-1914 гг.: Очерки правительственной политики. - Л., 1978. - С. 47.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М. 1999. - С. 918.

³ Архангельский Н.А. Г. Самара: Исторический очерк. - 1913. - С. 18.

⁴ 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов / под ред. Платонова О. - М., 1995. - С. 67.

⁵ Архангельский Н.А. Из книги «Г. Самара: Исторический очерк» // Классика Самарского краеведения: Антология / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. - Самара, 2002. - С. 230.

⁶ Архангельский Н.А. Г. Самара: Исторический очерк. 1913. - С. 20.

⁷ Государственный Архив Самарской области. - Ф. 815. “Головкин К.П.” (1804-1973). - Оп. 2. - Д. 5. - Л. 32.

⁸ Журнал Самарской городской Думы №4. - Самара. 1900. - С. 111; ГАСО. - Ф. 153. Самарская городская Дума. “Журнал чрезвычайных заседаний самарской Думы”. (1836-1918.). - Оп. 30. - Д. 15. - Л. 198.

⁹ ГАСО. - Ф. 153. Самарская городская Дума. “Журнал чрезвычайных заседаний самарской Думы”. (1836-1918.). - Оп.30. - Д. 15. - Л. 198.

¹⁰ Классика самарского краеведения. Антология. Вып.3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII начале XX вв. / Под. ред. Г.В. Гальгина, Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. - Самара. 2007. - С. 210.

¹¹ Там же. - С. 210-214.

¹² Гальгина Г.В. Рождество Христово. Как его встречали сто с лишним лет в Самаре // Дельта-информ. - №44 (87). - 2004. - С. 14.

¹³ Россия 1913 год Статистико-документальный справочник. - СПб., 1995. - С. 69.

¹⁴ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1903 год. - Самара. 1902. - С. 198.

¹⁵ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. – М., 1998. – С. 47.

¹⁶ В рассматриваемую эпоху конфеты назывались конфетами.

¹⁷ Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. – Самара, 1887. – С. 99.

¹⁸ Крамарева И.В. Фотография на память // Дельта-информ. – № 11 (119). 2006. – С. 19.

¹⁹ Самарская губерния: День за днем (1901-1905). Хроника событий / Составители: А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. – Самара, 2008. – С. 34.

²⁰ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1903 год. – Самара. 1902. – С. 198.

²¹ Самарская газета. – № 215. – 1886. – С. 4.

²² Лавров С.Е. Справочно-коммерческий Спутник по городам Поволжья и Центральной России. Вып. №1. – Самара, 1900. – С. 36.

²³ Там же. – С. 37.

А.В. Яблокова

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

САМАРСКИЙ ТЕЛЕГРАФ В 1920-е ГОДЫ

В ходе гражданской войны коммуникации России понесли значительные разрушения. Еще в 1919 году народный комиссар НКПиТ В.Н. Подбельский констатировал: “Никакая отрасль почтово-телеграфного дела не пострадала так сильно в результате сначала империалистической войны 1914-1917 гг., а затем во время происходящей теперь гражданской войны, как телеграф”¹. Ее восстановление и дальнейшее развитие являлось одной из насущных задач советской власти. Несмотря на все противоречия и непоследовательность, НЭП создал условия для восстановления отрасли связь.

В Самарской губернии за 1921-1922 годы было упразднено несколько телеграфных линий: Красный Яр – Большая Каменка, Абдулино – Пономаревка, Пугачев – Ершово, Пугачев – Балаково². Испытывая огромные трудности, телеграфные учреждения стали прибегать к услугам почты и отправлять с нею значительную часть скопившихся телеграмм.

На Самарском телеграфе, да и в других почтово-телеграфных учреждениях к концу Гражданской войны года остались только одни пожилые работники. Тогда с 21 августа 1922 года в Самаре были открыты радиотелеграфные курсы³.

В 1922 году тарифы на телеграммы резко возросли, и пользование телеграфом значительно сократилось. За один год (июнь 1921 – июнь 1922) число телеграмм уменьшилось в 2,5 раза⁴. По этой причине телеграфные аппараты заменили более слабыми с меньшими скоростными данными. Уитстоны заменили Юзами. А там, где использовались Юзы, перешли на Морзе.

В этом же году норма знаков в телеграмме для советских учреждений была сокращена в 5 раз. Это ограничение было вызвано тем, что телеграфная корреспонденция из Москвы в Оренбург проходила через Самару. Но вскоре установилась прямая связь Москвы с Оренбургом, и Самара была разгружена. Норму знаков увеличили в 2 раза⁵.

На дальние расстояния телеграммы передавались не по проводам, а через радиостанции. Так в 1922 году Самара могла принимать частные радиogramмы из Саратова, Уфы, Оренбурга, Симбирска, Царицына, Нижнего Новгорода. А в 1923 году впервые открылся прием телеграмм в Иркутск, Омск, Уфу и Саратов и затем – в Казань, Оренбург и Ташкент. А в конце июня к этим городам прибавились еще Сызрань, Симбирск и Уральск⁶. Во всех почтово-телеграфных учреждениях начался прием досрочных поздравительных телеграмм с указанием даты их вручения адресатам.

С 15 апреля 1923 года Самарская телеграфная контора начала прием писем-телеграмм в Москву и Пензу с количеством слов от 30 до 250 и с оплатой в размере 50 процентов стоимости слова обыкновенной телеграммы, без взыскания подепешной платы. А в начале следующего года в таких телеграммах уже можно было писать от 50 до 500 слов, отправлять их по нескольким адресам и с обратными ответами. Обмен письмами-телеграммами был дополнительно установлен с 32 городами СССР⁷.

Сам телеграф располагался при Самарской почтово-телеграфной конторе на углу улиц Ленинградской и Советской, 90/24⁸. С мая 1925 года телеграф начал работать круглосуточно. Здесь после 19 часов в будни и после 12 часов в праздники, помимо продажи почтовых и гербовых марок и приема заказных отправлений, был открыт прием спешных писем, переводов по телеграфу и международных почтовых отправлений, следуемых для отправки воздушной почтой⁹.

В целях обеспечения большей скорости в выполнении телеграфных операций во всем округе связи стали проводить ремонт телеграфной линии, ставить новые телеграфные столбы, натягивать новые телеграфные провода, приводить в порядок всю имеющуюся аппаратуру.

В статье начальника Средневожского округа народной связи Д.Ф.Чеботарева отмечалось, что только за три минувших года ремонтники округа заменили 16 700 телеграфных столбов, произвели частичную замену обветшалых проводов. Благодаря этому, работа всех

телеграфов округа значительно улучшилась, что позволило отказаться от практиковавшейся ранее отправки телеграмм почтой. В результате, на передачу телеграммы по Самарской губернии уже уходило только 30 минут, а нагрузка на одного телеграфного работника в июне того же года составила 16 680 слов в месяц, или на 3 280 слов больше, чем в 1913 году¹⁰.

С 5 марта 1926 года на линии Самара – Москва был установлен новый разряд телеграмм – “молния”, которая доходила до адресата уже за 20 минут. А немного позднее такие телеграммы стали поступать в Саратов и Казань и с 15 июня начался прием телеграмм с доставкой ночью. В начале 1929 года окружная контора связи вела прием телеграмм “молния” уже в 122 городских и сельских пунктах¹¹.

Летом 1927 года Самарская почтово-телеграфная контора приступила к подготовительным работам по открытию прямой телеграфной связи с Пензой. До этого времени телеграммы в Пензу направлялись окружным путем через Московский телеграфный узел. Ожидалось, что с открытием прямого телеграфного сообщения скорость доставки телеграммы возрастет в три раза, причем сам процесс обработки и прохождения депеши займет 15-20 минут. В середине августа того же года прямая телеграфная связь Самара – Пенза вступила в действие. Она осуществлялась на аппарате Юза, который пропускал в час до 70 телеграмм.

Связь Самары с Москвой установили через скородействующий буквопечатающий аппарат “Сименс”. Его достоинство заключалось в том, что он работал со скоростью 1200 знаков (букв) в минуту и одновременно принимал и передавал тексты телеграмм. За один день аппарат прорабатывал до тысячи десятисловных телеграмм.

К концу 1923 года работники Самарского телеграфа достигли, а летом 1925 года намного превзошли довоенную норму быстроты передачи телеграмм. Однако по количественным показателям телеграфного обмена Г.Н. Шапошников приводит такие данные: исходящий обмен 1913 г. составил 363,2 млн. депеш, в 1929 г. в СССР – 349,9 млн., а в 1930 – 557,3 млн. депеш, делая вывод, что телеграфный обмен достиг довоенных параметров только в 1930 г.¹²

Примечания

¹ Колодин Н.Е. Покоренное пространство. – Самара: Кн. изд-во, 1997. – Т. 2. – С. 118.

² ГАСО. – Ф.Р-160. – Оп. 5. – Д. 3. – Л. 28.

³ Там же. – Л. 27

⁴ Там же. – Оп. 3. – Д. 476. – Л. 281.

⁵ Там же. – Оп. 5. – Д. 3. – Л. 27.

⁶ Колодин Н.Е. Указ соч. – С. 122.

⁷ Там же.

⁸ Беспалов В., Табачников С. Через годы, через расстояния. – Куйбышев: Кн. Изд-во, 1975. – С. 23.

⁹ Вся Самара на 1925 год. – Самара, 1925. – С. 191.

¹⁰ Коммуна. – 1925. – 31 октября.

¹¹ Колодин Н.Е. Указ соч. – С. 124.

¹² Шапошников Г.Н. Указ. соч. – С. 284.

А.В. Чашин

*Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СВЕРДЛОВСКЕ В НАЧАЛЕ 1930-х гг.

В 1930-е гг. Свердловск в результате активного промышленного строительства становится крупнейшим индустриальным центром Урала. Активное промышленное строительство требовало огромное количество рабочей силы, что привело к резкому увеличению миграции населения в город. Данные процессы не могли не повлиять на воспроизводство населения: рождаемость и смертность. Свердловск, так же как и многие города СССР прошел через демографическую катастрофу, когда резкий рост смертности стал причиной естественной убыли населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Воспроизводство городского населения Свердловска в 1926–1935 гг., %¹

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Младенческая смертность
1926	38,1	22,8	15,3	230
1927	40	25,6	14,4	237,6
1928	34,5	19,4	15,1	175,5
1929	31,1	19	12,1	205,1
1930	27,4	22,2	5,2	220,4
1931	35	37,3	-2,3	321,6
1932	47,7	52,9	-5,2	355,5
1933	29	44,4	-15,4	276,3
1934	29	23	6	190,7
1935	31,3	17,3	14	185,5

В отличие от других городов Урала чрезвычайно высокая смертность фиксируется не только в 1933 г., который в литературе традиционно трактуется как год демографической катастрофы², но и в 1931 г. и в 1932 г. При этом как видно из таблицы 1 резкое снижение естественного прироста наблюдается с 1930 г., также низкий естественный прирост наблюдается в 1934 г. С 1931 г. по 1933 г. младенческая смертность также была на весьма чрезвычайно высоком уровне.

Среди причин, которые привели к резкому росту смертности в 1931–1933 гг. в Свердловске, можно выделить несколько факторов. Прежде всего, стоит указать на проблемы с продовольствием, которые привели к голоду среди городского населения, что отмечалось в сообщениях Уральского областного отдела здравоохранения в 1933 г.: “Проявление цинги скрадывается общими явлениями истощения, безбелковыми отёками, желудочно-кишечными расстройствами и другими болезненными состояниями в результате массового нарушения питания. <...> Наличие в области пеллагри доказано проф. Соломиным в Свердловске на клиническом материале терапевтического отделения Свердловской горбольницы, что также подчёркивает наличие неблагоприятных условий в части питания населения и требует энергичной продовольственной помощи Уралу со стороны центра”³. Показательно высказывание одного из свердловских рабочих на открытом партсобрании 9 июня 1933 г., сохранившиеся в отчёте ОГПУ: “Мы, вот, рабочие построили целый ряд новых заводов и кушаем похлёбку-водичку, тогда как инженеры кушают мясо”⁴. Другой рабочий добавил к этому, что “пятилетка строится с поджатыми животами”⁵. При наборе рабочего персонала на Уралмашзавод инженер против соевой фамилии написал: “У меня нет денег, ни хлеба, могу быть, но вряд ли много работать”⁶. Недоедание и голод ослабляли организм, что способствовало росту других болезней.

Рост числа умерших от сыпного и брюшного тифа, оспы объясняется эпидемиями этих болезней в Уральской области. Фактором, способствовавшим росту числа инфекционных заболеваний, в том числе сыпного тифа, являлось антисанитарное состояние жилых помещений, что было во многом обусловлено интенсивной миграцией в город. Например, через город проходили эшелоны с раскулаченными крестьянами, которые, по мнению Уральского областного отдела здравоохранения, были первопричиной распространения сыпного тифа⁷.

Резкое увеличение миграции населения в город привело к острой нехватки жилой площади, что стало причиной чрезвычайно высокой скученности, резкого ухудшения жилищных условий⁸. На совещании сектора кадров при горкоме ВКП(б) 23 декабря 1933 г. о неудовлетворительном бытовом положении населения констатировалось: “По Уралмашинстрою бараки перегружены, рабочих размещать

негде <...> Такое же положение и на ВИЗе⁹, там бараки не отапливаются, дров нет, царит страшная грязь”¹⁰.

Примечательно, что распространение эпидемий горожане напрямую связывали со сталинской политикой, что отразилось в информационной сводке ОГПУ: “Знаем мы эти эпидемии, это сталинская болезнь, народ голодает и из-за этого болеет и умирает”¹¹.

Таким образом, в 1931 – 1933 гг. в Свердловске фиксируется демографическая катастрофа. Основными причинами роста смертности были голод (как в абсолютной так и латентной форме), инфекционные заболевания, такие как сыпной и брюшной тиф, оспа, вызванные острой нехваткой жилой площади в городе, а также неготовности социальной инфраструктуры (наличие бань, прачечных, медицинских учреждений) к обслуживанию резко возросшей численности города.

Примечания

¹ Составлено по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А-374. – Оп. 23. – Д. 26. – Л. 3; – Д. 70. – Л. 54; – Д. 86. – Л. 83; – Д. 134. – Л. 61; РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 18. – Л. 60; – Д. 53. – Л. 3; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. Р-1812. оп. 2. – Д. 33. – Л. 41; – Д. 170. – Л. 5; – Д. 171. – Л. 4; Уральское хозяйство в цифрах. – Свердловск, 1926. – С. 18–19; Уральское хозяйство в цифрах. – Свердловск, 1927. – С. 28–29, 30–31; Уральское хозяйство в цифрах. – Свердловск, 1928. – С. 42–43; Уральское хозяйство в цифрах. Социальная статистика. – Свердловск. 1930. Вып. 1. – С. 54.

² Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине 20 в. – Новосибирск, 2000. – С. 96.

³ ГАСО. – Ф.Р-241. – Оп. 2. – Д. 3387. – Л. 365.

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 161. – Оп.1. – Д. 134. – Л. 14.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ ЦДООСО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 41.

⁷ ГАСО. – Ф. Р-241. – Оп. 2. – Д. 3387. – Л. 18.

⁸ ГАСО. – Ф. Р-245. – Оп. 1. – Д. 1236. – Л. 7.

⁹ ВИЗ – Верх-Исетский завод.

¹⁰ ЦДООСО. – Ф.161. – Оп. 1. – Л. 208. – Л. 1.

¹¹ ЦДООСО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 72.

**ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СОВЕТСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ НОВОЙ ТАНКОВОЙ ТЕХНИКИ
ПЕРЕД ВОЙНОЙ**

По плану Главного автобронетанкового управления обеспеченность Красной Армии автобронетанковым вооружением на 1.06.1941 г. по штатам военного времени должна была составить 37886 машин, а в наличии имелось всего 23262 танка¹. Некомплект составлял по штатам военного времени – 14618 единиц, а по штатам мирного – 11682. При этом для комплектования только новых частей, не затрагивая перевооружением уже существующие подразделения, необходимо было примерно 16,6 тыс. боевых машин новых типов². Запланированный объем производства на 1940-41 гг. составлял порядка 3-4 тыс. танков КВ и Т-34 примерно в равных долях. Однако, к июню 1941 г. войска располагали лишь 545 и 969 штуками этих боевых машин соответственно³. При этом, необходимо помнить, что в апреле 1940 г., на шестой сессии Верховного совета СССР был принят новый бюджет, предусматривавший беспрецедентную сумму на оборону – 57 млрд. рублей⁴. Нарком финансов СССР тов. Зверев А.Г. и многие депутаты открыто заявляли, что это позволит Красной Армии иметь лучшую технику в требуемых количествах, не испытывая недостатка в вооружении, металле и т.п. Однако, нужды армии в новых танках не были удовлетворены. Было несколько причин, объясняющих подобное положение дел. Все они связаны с трудностями освоения производства новых моделей. В прочем, их условно можно разделить на две группы: проблемы технического несовершенства самих танков и просчеты промышленных предприятий.

Танки КВ, Т-34, Т-60 создавались в спешке. В перспективе они должны были обеспечить доминирование Красной Армии на поле боя над любым противником, а потому были приняты на вооружение, несмотря на многочисленные недоработки. Доводить эту технику до совершенства предполагалось уже в процессе производства. Однако такое положение дел крайне осложняло и затягивало выполнение планов выпуска заводами. Само освоение новой модели на предприятии требовало огромных усилий и затрат, как материальных, так и временных. Борьба с устранением дефектов конструкции негативно сказывалась на производстве. Частой была ситуация, когда десятки, а иногда и сотни, уже собранных танков отправляли обратно в цеха на переделку, поскольку обнаруживалась значительная недо-

работка, требовавшая исправления. Так на Горьковский автозавод только за несколько первых месяцев 1941 г. пришло более 100 уточнений к чертежам Т-60, что затягивало выпуск каждого экземпляра⁵. Порой заводчанам приходилось сталкиваться с проблемой, неразрешенной самим конструкторским бюро, и тратить время на ее устранение самостоятельно.

Дважды: в сентябре 1940 г. и апреле 1941 г. вставал вопрос о прекращении производства танка Т-34 по причинам его технического несовершенства. Вызванная при этом неразбериха привела к срыву производственных планов на заводах. №183 выполнил заказ менее чем на 19% годовой нормы⁶. На Сталинградском тракторном за весь 1940 г. дважды приостанавливали сборку и в итоге он дал лишь 23 танка⁷. На заводе №75 с огромным трудом добились, чтобы дизельный двигатель В-2 работал без сбоя⁸.

С другой стороны, производственная деятельность предприятий, осваивавших выпуск новой техники, не отличалась четкой слаженностью и организованностью. Так, низкая дисциплина рабочих оборачивалась массовыми прогулами и опозданиями. На Кировском заводе в Ленинграде, московском “Серпе и Молоте”, “Макеевском” простилали целые цеха из-за неявки работников⁹. А поскольку каждый цех на заводе связан неразрывным процессом поточного производства, то остановка одного из них влекла фактический срыв работы всего предприятия.

Настоящим бедствием для предвоенной танковой и прочей промышленности стал брак. На Сталинградском тракторном заводе за 1938 г. было произведено 245 тыс. бракованных деталей, в 1939 г. — уже более 364 тыс¹⁰. На первые танки Т-34 здесь ставили гильзы моторов с пометкой “условно годные”, а фактически взятые из того же брака. На Коломенском заводе им.Куйбышева в первую декаду 1940 г. более 56% готовых изделий было браковано, а по заготовкам на изделия эта цифра достигала 87%¹¹. Мариупольский металлургический завод им.Ильича — основной поставщик броневых пластин для танков, выпускал каждую 3 непригодную к монтажу деталь¹². Частично это объясняется халатностью на производстве. Другой причиной являлась “штурмовщина” при выполнении планов, которые часто повышались необдуманно и спонтанно. Так в марте 1940 г. СНК СССР приняло решение о производстве 150 танков Т-34 на год заводами №183 и СТЗ. Уже в июне цифра была скорректирована до 600 штук¹³.

Имело место недопроизводство и неразбериха на складах. Так звеня траков для Т-34, производимые СТЗ, вместо сборочного цеха отправлялись на склады или МТС, что задерживало выпуск военной продукции¹⁴.

Таким образом, очевидно, что советская промышленность перед началом Великой Отечественной войны лишь начала осваивать производство новой боевой техники. Она не была способна в короткие сроки наладить ее массовый выпуск и полностью удовлетворить нужды армии. Во многом, это связано с несовершенством самих образцов вооружения, принятых к производству. Частично же подобное положение дел объясняется недостаточной гибкостью советской промышленности в этот период. Требовалось значительное время для отладки процесса выпуска, даже для такой мощной индустрии, способной производить тысячи танков в год.

Примечания

¹ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. Книга II.1940-1942. – М: ГАБТУ МО РФ, 2005. – С. 49.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – С. 197.

³ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. Книга II.1940-1942. – М: ГАБТУ МО РФ, 2005. – С. 50.

⁴ Правда. – 1940. – 3 апреля.

⁵ РГАНТД. – Ф. Р-183. – Оп. 1-2. – Д.1344. – Л.1-4.

⁶ Подрепный Е. Оружие великой победы. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. – С. 14.

⁷ Барятинский М. Средний танк Т-34 // Моделист-конструктор. – М., 1999. – №3. – С. 24.

⁸ Груздев Н.И. Танки. Конструкция и расчет. Часть первая. История развития, компоновка, корпус и башня, моторная установка. – М., 1952. – С. 145.

⁹ Правда. – 1939. – 2 января.

¹⁰ Правда. – 1939. – 13 января.

¹¹ Там же. – 1940. – 13 января.

¹² Груздев Н.И. Танки. Конструкция и расчет. Часть первая. История развития, компоновка, корпус и башня, моторная установка. – С. 101.

¹³ Подрепный Е. Оружие великой победы. – С. 13.

¹⁴ Свирин М. Броневой щит Сталина. История советского танка 1937-1943 гг. – С. 231.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942-1943 гг.

Сталинградская битва закономерно привлекала и продолжает привлекать к себе пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Вплоть до последнего времени основные усилия историков были направлены на исследование хода боевых действий, вклада в победу участников битвы и гражданского населения, а также обоснование всемирно-исторического значения разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. Вопросы же, связанные с экономической политикой оккупантов по отношению к мирному населению на территории Сталинградской области, в исторической науке рассматривались недостаточно. Таким образом, предметом нашего исследования является процесс денежного обращения на территории Сталинградской области в период оккупации. Цель – выявить особенности процесса денежного обращения на оккупированной территории Сталинградской области. Реализация цели данного исследования осуществлялась на базе изучения архивных документов из фондов Государственного архива Волгоградской области (ф. 2800 – Волгоградская областная контора Государственного банка СССР) и Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ф. 113 – Волгоградский областной комитет КП РСФСР).

Необходимо отметить, что на территории Сталинградской области попыток эмиссии каких-либо денежных знаков немецкими властями не предпринималось. Движение денег происходило крайне ограничено.

Данные по сдаче населением денежных средств после освобождения территории Сталинградской области от оккупантов, позволяют нам выделить два вида валют, ходивших в обращении: первый – советские рубли, второй – валюты воюющих с Советским Союзом стран, к которым относились германская марка, румынская лея, венгерская пенго, украинские карбованцы.

Основным денежным средством оставались советские рубли, которые при обысках и грабежах отбирались у мирного населения под предлогом обмена их на немецкие марки в послевоенное время. Однако в действительности с помощью изъятых рублей в редких случаях происходил расчет с мирным населением за насильно взятый скот, птицу, сельскохозяйственные продукты, выплата жалования старостам, полицаем, а также другому обслуживающему персоналу из числа мирного населения. К примеру, в Тормосиновском районе полицейский аппарат получал 300 рублей, начальник полиции 650 рублей, участко-

вый агроном – 350-450 рублей, старший агроном – 850 рублей в месяц¹. При этом следует учитывать, что 10 советских рублей приравнивалось к 1 немецкой марки. Частично рублями происходила выплата жалования и немецким солдатам, мы можем предположить, что в таких случаях банкноты были проштемпелеваны немецкой стороной.

Денежное обращение валют воюющих с СССР стран происходило в основном в виде выплаты жалования. Так как основная территория была оккупирована немецкими солдатами, то наибольшее распространение получила немецкая марка (Rentenmark и Reichsmark), реже встречались румынские леи и венгерские пенго. В единичных случаях расплата с населением происходила иностранной валютой. О наличии украинских карбованцев на территории Сталинградской области свидетельствует тот факт, что после освобождения были встречены единичные случаи сдачи данной валюты населением. Однако какого-либо хождения украинский карбованец не имел, скорее всего, данные денежные знаки были найдены на полях сражений у мертвых украинских националистов, и сданы как иностранная валюта.

Вопросу денежного обращения оккупационные власти уделяли мало внимания, что подтверждается отсутствием в районах области немецких банков или других финансовых учреждений. Нам удалось выявить только один такой случай. Так в Перелазовском районе была попытка организовать банк и финансовый отдел для сбора налогов с населения на собак и велосипеды, для чего производился их учет. Организация банка и финансового отдела была поручена бывшему главному бухгалтеру Перелазовского отделения Госбанка Кузнецовой М.И., “которая с энергией взялась за его организацию для чего очень долго ходила в то здание, где намечался банк”².

После освобождения оккупированных районов стал вопрос о сдаче иностранной валюты, имеющейся у населения. Данный процесс регламентировался постановлением №112-52с от 31 января 1942, основные правила содержались в письме №119с от 9 февраля 1942 года. В письме указывалось, что принимаемую валюту необходимо было зачислять на внебалансовый счет №427 по отдельному лицевому счету “Валюта воюющих с СССР стран, принятая от граждан, предприятий, организаций и учреждений в районах, освобожденных от оккупантов”, причем на каждую валюту по этому лицевому счету открывался отдельный субсчет.³ Согласно данным из отчетного письма управляющего Сталинградской областной конторой Госбанка от населения было принято советских рублей 291.851 рублей 50 копеек, немецких марок – 1.144.210 рублей 90 копеек (при курсе 1 марка = 1 рубль), румынских лей на сумму 12.049 рублей 51 копейка (при курсе 1 лей=1 копейка) или 722.970 лея.⁴ Мы полагаем, что в данном случае речь идет о рублях, проштемпелеванных немецким командованием.

Таким образом, в период оккупации ряда районов Сталинградской области процесс денежного обращения носил весьма условный характер, так как основная часть необходимого попросту отбиралась захватчиками у мирного населения. Основные расчетные операции производились советскими рублями и немецкими марками, реже румынскими леями и венгерскими пенго.

Примечания

¹ Докладная записка начальника УНКВД по Сталинградской области...// ЦДНИВО. — Ф. 113. — Оп. 14. — Д. 306. — Л. 53-56 об.

² Письмо управляющего Перелазовским отделением Госбанка от 3 апреля 1943 года // ГАВО. — Ф. 2800. — Оп.3. — Д. 7. — Л. 13 об.

³ Циркулярное письмо правления Госбанка от 9 февраля 1942 года // ГАВО. — Ф. 2800. — Оп. 3. — Д. 9. — Л. 6.

⁴ Письмо управляющего Сталинградской Областной конторой Госбанка от 22 мая 1943 года // ГАВО. — Ф. 2800. — Оп. 3. — Д. 7. — Л. 8 об.

О.Ю. Бушуева

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

БАЗА ДАННЫХ БЕЗВОЗВРАТНЫХ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ УРОЖЕНЦЕВ г. САМАРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Противоречия в интерпретациях безвозвратных потерь населения (в том числе погибших в ходе боевых действий) в годы Великой Отечественной войны в исторической литературе являются одной из наиболее сложных историографических проблем. Подобное расхождение требует от ученых проведения исторической реконструкции процессов и событий, т.е. создания и применения различных методов, которые давали бы возможность научно обосновать или опровергнуть содержащиеся в первоисточниках цифры и факты. Нами совершена попытка приблизиться к исторической истине путем создания базы данных безвозвратных людских потерь Самарской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Работа заняла несколько лет, однако сегодня получена новая информация по затронутой проблеме.

В электронный формат переведено 22 тома региональной Книги Памяти, являющейся уникальным массовым историческим источником, к которому применимы структурно-количественные методы. Кроме того, в базу данных включены сведения о людских потерях,

полученные в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. В итоге электронная версия Книги Памяти насчитывает более 200 тысяч персоналий. За основу её создания было взято программное обеспечение Microsoft Access. Банк данных безвозвратных людских потерь содержит следующие информационные поля: порядковый номер, фамилия, имя, отчество, дата рождения, воинское звание, причина гибели, месяц гибели, год гибели, место гибели/захоронения, страна захоронения. На примере анализа потерь г. Самары, мы продемонстрируем возможности данного инструмента исторического исследования.

Воинам-уроженцам г. Самары, погибшим, пропавшим без вести, умершим от ран и болезней в тылу посвящены 1-6 тт. и часть дополнительных – 21-22 тт. Всего в базу данных потерь города включено 67 513 персоналии.

Путем анализа материала нам удалось получить следующую информацию: возрастной состав погибших; динамика потерь уроженцев г. Самары за 1941-1945 гг. по месяцам, периодам и кампаниям войны и по причине смерти; состав погибших по воинским званиям, а также данные о месте гибели.

Нами установлено, что жертвами войны стали в основном самые молодые и дееспособные люди. В возрасте от 20 до 35 лет погибло 60,6% от общего числа людских утрат, потери в возрастной категории от 36 до 51 года и старше составили 23%. Информация о дате рождения 16,6% погибших в Книге Памяти отсутствует.

Самыми кровопролитными для уроженцев города стали 1942 г. и 1943 г., когда потери достигли 28 и 27% соответственно от общего числа погибших. В 1944 г. потери идут на спад – 16,6%. В 1945 г. они оказались сравнительно небольшими – 7,9%. У 7% персоналий базы данных дата гибели неизвестна.

Самой многочисленной категорией людских потерь по воинским званиям стали рядовые – 65,6% от общего числа погибших г. Самары. Доля сержантов составляет 11,4%. Потери среди офицеров равны 8,6%, причем большее число приходится на младший офицерский состав. Отсутствует указание на воинское звание у 6,6% персоналий.

Значительное число захоронений солдат-самарцев находятся в Витебской (1,3%), Волгоградской (2,1%), Ленинградской (2,2%), Смоленской (2,7%), Новгородской (2,3%), Орловской (1,4%) областях. У значительной части воинов (50,5%) место захоронения не установлено.

Захоронения уроженцев г. Самары за пределами нашей страны чаще всего встречаются в Польше (2%), Латвии (1,1%), Литве (0,5%), Венгрии (0,6%), Германии (1,7%). В настоящее время мы продолжаем работу по анализу электронной версии Книги Памяти Самарской области.

РОЛЬ УЧЕНЫХ-ЭПИДЕМИОЛОГОВ В ЛИКВИДАЦИИ ЭПИДЕМИИ ХОЛЕРЫ ВО ВРЕМЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Основа многих методов профилактики инфекционных болезней, а также проведение противоэпидемических мероприятий, которыми в современных условиях пользуется практика здравоохранения, была впервые разработана, апробирована и научно обоснована в годы Великой Отечественной войны. Инфекционные (паразитарные) болезни, имеющие эпидемическое (пандемическое) распространение оказывали и продолжают оказывать определенное влияние на социально-экономические составляющие общественной жизни. Из annales истории медицины известно, что ни одна военная кампания не прошла без развития эпидемий инфекционных заболеваний. В прежние времена, когда войны были делом обыденным, холера часто шла вслед за воюющими армиями.

Сталинградская стратегическая контрнаступательная операция началась 19 ноября 1942г. и завершилась 2 февраля 1943 г. Общая продолжительность операции составляла 76 суток¹.

Летом 1942-го года, когда фронт неумолимо откатывался к Волге, советское командование получило сведения, что на территории, занятой врагом, вспыхнула эпидемия холеры. Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Сталинградской области оказалась неблагоприятной: скопление большого числа населения в условиях военного времени на необустроенной местности естественно приводило к нарушению размещения, питания, водоснабжения, банно-прачечного и медицинского обеспечения при остром недостатке медицинских работников. Самые благоприятные условия для распространения инфекции. К тому же, через Сталинград тогда ежедневно проходили сотни тысяч бойцов, направляясь к излучине Дона, где разворачивалось крупнейшее сражение. Обрато город принимал десятки тысяч раненых. Непрерывно отходили паромы и эшелоны в Астрахань. Словом, если эпидемии удалось бы просочиться в Сталинград, удержать ее не смогла бы никакая сила. Отсюда задача: не допустить распространения болезней на наши войска и население, оставшееся в Сталинграде.

Существует две версии путей попадания холеры в Сталинградскую область: первая – в 1941 г. были зарегистрированы единичные случаи заболевания холерой в Харькове. Источником явились заключенные из Сальянского лагеря в Азербайджане. Из Харькова инфекция была занесена в Казань, Сталинград, Саратов, Астрахань². Согласно вто-

рой версии, холера занесена в Сталинград немецкой армией и угрожала распространением по путям эвакуации³.

Нарком здравоохранения СССР Георгий Андреевич Митерев назначил Ермольеву Зинаиду Виссарионовну возглавить борьбу в Сталинграде по профилактике холеры, сформулировав задачу предельно просто: “Поезжайте в Сталинград и примите необходимые профилактические меры”⁴.

Зинаида Виссарионовна по происхождению донская казачка. Она родилась 27 октября 1898 г. на хуторе Фролов Донской области. Окончила с золотой медалью Мариинскую женскую гимназию в Новочеркасске и поступила на медицинский факультет Донского университета, который окончила в 1921 г.⁵ Особенно увлекала З.В. Ермольеву микробиология. После окончания университета Зинаида Виссарионовна оставлена ассистентом на кафедре микробиологии. Одновременно она заведовала бактериологическим отделением Северо-Кавказского бактериологического института. С 1922 г., когда в Ростове-на-Дону вспыхнула эпидемия холеры, Зинаида Виссарионовна стала серьезно заниматься этой проблемой⁶.

З.В. Ермольева открыла святящийся холероподобный вибрион, носящий ее имя. В 1942 г. впервые в СССР получила пенициллин, впоследствии активно участвовала в организации его промышленного производства в Советском Союзе.

Зинаида Виссарионовна достойно представляла СССР во Всемирной организации здравоохранения в Женеве. Она активно участвовала в работе I Всемирного женского конгресса в Париже, выступала на научных конференциях в Праге и Оттаве, Будапеште и Милане. С 1956 г. и до конца своей жизни З.В. Ермольева возглавляла Комитет по антибиотикам. Ее перу принадлежит 535 научных работ. З.В. Ермольева работала до последнего дня своей жизни — она умерла 2 декабря 1974 г., проводя в этот день научную конференцию.

Около 6 месяцев З.В. Ермольева провела в прифронтовой полосе. З. В. Ермольевой было принято решение всем без исключения жителям и военнослужащим дать разработанный ею холерный бактериофаг. Но его было слишком мало, поэтому для производства препарата было налажено непосредственно в осажденном Сталинграде в специально созданном оборудованном под лабораторию подвале.

Медики делали прививки, обслуживая до 50 тысяч человек в день⁷. С холерой боролось все население: хлорировали все колодцы, ежедневно обходили квартиры, чтобы выявить больных, обеззараживали места с нечистотами, круглосуточно дежурили на эвакуопунктах. В булочных без справки о прививках не выдавали хлеб⁸. Угрозу распространения холеры удалось предотвратить.

За борьбу с инфекциями на фронтах Сталинградского направления в конце 1942 г. З.В. Ермольева была награждена орденом Ленина, а в 1943 г. за участие в организации и проведении большой профилактической работы на фронтах Великой Отечественной войны, за разработку новых методов лабораторной диагностики и фагопрофилактики холеры была присуждена Сталинская премия I степени, переданная ею в Фонд обороны для создания боевого самолета (так взлетел в небо истребитель “Зинаида Ермольева”).

Большой вклад в борьбу с холерой в указанный период вложили работники НИИ “Микроб”. Научно-исследовательский институт микробиологии и эпидемиологии юго-востока СССР (Саратовский “Микроб”) являлся самым крупным в стране научным центром по всестороннему изучению чумы, холеры, туляремии, по массовому производству бактериальных препаратов, проведению профилактических мероприятий. Директор института Д.Г. Савостин был назначен уполномоченным наркома здравоохранения СССР. Ученые института “Микроб” выполняли ряд заданий правительства и наркомздрава страны¹⁰.

Сотрудники института проводили консультации различным организациям, в том числе санитарной организации фронтов Сталинградского направления; проводили подготовку и переподготовку соответствующих кадров; участвовали в ликвидации вспышки холеры¹¹ – НИИ “Микроб” освоил выпуск холерного бактериофага; сотрудники института выезжали в районы, где устанавливали диагностику подозрительных заболеваний, делали прививки вакцины, освидетельствовали военнопленных, ликвидировали вспышки заболеваний.

Таких масштабов профилактики не знала история – ни до, ни после Сталинграда. Опыт Великой Отечественной войны подтвердил рациональность системы организации санитарно-эпидемиологической службы в СССР, показал научную обоснованность и высокую эффективность методов и средств профилактики инфекционных болезней и борьбы с эпидемиями.

Примечания

¹ Великая Отечественная война, 1941-1945. Военно-исторические очерки. – Кн. 2. – М., 1998. – С. 46.

² Васильев К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. – М., 2001. – С. 159.

³ Военная эпидемиология. – М., 1967. – С. 14.

⁴ Васильев К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. – М., 2001. – С. 162.

⁵ Чаурина Р.А. Зинаида Виссарионовна Ермольева // Биология. – 2000. – №19. – С. 26.

⁶ Виленский Ю. Спасенный любовью...// Зеркало недели. – 2003. – №39. – С.21.

⁷ Волошинова В. Забытое имя // Молот. – 2003. №2. – С. 3.

⁸ Чаурина Р.А. Зинаида Виссарионовна Ермольева // Биология. – 2000. – №19. – С. 37.

⁹ Виленский Ю. Спасенный любовью...// Зеркало недели. – 2003. – №39. – С. 24.

¹⁰ Широков Г.А. Во имя Победы (Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941-1945). – Самара, 2005. – С. 172.

¹¹ Там же. – С. 174, 175.

И.Н. Абатуров

*Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук*

ПАТЕРНАЛИЗМ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПЛАНЕ: ОПЫТ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДЧИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ДЕМИДОВЫХ)

Активные контакты с представителями западной элиты в XVIII в. привели к заимствованию уральскими заводчиками некоторых поведенческих черт западных аристократов, одной из которых было патерналистское отношение к нижестоящим. По мнению американского историка П. Колчина, патернализм был присущ истинной аристократии¹.

Прежде всего, рассмотрим, что же означает термин патернализм. Это понятие происходит от латинских слов *pater*, *paterminus*, которые означают соответственно “отец”, “отцовский”. Долгое время это понятие в СССР практически не употреблялось. В специальных советских словарях по общественным наукам его трактовали как чужеродное понятие. Вот одно из таких определений: “идеологическая доктрина и практика монополистической буржуазии, направленная на то, чтобы отвлечь рабочих от классовой борьбы, внедрить в сознание трудящихся идеи “социального партнерства” и классового мира, побудить рабочих добровольно повышать производительность и интенсивность труда на капиталистических предприятиях”².

Сегодня лишь отдельные толковые словари содержат это понятие. Так, в “Большом толковом словаре русского языка” под редакцией С.А. Кузнецова это слово имеет следующие значения: “1. Опека, покровительство крупных государств более мелким государствам или

колониям. 2. Покровительство, опека старшего младшему”³. В “Большом словаре иностранных слов”, вышедшем в 2005 г. повторены почти без изменений оба вышеупомянутые значения термина “патернализм” и добавлена третья трактовка этого слова: “Система дополнительных льгот на предприятиях за счет предпринимателей с целью улучшения отношений с сотрудниками”⁴.

Что же представлял собой уральский патернализм? Прежде всего, это была та программа социальной поддержки, которая предоставлялась на частных заводах края. На Нижнетагильских заводах Демидовых она включала в себя медицинское обслуживание, выплату чрезвычайных “пенсий” по случаю потери кормильца семьям мастеровых и работных людей, а также пособия тем “служителям”, которые по старости, болезни или увечью не могли продолжать исполнять свои должностные обязанности. К числу мер социальной поддержки относилась также постройка и украшение храмов при заводах. Но не только эта система отличала уральских рабочих от их европейских коллег. Дело в том, что на Урале “трудящиеся” не были наемными работниками в современном смысле этого слова, поскольку зарплата не являлась для них единственным источником средств к существованию. Мастеровые и работные люди получали доходы из других источников – с обрабатываемых ими земельных участков, ремесел и торговли. Причем иногда эти сторонние промыслы доминировали и даже полностью подменяли собой труд на заводе. Заводчик выполнял функции патера-барина, который не только наказывал, но и опекал своих подчиненных.

Основания такой системы отношений между рабочими и подчиненными были, вероятно, заложены уже при первых Демидовых. Никита Акинфиевич, получив наследство после смерти отца, столкнулся с уже налаженным заводским миром, который, подчиняясь хозяину, фактически вынуждал собственника постоянно учитывать интересы зависимых от него людей. И, прежде всего, мастеровые и работные люди, видимо, в связи с желанием проверить нового барина на прочность, подали на него жалобу, требуя повышения оплаты. В своей челобитной на имя президента Берг-коллегии А.Ф. Томилова, поданной в 1746 г., Н.А. Демидов писал, что жалобщики “показывают себе от тех (заводских. – *И.А.*) работ обиды и разорение напрасно”, поскольку в случае утеснений крестьяне “бы домов и пожитков не нажили и могли бы и издавна бить челом, где подлежит”. Более того, из челобитной Н.А. Демидова мы узнаем, что некоторые из крестьян-челобитчиков “имеют у себя торговые при заводах промыслы”, а другие обучились за счет отца владельца “разным ремеслам”⁵.

Патерналистский принцип построения отношений между заводчиком и подчиненными под европейским влиянием еще более укре-

пился. После возвращения Никиты Акинфиевича из заграничного путешествия была предпринята отправка “служителей” на учебу за границу. Сохранилось письмо Никиты Акинфиевича в Петербургскую домовую контору от 31 марта 1780 г., в котором сказано “Священнику Андрею Афонасьевичу, господину Санбургскому (Самборскому. – *И.А.*) на содержание обучающегося в Лондоне под ево смотрением Шерлаимова сына Ивана еще на двухгодичное время вручить пять сот”. При этом был прислан Николай Зубрилов, на содержание и учебу которого были выданы еще 500 рублей также на два года⁶.

Судя по всему, первая посылка за границу служителей была неудачна, поскольку впоследствии эта практика возобновилась лишь при Николае Никитиче Демидове, сыне Никиты Акинфиевича.

Таким образом, на Нижнетагильских заводах Демидовых еще в XVIII в. сформировалась система отношений между хозяином и подчиненными патерналистского типа. Уральский патернализм был духовным элементом, сформировавшимся под влиянием европейской аристократической культуры. Внедрение его было изначально стихийным, но впоследствии в первой половине XIX в., патернализм оформился в систему взглядов, которая осознанно реализовывалась на практике уральскими заводчиками. Изучение патернализма в его российской аристократической форме позволит понять сущность этого сложного цивилизационного элемента.

Примечания

¹ Confino M. Servage russe, esclavage américain. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1990. Vol. 45. № 5. P. 1122–1123.

² Политэкономический словарь. – М., 1972. – С. 207.

³ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2000. – С. 786.

⁴ Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. – М., 2005. – С. 489.

⁵ РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Д. 588. – Л. 136 об.

⁶ ГАСО. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 53.

ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА СТАВРОПОЛЬЕ

Современный этап изучения становления советского государственного управления тесно связан с изучением одного из элементов этого процесса – коллективизацией на селе. Изучение данного процесса и особенностей его протекания дают нам возможность осмыслить опыт аграрной политики, найти определенные ориентиры для сегодняшнего социально-экономического развития страны.

Процесс объединения единоличных крестьянских хозяйств происходил в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Решение о коллективизации было принято на XV съезде ВКП (б) в 1927 году в декабре. Решение стало поручение Центральному Комитету “продолжить неослабными темпами политику социалистической индустриализации”. Известно, что для реализации этой задачи необходимы были средства. Одним из источников ее проведения должна была стать социалистическая реконструкция деревни. Особое значение в деле коллективизации придавалось зерновым районам СССР.

Ставрополье относилось к этой категории районов. К середине 20-х годов на Ставрополье коллективных хозяйств было мало. В регионе насчитывалось 120 тысяч индивидуальных крестьянских хозяйств, в пользовании которых находилось 990783 дес. земли из 1043 тыс. дес. посевной площади. В округе насчитывалось 669 тыс. овец, 624 тыс. из которых находились также в единоличных хозяйствах.

В силу исторических условий на Ставрополье преобладали середняцкие хозяйства. Общее количество бедняцких и середняцких хозяйств составляло 74,4%. Причем в своем пользовании они имели 30,6% всего хозяйственного инвентаря, а 45,5% не имели рабочего скота. Крестьянство на Ставрополье насчитывало в своем составе около ста тысяч бывших красных партизан. Поэтому, именно представители этого контингента первыми стали на путь колхозного строительства. При этом необходимо учитывать, что единоличное ставропольское крестьянство уже в первые годы советской власти стало организовывать различные кооперативы. К колхозам большой тяги ставропольчане не проявляли. Их количество увеличивалось по мере усиления государственного давления. Так, в Ставропольском райисполкоме к 1921 году было зарегистрировано 6 сельскохозяйственных кооперативов, в 1925 году еще 5, в 1926 – 33, в 1927 – 10¹.

Однако наибольшую инициативу проявляли красноармейцы, которые возглавили создание 29,7% хозяйств, 62,5% — было создано бед-

няками и 7,6% – крепкими хозяевами². Общее число трудоспособной части зарегистрированных коллективов составляло 48,4%.

Согласно данным обследования к 1928 году доминирующей формой коллективных хозяйств были товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). Именно такое положение вещей объяснялось социальной базой ставропольского крестьянства, предпочитавшего свободные формы кооперации. Из учтенных ставропольским райисполкомом к 1928 году их число составляло 68%. Количество совхозов-коммун составляло 6,6%, товарищества животноводов – 12%, а артелей – 4%. Всего в Ставропольском округе к 1 октября 1928 года насчитывалось 41 коммуна, 49 сельхозартелей, 626 товариществ по совместной обработке земли³. Правительством насаждалась именно артельная форма кооперации. Если в конце 20-х гг. на Северном Кавказе 85,2% составляли различные товарищества, то к 1930г. их стало 1,5%, а артелей – 94%. Нежелание крестьян вступать в совхозы-коммуны и артели можно объяснить рядом причин. В коммунах наблюдался самый высокий уровень обобществления, а в товариществах – самый низкий. Причем обобществлению подвергалась посевная площадь и сельскохозяйственный инвентарь. Рабочий и продуктивный скот обобществлялся в незначительной степени⁴. Если сравнить паевые взносы, необходимые для вступления в товарищество, то они были в два раза меньше, чем взносы, уплачиваемые крестьянином при вступлении в артель и коммуну⁵. Чтобы убедить крестьян в преимуществах колхозного строя, с 1928 г. на целинных и залежных землях Заволжья, Северного Кавказа, Урала принудительно создавались образцовые зерновые совхозы. Отсюда и предпочтения сельского населения можно объяснить стремлением к экономической независимости и свободе ведения личного хозяйства. Однако к 1928 году основными производителями сельскохозяйственной продукции на Ставрополье по-прежнему оставались крестьяне-единоличники, и им принадлежала большая часть посевов и скота: 94,8 % площадей под озимыми, 88,6 % яровых посевов, 93,4 % лошадей, 96,4 % голов крупного скота. Это в незначительной степени выходило за рамки общекраевых показателей.

Конец 1928 показал, что, несмотря на хороший урожай, крестьяне по стране поставили только 300 млн. пудов зерна (вместо 430 млн., как в предыдущем году). Экспортировать было нечего. Для выхода из создавшегося положения партия направила в деревню “оперуполномоченных” и “рабочие отряды” (было мобилизовано 30 тыс. коммунистов). Им было поручено провести чистку в ненадежных и непокорных сельсоветах и партичейках, создать на месте “тройки”, которым надлежало найти спрятанные излишки, заручившись помощью бедняков.

Несмотря на достаточно эффективную работу ставропольского крестьянства, в регионе началось проведение коллективизации. Ее необходимость была продиктована в значительной мере политическими соображениями. При этом в Ставропольском округе агитационно-разъяснительную работу в селе проводило около сотни бригад⁶. Также для усиления роли колхозного сектора Северокавказские органы власти запланировали на 1929 год увеличение числа крупных коллективных хозяйств в регионе, которые должны были стать главными поставщиками зерна. Для этой цели были выбраны три крупных села Ставропольского округа – Надежда, Михайловское и Старомарьевское. В состав Надеждинского “Гиганта” входило 305 хозяйств, Михайловского 349, Старомарьевского –433⁷.

Если оценивать политику большевицкой партии по вопросу колхозного строительства в 20е годы, можно сделать вывод о том, что коллективизация архаизировала сельские производства региона, стали проявляться такие черты, как нерациональность организации труда, слабая товарность колхозного производства, так как в них охотно вступали, лишь бедняцкие хозяйства, имела место текучесть состава, низкая степень обобществления и т.д. На протяжении всего процесса коллективизации устранение этих недостатков превращает их в тенденцию. Вступление в колхоз не делало крестьянина-единоличника сознательным работником, не решало проблемы материально-технического развития сельскохозяйственного производства.

Примечания

¹ ГАСК. – Ф.299. – Оп. 1. – Д. 1260.

² Там же.

³ ГАСК. – Ф.602. – Оп. 1. – Д. 20.

⁴ ГАСК. – Ф.602. – Оп. 1. – Д. 16.

⁵ Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. СПб., 2000.

⁶ Очерки истории Ставропольского края. – Ставрополь, 1986. – Т. 2.

⁷ ГАСК. – Ф. 602. – Оп. 1. – Д. 91.

**ГОРОДСКАЯ СРЕДА ТЮМЕНИ И
ПАССАЖИРСКИЙ АВТОТРАНСПОРТ ГОРОДА
СЕРЕДИНЫ 1960 – СЕРЕДИНЫ 1970-х ГОДОВ**

С середины 1960-х гг. особую значимость приобретает развитие Западной Сибири, ставшей крупнейшим нефтегазовым регионом страны. Сюда начали поступать крупные капиталовложения, которые использовались не только для разработки и оснащения нефтяных и газовых промыслов, но и шли на развитие социально-бытовых нужд многих сибирских городов¹. К их числу относилась и столица Тюменского края. Население Тюмени в этих условиях начинает стремительно расти. Так, если в 1966 г. в городе проживало около 217, 9 тыс. человек, то к 1975 г. это число достигло 334, 9 тыс. человек². Таким образом, за 10 лет население города увеличилось более чем на 30%. Преобладающей возрастной категорией среди жителей города тех лет была молодежь.

В исследуемый период происходило быстрое развитие экономических и культурных связей внутри городского пространства. В Тюмени велось активное строительство и благоустройство городской территории. В 1966 г. было построено более 88 тыс. кв. м жилой площади, в то время как в середине 1950-х гг. объемы годового жилищного строительства не превышали 20 тыс. кв. м³. Наряду с этим, более интенсивной становится культурная жизнь горожан. В Тюмени увеличивается количество культурных учреждений и мест отдыха населения. Быстрыми темпами велось строительство дорог. Однако качество как строившихся, так и уже имеющихся в городе дорог, оставляло желать лучшего.

Изменения в городской среде находят свое отражение в трансформации целого ряда черт повседневной жизни горожан. Рост внутригородских перемещений обусловил повышение роли городского пассажирского автотранспорта, который стал одной из каждодневных потребностей населения. Такая ситуация привела к значительному увеличению городских автобусных линий и числа перевозимых пассажиров. Если в 1966 г. в Тюмени было 29 автобусных маршрутов, которыми ежегодно перевозилось около 58 млн. человек, то к 1975 г. число автобусных линий выросло до 44, а количество перевозимых пассажиров увеличилось более чем в 2 раза⁴.

Наряду с этим, количественный рост парков автобусов и такси существенно замедлился. В период начала 1950 – середины 1960-х гг.

число городских автобусов выросло в 4 раза (с 58 до 212), а автомобилей такси – в 7 раз (с 36 до 244)⁵. К середине 1960-х гг. парк автобусов составлял около 260 машин. На таком же уровне он оставался и к середине 1970-х годов. На улицах города начинают появляться более комфортные для пассажиров “Икарусы”, а также новые модификации давно использовавшихся для пассажирских перевозок “ЛИАЗов”⁶. Количество такси за этот период увеличилось всего на 66 машин (с 319 до 385)⁷. Основная часть таксомоторных перевозок осуществлялась машинами марки “Волга”. Недостаток пассажирского автотранспорта на улицах города в значительной степени сказывался на обслуживании населения. Как реакция на обострение транспортного вопроса в середине 1960 – середине 1970-х гг., более интенсивными в его решении становятся попытки городских властей. В этот период проводились эксперименты по обслуживанию пассажиров. На улицах города появляются автобусы, проходившие по городу “экспрессом” и курсирующие по укороченным маршрутам. С середины 1960-х гг. вводится практика бескондукторного обслуживания пассажиров. К концу 1960-х гг. в таксомоторный парк начинают поступать первые “РАФы”, использовавшиеся для организации маршрутных такси⁸. Однако результаты подобных экспериментов были далеко не всегда удачны.

Интенсивность городской жизни нашла отражение в активизации претензий населения к качеству обслуживания городским пассажирским автотранспортом. Об этом свидетельствует факт широкого спроса населения на услуги таксомоторного транспорта. Если в начале 1950–середине 1960-х гг. такси считалось элитным средством передвижения и было мало востребовано среди основной массы населения, то к середине 1970-х гг. услугами такси начинают пользоваться практически все слои населения города. Значительно возросший спрос на услуги этого вида транспорта был обусловлен несколькими причинами. Первая из них заключалась в существенном расширении территории города. Увеличившиеся расстояния требовали от жителей Тюмени большего времени на их преодоление. Такси, в немалой степени, способствовали экономии этого времени. Вторая причина была связана с появлением в Тюмени значительного слоя людей из городов, в которых такси уже давно стало частью повседневной жизни горожан. Они способствовали разрушению в общественном сознании людей представления об автомобиле как элитном и недоступном для большинства граждан средстве передвижения.

Примечания

¹ Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). – Тюмень, 2005. – С. 46.

² ГАТО. — Ф. 698. — Оп. 1. — Д. 374. — Л. 1, 2; — Д. 564. — Л. 15, 114, 162.

³ ГАТО. — Ф. 698. — Оп. 1. — Д. 384. — Л. 208; — Д. 207. — Л. 4.

⁴ ГАТО. — Ф. 1792. — Оп. 3. — Д. 231. — Л. 151; — Д. 503. — Л. 230.

⁵ ГАТО. — Ф. 1792. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 2.

⁶ ГАТО. — Ф. 1792. — Оп. 3. — Д. 503. — Л. 148.

⁷ ГАТО. — Ф. 1792. — Оп. 3. — Д. 231. — Л. 113-об; — Д. 409. — Л. 48; — Д. 503. — Л. 230.

⁸ ГАТО. — Ф. 1792. — Оп. 3. — Д. 479. — Л. 163.

В.В. Соловьева

*Уральский государственный
университет им. А.М. Горького*

**“ЭТИМИ ВОПРОСАМИ ТОВАРИЩИ РАСКРЫВАЮТ СВОЕ ЛИЦО”:
ВЕЧЕРА ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ НА ОБОРОННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЯХ КАК КАНАЛ СВЯЗИ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ
И ОБЩЕСТВОМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Тема “власть и общество” имеет различные аспекты: социальная политика, общественные настроения, формы взаимного воздействия и много другое. Само соотношение этих двух понятий представляется дискуссионным. Применительно к советской эпохе также возникает множество вопросов: какова была степень государственного контроля, как общество влияло на политику, где лежит граница между властью и обществом и т.д. Сторонники теории тоталитаризма “преувеличивали способность сталинского режима контролировать общество, но понятие тотального контроля...все же было тем, к чему режим стремился”¹. В современной историографии общество все больше рассматривается не как пассивный объект, на который направлены действия власти, а как совокупность действующих лиц, где “человек является источником и началом любого социального изменения”². Так или иначе, за теоретической конструкцией “власть-общество” кроется “пестрая мозаичная картина социальных и политических практик”³.

Источником, из которого можно получить информацию как о направлении и механизмах государственной политики, так и об “обратной связи” между властью и обществом, являются материалы о “вечерах вопросов и ответов” на предприятиях.

Данный источник обнаружен в фондах Свердловского обкома ВКП(б) в документах отдела агитации и пропаганды (докладные записки о проведении “вечеров” на ряде заводов области)⁴ и партийно-

го комитета Уралмашзавода (стенограмма вечера вопросов и ответов в цехе №34)⁵. Документы хронологически совпадают и датируются февралем 1943 года. Совпадение в проведении “вечеров” в одно время на разных предприятиях вряд ли является случайным. Аналогичных документов в 1939-42 гг. пока выявлено не было, что дает возможность связывать появление таких мероприятий именно с условиями военного времени. Важно отметить, что они проводились на крупных промышленных предприятиях, которые выполняли заказы для фронта. Работники этих заводов были своего рода “авангардом рабочего класса”.

Документы удачно дополняют друг друга. Так, из докладных записок, мы можем составить представление о процессе подготовки и проведения “вечеров” и о реакции на них. Стенограмма же фиксирует формулировки заданных вопросов, их порядок и ответы администрации предприятия.

Перед проведением “вечера” на заводах организовывался сбор вопросов: по цехам вывешивались ящики, рабочим раздавались бумага и карандаши⁶. Собранные вопросы обрабатывались и передавались администрации для ответа. Наконец, на цеховых собраниях рабочие “выслушивали ответы на заданные ими вопросы”⁷. То есть о прямом обмене мнениями речи не шло, лишь после собрания присутствовавшие на нем представители партийных организаций проводили индивидуальные беседы с участниками и составляли отчет для обкома.

Цели данного мероприятия, по словам автора одной из докладных записок, “объяснялись рабочим в начале вечера”. В стенограмме собрания в цехе №34 они звучат предельно кратко и связываются с присутствием на заводе пропагандистской группы ЦК ВКП(б), которая “интересуется состоянием политической работы на заводе”⁸.

Как указано в записке, вначале отвечали на бытовые вопросы, после — на производственные и в заключении — на политические. Это интересное замечание, поскольку в сводках вопросов, которые составлялись в обкоме партии и затем отправлялись в ЦК, компоновка была прямо противоположной: вначале политические вопросы, затем производственные и в самом конце бытовые.

Власть всегда была заинтересована в получении информации о настроениях населения. Сводки вопросов трудящихся становятся в годы войны одной из основных форм предоставления этой информации. В основной массе это были вопросы, заданные агитаторам на митингах, собраниях и лекциях. Как говорилось в одном из отчетов, “этими вопросами товарищи раскрывают свое лицо, чем они живут...”⁹

Можно рассматривать “вечера” и как особую форму пропаганды, работавшую на поддержание образа государства, заботящегося о нуждах своих граждан. При этом понятие заботы тесно соседствовало

с понятием контроля. Пропаганда должна была достигать каждой семьи и рабочего места, проникать в сферу повседневной жизни¹⁰.

Такая форма как встреча работников предприятия со своей администрацией практиковалась редко (выявленные материалы относятся только к 1943-1944 гг.). Можно предположить, что толчком к их проведению послужили многочисленные жалобы на “злоупотребления” начальников, (преимущественно уровня мастеров и начальников цехов), а также работников сферы снабжения и общепита. В таких случаях система проявляла “точечное” реагирование для предотвращения “нездоровых настроений”. Таким способом достигалось некоторое “снятие напряжения” в той части общества, которую режим считал своей основной опорой.

Об отношении рабочих к проведенному “вечеру” отчасти свидетельствуют следующие высказывания, записанные инструктором отдела агитации и пропаганды: “Это очень хорошее мероприятие, руководители вышли к рабочим...но некоторым работникам нужно тщательнее готовиться к ответам...такими ответами, как “нет фондов”, рабочие не могут быть удовлетворены”¹¹.

Таким образом, “вечера вопросов и ответов” можно считать способом апелляции власти к обществу и общества к власти, применявшимся в экстремальных условиях военного времени. Однако, это был диалог, который велся на расстоянии.

Примечания

¹ Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 30.

² Чуева Е. “Мир после войны”: жалобы как инструмент регулирования отношений между государством и инвалидами Великой Отечественной войны // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. — М.: ООО “Вариант”, ЦСПГИ, 2008. — С. 98. См. также: Журавлев С.М., Мухин М.Ю. “Крепость социализма”: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928-38 гг. — М.: РОССПЭН, 2004; Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. — М.: Издательство «Европа», 2005; Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. — М.: РОССПЭН, 2003 и др.

³ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: “коммуникация убеждения” и мобилизационные механизмы. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 5.

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). — Ф. 4. — Оп. 38. — Д. 155.

⁵ ЦДООСО. — Ф. 1020. — Оп. 2. — Д. 266.

⁶ ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 38. — Д. 155. — Л. 40.

⁷ Там же. — Л. 33об.

⁸ ЦДООСО. — Ф. 1020. — Оп. 2. — Д. 266. — Л. 1.

⁹ ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 39. — Д. 162. — Л. 71.

¹⁰ Советская пропаганда... — М., 2007. — С.26.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. — Оп. 38. — Д. 155. — Л. 33 об.

О.Н. Стронина

Белгородский государственный университет

ОСОБЫЙ ОПЫТ РОССИИ И КИТАЯ В ДИАЛОГЕ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Проблемы науки и религии широко обсуждаются в Западной Европе, Северной Америке. Там ежегодно публикуются десятки книг и проводятся многочисленные конференции по различным аспектам диалога между наукой и религией, отражающие активную исследовательскую и преподавательскую деятельность историков, философов и богословов в университетах Америки и Западной Европы.

В этом диалоге участвуют представители всех мировых религий. Однако православие и чань-буддизм представлены в этом диалоге очень слабо. Это связано с тем фактором, что в России и Китае систематическая исследовательская активность, способная давать результаты, которая могла бы быть опубликована на Западе и составить ощутимый вклад в диалоге и может быть даже дополнить его в тех аспектах, которые по историческим причинам выпали из кругозора только начала развиваться.

Опыт российского православия и китайского буддизма в отношении проблемы науки и религии является особыми по многим причинам, включая в первую очередь сами богословские различия с западным христианством и исламом, а также и сугубо исторические и политические факторы. В России и Китае, само развитие науки и ее возможное взаимоотношение с религией вышли на сцену в конце XVIII века, то есть достаточно поздно по сравнению с эпохой научных революций в Западной Европе. Но даже тогда проблема взаимоотношений “веры и знания” имела во многом философский характер, то есть её обсуждение происходило на уровне неких общих представлений о Боге, как творце и устроителе вселенной и не было явно привязано к специфике традиционного богословия и его понимания науки и ее роли в жизни человека¹.

В XIX веке утверждается примат веры перед знанием: само знание и наука в своей основе требуют веры².

В XX веке усматривается различие между необходимостью, то есть навязанной неизбежностью веры в реальность материального мира, с одной стороны, и свободной веры в Бога, как личного акта верующего, с другой.

Сейчас в Китае, как и в России, наука и религия как разные формы опыта едины, будучи разделенными в себе единством телеологии человеческого бытия в мире, творимого волей незримого начала³. В этом смысле различие и противоположение науки и религии являются не каким — то дефектом истории, а, наоборот, присущим этой истории моментом, отражающим специфику человеческого состояния в мире, в котором простая экзистенциальная вера в существование самого мира должна присутствовать в ученом, чтобы он мог осуществлять процесс познания. При этом разница между научной мыслью и облеченной в богословскую форму мыслью о мире как о Божьем творении и о самом Боге заключается в том, что “религиозная мысль требует большей веры и духовного ответа”⁴. Однако духовный и нравственный опыт нужны не только богословствующим ученым, но и тем ученым, которые непосредственно связаны с применением научных открытий в технике, ибо польза или вред техники будут определяться нравственным уровнем людей⁵.

Таким образом, создается впечатление, что как в России так и в Китае наука и богословие долгое время прибывали в поисках разного рода истины, как будто в мире не существует единой.

В итоге хотелось бы сказать, что опыт диалога науки и религии России и Китае шел схожим путем. Важно отметить, что в настоящее время в этих странах появляются работы в которых указывается на то, что ни наука ни религия не должны растворяться одна в другой и приспособлять чужие методы к собственным подходам к истине.

Примечания

¹ Бердяев Н.А. Истина и откровение. — СПб, 1996. — С. 147; Нидэли Дж. Фундаментальные основы традиционной китайской науки. — СПб, 1998. — С. 195.

² Сапрыкин Д. Л. *Renum Hominis*. — М., 2001. — С. 291; Чжан Бо-Дуань. Главы о прозрении истины. — СПб., 1994. — С. 236.

³ Чичерин Б. Н. Наука и религия. — М., 1999. — С. 249; Чэн Чжуньин. Теория конфуцианской личности: наука и богословие в конфуцианской философии. — СПб., 1995. — С. 105.

⁴ Sherrarol. *The Rape of Man and Nature*, 101–102.

⁵ Бердяев Н.А. Человек и машина. — М., 1989. — С. 157.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУСИ И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Эпоха монголо-татарского нашествия является одним из наиболее неоднозначных периодов в истории России. В настоящее время многие историки по-новому освещают события данного периода, основываясь на новейших данных раскопок, архивов и т. д. Тем более возрастает интерес к изучению взаимоотношений Руси и Золотой Орды.

В отечественной историографии проблема “Русь и Золотая Орда” стала подробно изучаться с к. XVIII – н. XIX в. В пер. пол. XIX в. изучением монгол занимались такие историки, как Н. Н. Карамзин, Н.И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Н. Березин, В.В. Григорьев, Д. Банзаров, Г.С. Саблуков. В к. XIX – н. XX в. данную проблему разрабатывали В.В. Бартольд и Б.Я. Владимирцов, М.Н. Покровский, А.Е. Пресняков. Среди исследователей XX в. следует выделить таких историков, как А.Ю. Якубовский, С.Е. Толыбеков, Б.Д. Греков, Г.Е. Марков, А.Н. Насонов, Л.Н. Гумилев, Н.Н. Крадин, В. В. Трепавлов, Т. Д. Скрынникова, Л. В. Черепнин, П.Н. Павлов, В.В. Каргалов, В.А. Кучкин, В.Л. Егоров.

Взгляды перечисленных выше исследователей-монголоведов на проблему взаимоотношения Руси и Орды различны, а порой – противоположны друг другу. Например, Н.М. Карамзин негативно оценивал последствия монголо-татарского нашествия на Русь, акцентируя внимание на разрушении общественного уклада русских земель и многочисленных жертвах монгольского террора. В рамках данного подхода одной из главнейших идей является определяющая и всеохватывающая роль монголов в средневековой русской истории. В это же время другой подход к данной проблеме был предложен С.М. Соловьевым и развит впоследствии В.О. Ключевским, С.Ф. Платоновым, М.Н. Покровским и А.Е. Пресняковым. В центре внимания данных исследователей находится внутренняя жизнь средневековой Руси, не подверженной, по крайней мере, кардинальным изменениям со стороны монголов. В 30-х гг. XX в. была разработана новая концепция, основывающаяся на идеях К. Маркса, в рамках которой влияние монгольского нашествия на Русь оценивалось крайне негативно. В том числе, те немногие позитивные моменты, которые отмечал Н.Н. Карамзин (например, прекращение междоусобиц, объединение русских земель) были исключены из поля зрения историков. Наиболее видными представителями данного направления являются

Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский и А.Н. Насонов. В настоящее время в историографии проблемы взаимоотношений Руси и Орды можно выделить два основных направления: принятое в советской науке и “евразийство”. Последнее представлено такими исследователями, как Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский Э. Хар-Даван. В его рамках признается зависимость Руси от Орды, однако это не рассматривается как причина “застоя” во внутренней жизни Руси и в центре внимания находится взаимодействие двух культур.

В современных исследованиях взаимоотношений Руси и Орды рассматриваются несколько принципиально важных вопросов:

1. Целесообразность похода хана Батые на Русь.

Во-первых, ставится под сомнение масштаб ущерба, нанесенного походом Батые на Русь 1237-1240 гг. Во-вторых, переосмыслиется схема движения монгольских войск, цели, преследуемые монголами, и сама целесообразность похода на Русь. Современные исследователи приходят к выводу, что завоевание северных территорий Руси монголам не было необходимым, так как конечной целью похода была Европа, а не Русь. Таким образом, хана Батые в большей степени интересовали южные русские степи, а не северные болота и леса. Об этом же свидетельствует довольно беспорядочное движение монгольских войск по северу Руси, в частности – отступление от Новгорода.

2. Развитие северо-восточной Руси в период монголо-татарского ига.

Данные современных археологических раскопок подтверждают довольно быстрое восстановление норм и порядков на северных землях, возможности проводить не только внутреннюю, но и внешнюю политику северо-восточными князьями.

3. Характер взаимоотношений Руси и Орды.

Согласно современным исследованиям, зависимость Руси от Орды носила, прежде всего, даннический характер и преследовала фискальные, а не оккупационные цели. Также взаимоотношения русских князей и ордынских ханов рассматриваются с позиции древнего обряда дарения (системы “подарка-отдарка”), которые не сводились лишь к системе господства-подчинения, а были более многообразными и включали в себя различные аспекты.

4. Влияние Орды на становление российской государственности.

В настоящее время монгольское общество рассматривается как потестарное, т. е. предгосударственное. Таким образом, ставится под сомнение тот факт, что монголы могли привнести идею государственности и были способны значительно повлиять на политическое развитие Руси.

5. Причина победы Золотой Орды и установления монголо-татарского ига.

Ставится под сомнение утверждение, что Русь не смогла отстоять собственную независимость по причине феодальной раздробленности. Китай, Венгрия и др. государства были отнюдь не беспомощны, однако и они были сметены монголами. Дело в несопоставимости военной и пассионарной мощи монгольских и русских лидеров в период завоеваний. Поэтому русские княжества стояли в ряду побежденных рядом с другими государствами. Однако именно они способствовали пространственному ограничению военной активности монголов. Сложно сказать, было бы иначе, будь русское государство единым.

В настоящее время, в связи с переосмыслением перечисленных выше вопросов формируется новое представление о характере и сущности русско-ордынских взаимоотношений. Таким образом, современные исследователи стараются уйти от традиционных крайне негативных взглядов на данный период времени и сформировать более объективный взгляд на взаимоотношения Руси и Золотой Орды.

Ю.Г. Ещенко

Астраханский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕХОДА К ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМУ ОБУЧЕНИЮ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ В 1950-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Проблема введения политехнического обучения в средней школе часто поднималась в исторических исследованиях, посвященных переходу к всеобщему образованию в конце 1950-х гг. Часть работ носит обобщающий характер и рассматривает политехническое обучение лишь как очередной этап реформирования российского образования, а не как самостоятельный эпизод¹. Кроме того, многие исследования написаны еще в советский период и несут на себе большой отпечаток идеологической доктрины².

Нашей целью является анализ изменений, произошедших в системе образования в момент подготовки перехода к политехническому обучению в средней школе в 1950-х гг. по материалам Астраханской области.

Согласно постановлению XIX съезда партии (1952 г.) было принято решение “об осуществлении политехнического обучения в средней школе и проведении мероприятий для перехода к всеобщему политехническому обучению”³ и создании “условий для свободного выбора профессий”⁴ <...>

Перед Министерством просвещения СССР стояла важная задача — реформировать школу. Необходимость ее немедленного решения была

вызвана проблемой, заключавшейся в том, что “современная школа не выполняла своего функционального назначения, ограничившись подготовкой воспитанников к поступлению в высшую школу”⁵.

Однако для Астраханской области одними из важнейших проблем при введении политехнизации стали материально-техническая обеспеченность школ, подготовка учительских кадров и качество подготовки учащихся.

Переход к политехническому образованию происходил параллельно с введением всеобщего среднего образования. Директивами XIX съезда КПСС по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951-1955 гг. была поставлена задача окончания к концу пятилетки перехода с семилетнего обучения на всеобщее среднее. В связи с этим, в области увеличилось число средних школ и учащихся 8-10 классов – в 2 и 5 раз соответственно⁶ <...>

В результате этого, в некоторых учебных заведениях после перекомплектования классы оказались слишком перегружены <...>

Согласно таблицам успеваемости школьников по области, ее средние показатели с 80,5% в 1952-1953 гг. к 1953-1954 учебному году снизились до 71,6%. Хозяйственно-организационные проблемы непосредственно сказывались на общем уровне подготовки учащихся⁷.

Местные власти, сталкиваясь с затруднениями в решении проблемы технического обеспечения образовательных учреждений, обращались за помощью к учащимся и их учителям в снабжении школ инвентарем, мебелью и учебными пособиями <...>

Облсполкомом также предпринимались попытки улучшить ситуацию в городе путем введения в действие 8 новых школ на 440 мест каждая⁸. Вопрос о строительстве ставился перед ЦК КПСС и Советом Министров, в результате чего было принято решение о финансировании строительства новых зданий школ, усовершенствовались уже имевшиеся здания <...>

Там, где не удавалось создать своей базы, занятия проводились на предприятиях, в заводских цехах и лабораториях. Для этого на основе предприятий промышленности и сельского хозяйства создавались ученические бригады. Правда, на практике подростков привлекали к труду от случая к случаю, как подсобную рабочую силу⁹ <...>

Осуществление задачи политехнического обучения требовало серьезной переподготовки кадров преподавателей. Некоторые учителя не знали устройства всех приборов и правил их эксплуатации, не могли составить чертежи технических моделей, так как подобные знания имели в основном технические специалисты, работавшие в НИИ <...>

Институт усовершенствования учителей в Астрахани постоянно направлял по районам города и области методические рекомендации по вопросам примерного распределения программного материала (ввиду отсутствия новых постоянных программ), проводил лекции по мето-

дикое введение политехнического обучения в школах по биологии, физике, химии.

Темы, изучавшиеся учениками на уроках, стали более приближенными к условиям работы на заводе или в колхозе <...> Но даже в тех школах, где политехнизация обучения все-таки произошла, возник новый ряд проблем <...>

Таким образом, несмотря на многие удавшиеся попытки решения проблем введения политехнического обучения, в целом по области политехнизация отрицательно сказалась как на ходе учебного процесса, так и на успеваемости учащихся. Однако при реализации политехнического обучения был проведен ряд положительных мероприятий по ликвидации наиболее ярких школьных проблем – были построены новые здания школ, ремонтировались и расширялись уже имеющиеся, создавались интернаты, улучшилось материально-техническое оснащение школ.

Примечания

¹ Тимофеева Е.Г. Государственная политика в сфере обществоведческого образования российской молодежи в 50-е – 90-е гг. XX века. – М., 2002; Штурба В.А. Разработка государственной политики в области народного образования и ее реализация в Российской Федерации в 60-90-е гг. (на материалах юга России): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2001.

² Новиков А.М. Народное образование в Советском Союзе. – М., 1966; Кабатченко М.В. Народное образование в СССР. – М., 1986; Филиппов Ф.Р. Всеобщее среднее образование в СССР. – М., 1976; Денисова М.А. Народное образование в СССР. – М., 1985; Прокофьева М.А. Народное образование в СССР. 1917-1967. – М., 1985; Малышев М.П. Организация и планирование всеобщего среднего образования. – М., 1957 и др.

³ ГАСД АО. – Ф.325. – Оп. 23. – Д. 271. – Л. 1.

⁴ Из директив по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951-1955 гг. // Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917-1973 гг. – М., 1974. – С. 45.

⁵ Тимофеева Е.Г. Государственная политика в сфере обществоведческого образования российской молодежи в 50-е – 90-е гг. XX века. – С. 58.

⁶ ГАСД АО. – Ф. 325. – Оп. 27. – Д. 100. – Л. 133.

⁷ ГАСД АО. – Ф. 325. – Оп. 25. – Д. 161. – Л. 13; Там же. – Д. 168. – Л. 1-2.

⁸ Липчанский А.М., Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В., Казаков П.В. Столица преславной провинции. – Астрахань, 2008. – С. 242.

⁹ История Астраханского края. – Астрахань, 2001. – С. 833.

СЕКЦИЯ “ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ”

Э.Г. Алдашев
Юридическое агентство “А И П”

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕСЯТИНЫ СРЕДНЕВОЛЖЬЯ И УФИМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ СЕРЕДИНЫ XVI – НАЧАЛА XVIII СТОЛЕТИЙ

Если вопросы высшего управления Русской Православной Церкви в XVI – начале XVIII веков учеными изучены довольно основательно, то десятинного устройства отдельных епархий истории практически не касались. Из имеющихся работ наиболее презентабелен дореволюционный двутомник профессора И.М.Покровского, в котором лишь частично и затрагивается данная проблематика¹. Составной частью этого труда является блок информации по Средневоложью и Уфимскому Приуралью.

При написании нашей статьи использована совокупность опубликованных источников.

Юго-восток Европейской России в период с середины XVI по начало XVIII веков в рамках РПЦ был поделен сначала между Казанской епархией и Патриаршей областью, а затем еще Астраханской и Нижегородской кафедрами. В церковно-административном плане земли, им подчиненные, дробились сначала на десятины², а затем на заказы³.

При образовании в 1555 году Казанская епархия была поделена на 2 части⁴. В 1706 году она включала в себя 21 (возможно 22) церковно-административную единицу⁵. Юго-западную часть Правобережья Волги в этом году занимал Корсунский заказ Патриаршей области, образованный в 1682 году⁶.

И.М.Покровский использовал в своих сочинениях информацию о заказах содержащуюся только в 1 из 2 изданных им митрополичьих приходных книг⁷. В результате к регулярно указываемым этим историком 18 церковно-административным округам⁸ приплюсовываем еще 3: Омарский или Благовещенский, Кангальский или Архангельский и Тенишевский или Богородицкий⁹.

Число десятин, потом заказов в Среднем Поволжье и Уфимском Приуралье увеличивалось в связи с ростом количества церквей. Первоначальные десятины, увеличиваясь до размера весьма крупных, затем дробились¹⁰.

По месторасположению церквей мы делим десятины и позднейшие заказы на “городские” (все храмы располагались в городах, пригородах и острогах), “сельские” (находились в сельской местности) и “смешанные” (комбинация двух ранее указанных типов), а по количеству на 4 категории: “крупные” – свыше 100 церквей, “средние” – от 30 до 100, “небольшие” – от 15 до 30 и “малые” – менее 15. В Среднем Поволжье находились в 1706 году 1 крупный, 5 средних, 6 небольших и 10 малых заказов, из которых 15 были смешанного и 7 сельского типов.

Крупный и 4 средних заказа, а также 4 малых единицы, образуя “полумесяц”, располагались в тех частях Средневолжья, где компактно проживало православное население и было много храмов. Остальные небольшие и малые округа формировались из приходов в анклавах данной категории жителей, разбросанных на больших расстояниях друг от друга на окраинах епархии.

Центрами этих церковных единиц являлись Десятильничьи дворы, являвшиеся официальной резиденцией их глав¹¹. Они часто располагались в монастырях, а 1 фактически в Казанском архиерейском доме.

В Казанской епархии почти все заказы были самостоятельные и подчинялись непосредственно своему десятильнику¹², тогда как в соседних Патриаршей области и при Вятской кафедре встречалась более сложная система устройства. Существовали еще приписные десятины, которые подчинялись главам старших церковно-административных округов (Арзамасская из Патриаршего ведомства имела “Залесных станов”, а последняя в свою очередь тоже делилась в разное время на 5-7 “дочек” с поповскими старостами во главе)¹³. Данное устройство возникало скорее всего по причине личных предпочтений владык и делалось с целью облегчения управления десятинами. В Казанской епархии у глав церковно-административных округов были помощники, но не только отраслевые, как в Корсунской десятине (финансовый и судебный), а еще и территориальные (поповские старосты – заведовали отдельными частями единицы)¹⁴.

На примере Корсунской десятины 1682-1721 годов показываем систему управления подобных церковно-административных округов. Данные приводятся по указанным ранее сборникам документов о Корсунской и Арзамасской десятинах, составленным В.Холмогоровым. Во главе стоял десятильник из числа корсунских настоятелей мужского монастыря или протопопов крестовоздвиженского собора, который осуществлял общее руководство и контролировал действия подчиненных ему 2 поповских старост из уездного центра. Настоятель Архангельского храма осуществлял местный суд и заведовал кадровыми перемещениями в рамках десятины, а глава Христорождественской церкви занимался финансовыми вопросами – в первую

очередь сбором даней с приходов и т.д.. До 1682 года местный суд для Корсунского уезда осуществляли сначала в Темникове, потом в Саранске, а церковные дани отвозили в них поповские старосты из Корсуна. Для различных поручений глава десятины благословлял других церковнослужителей и мирян. Такая система управления напрямую копировала высшие духовные властные структуры Казанской епархии, в рамках которой архиереи всем руководили через 2 свои приказа — Казенный и Судный¹⁵. Корсунские десятильники подчинялись аналогичным патриаршим ведомствам. Они назначались Казенным патриаршим приказом, а их помощники из числа поповских старост избирались на местах прихожанами и затем утверждались в том же ведомстве.

Особо сложными судебными тяжбами по духовным делам Корсунской десятины занимался назначенный для этих целей в качестве высшей региональной судебной инстанции настоятель арзамасского монастыря (духовных дел судья, входивший в штат Патриаршего Судного Приказа).

В Казанской епархии в 1706 году в штат архиерейского Судного Приказа входили 3 духовных дел судьи — архимандрит свияжской обители и 2 иеромонаха из Казани и Симбирска¹⁶. Эти трое вершили суд в рамках подведомственных им территорий, которые составляли определенные церковно-судебные районы. Первый занимался делами по Западной части Северного Средневожья. Второй — по Восточной части Северного Средневожья, Закамью и Уфимскому Приуралью. Третий — по Правобережью Южного Средневожья. Самый большой объем дел приходился на казанского иеромонаха, а самый малый на единственного из этой тройки настоятеля монастыря, почему последний не был заменен на черного попа.

Во второй половине XVI — XVII столетиях главами десятин становились соборные протопопы и настоятели крупных обителей. В конце XVII — начале XVIII веков большинство заказов стали возглавлять настоятели обителей¹⁷. Один церковно-административный округ управлялся непосредственно архиерейскими приказами. То есть ситуация в Казанской епархии является результатом личного волеизъявления местного архиерея, которое совпадало с новым веянием в РПЦ — назначать не только на высшие, но и на средние руководящие посты монашествующих.

В рассматриваемый период в Средневожье и Уфимском Приуралье в рамках традиционного русского церковного устройства были разделены на церковно-административные округа и число последних постоянно увеличивалось по причине роста количества храмов, числа верующих и освоения новых земель. По своим размерам эти церковные единицы были в основном некрупными сельскими и смешанно-

го типа. Их главами являлись руководители духовного чина среднего уровня, причем в конце периода в связи с новым вянием в русском православии почти исключительно из монахов. Устройство данных округов было стандартным для РПЦ, но его отличала региональная специфика, которая являлась результатом прежде всего личных волеизъявлений архиереев. Все вышеперечисленные выводы свидетельствуют о том, что ситуация в регионе была типична для вообще всех новых земель юга и юго-востока России и некоторых районов старого Центра.

Примечания

¹ Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX веках, их открытие, состав и пределы. – Т. 1. – Казань, 1897; Т. 2. – Казань, 1912.

² Холмогоров В. Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII века. (Описание Симбирской и Карсунской десятин Патриаршей области). – Предисловие. – Симбирск, 1898. – С. 2.

³ Евфимий (Малов), протоиерей. Древние грамоты и разные документы (Материалы для истории Казанской епархии) / протоиерей Евфимий (Малов) // Известия ОАИЭ при императорском казанском университете. – Т. XVIII. – Вып. 1-3. – Казань, 1902. – С. 39.

⁴ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. Его средства и штаты преимущественно до 1764 года. – Казань, 1906. – С. 286.

⁵ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. – Приложения. – С. 162-171.

⁶ Холмогоров В. Материалы для истории Симбирского края... – С. 2.

⁷ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. – С. 162-171.

⁸ Покровский И.М. Казанская епархия и ее пределы. (Церковно-исторический и географический очерк) // Православный собеседник. – Казань, 1896. – Май. – С. 106.

⁹ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. – Приложения. – С. 164-168.

¹⁰ Холмогоров В. Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. Балахнинской десятины жилия данные церкви и пустовыя церковныя земли 7136 (1628) – 1746 годов. – Вып. 2. – М., 1903. – С. 1.

¹¹ Там же. – С. 2.

¹² Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. – Приложения. – С. 162-171.

¹³ Холмогоров В. Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. Арзамасской десятины жилия данные церкви. Пустовыя церковныя земли 7136(1628) – 1746 годов. – Вып. 1. – Введение. – М., 1902. – С. 6.

¹⁴ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. – Приложения. – С. 165.

¹⁵ Иванов Ю.Н. Феодалное землевладение в Казанской епархии (вторая половина XVI–XVII вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1981. – С. 31.

¹⁶ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. – С. 297.

¹⁷ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. – Приложения. – С. 162-171.

Е.М. Малинкин

Самарский государственный университет

СТРУКТУРА И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ПРИКАЗА КАЗАНСКОГО ДВОРЦА

После завоевания в 50-80-е гг. XVI в. огромных пространств Казанского, Астраханского и Сибирского ханств перед Российским государством встает проблема управления этими территориями. Изначально оно было поручено Посольскому приказу, но с 1599 г. эта территория отошла к приказу Казанского дворца. Его прообразом была Казанская изба, существовавшая с 50-х годов. Первоначально приказ управлял всеми землями бывших волжских ханств, т. е. “понизовыми землями” (или городами), в состав которых входили не только Среднее и Нижнее Поволжье, но и “мещерские “города по Оке. В 1637 г. сибирские земли были выведены под управление Сибирского приказа, по причине трудностей в управлении единой территории от Волги до Восточной Сибири. В дальнейшем астраханские земли были переданы Посольскому приказу и в ведении приказа Казанского дворца остались Среднее и часть Нижнего Поволжья, а также Приуралье (Башкирия).

Изначально данные территории управлялись наместником, но постепенно эта должность сливается с воеводской. По мере создания вниз по течению Волги городов-крепостей (ниже Нижнего Новгорода) во второй половине XVI–XVII вв. эти города включались в состав приказа Казанского дворца и в них назначались воеводы, о чём свидетельствуют разрядные книги.

Полномочия приказа Казанского дворца отличалась не только широтой территории, входящей в её компетенцию, но особенностями взаимодействия с другими органами центральной власти. Он был не просто территориальным приказом, но и центральным учреждением по управлению всеми вопросами и сторонами жизни Поволжья.

Котошихин упоминает сбор ясака, контроль над рыбными промыслами и торговлей лошадьми. Но приказ также осуществлял полное административное, финансовое, судебное управление данной территории. Кроме того он был чуть ли не единственным приказом, обладавшим военно-организационными функциями, обычно полностью принадлежавшим Разрядному приказу¹. По свидетельству Котошихина приказ даже ведал охраной границ с Турцией и Персией, а также защитой от калмыков и башкир².

Стоит отметить, что приказ Казанского дворца так же ведал сбором всех податей, таможенными сборами, исполнением населением невоенных повинностей, ему подчинялись почти все виды служилых людей, в том числе стрельцы, а также ведал уголовным сыском и осуществлением наказаний, что должно было входить в компетенцию Стрелецкого и Разбойного приказов соответственно.

Первоначально в ведении приказа находилось два уезда — Казанский и Свияжский, в каждом было своё воеводское управление. По причине их размеров практически сразу после образования они начали дробиться на более мелкие. Внешние границы уездов, особенно на юге и юго-востоке было слабо определены, что создавало трудности для защиты этих территорий. Регион постоянно подвергался набегам кочевников, в связи с чем в период со второй половины XVI и почти до конца следующего столетия по Волге строятся крепости, которые по мере роста и составляли расширение юрисдикции и военной силы приказа. Основу гарнизонов крепостей составляли стрельцы и казаки, так же военную силу региона составляли поместные дворяне, получавшие здесь землю и становившиеся не только охраной, но и колонизирующей силой.

Одной из главных задач приказа Казанского дворца в XVII в. было осуществление строительства оборонительных засечных линий. С 1647 г. в Среднем Поволжье возводились Корсунская, Атемарская, Тетюшская и Засурская засеки. К 1654 г. завершено было строительство Симбирской черты, начинавшейся от Симбирска по Волге, она включала более десяти стоявших на ней укрепленных городков и как бы соединялась с Тульской засечной линией³.

Борьба с татарами в астраханских землях в 50-70 е гг. XVII в., восстание казаков и присоединившихся к ним различных народов Поволжья и Приуралья под руководством С. Разина в 1670-71 гг. привели к началу военно-административной реформы, коснувшейся приказа Казанского дворца. Для осуществления более эффективного руководства воинскими подразделениями были введены разряды — военные округа, со временем получившие административно-территориальный статус.

В ходе преобразований разграничиваются полномочий Казанского разряда в военной сфере от полномочий казанского воеводы, в руках которого продолжала концентрироваться административно-финансовая и судебная власть. Было сохранено положение городов, при котором любой из них мог относиться к различным приказам. Так Разрядный приказ становится управляющим вооруженными силами понизовых городов Среднего и Нижнего Поволжья через разрядный стол приказа Казанского дворца⁴.

Казанский разряд скорее всего появляется в конце 70-х гг. в царствование Федора Алексеевича на фоне войн с Польшей и Турцией. В 1679 г. полки Казанского разряда были отправлены на южные границы. Сюда входило дворянское ополчение, драгунские и рейтарские подразделения, стрелецкие полки. Первые упоминания о данном разряде относятся к “Росписи разных людей...”, где упоминаются исключительно военные функции.

Изначально Казанский разряд был подразделением Разрядного приказа. В результате военные контингенты понизовых городов приказа Казанского дворца оказывались в двойном подчинении. Для упорядочивания военного управления в 1680 г. было проведено разграничение функций Разрядного приказа и в том числе приказа Казанского дворца.

Наиболее общие группы служилых людей приказа Казанского дворца были теперь отданы Разрядному, Иноземному и Рейтарскому приказам. Возможно, впервые была предпринята полная проверка и разбор всех родов войск этого региона. При этом было разделено управление такими родами войск как дворянская конница и полки нового строя. Казанские стрельцы оставались в ведении приказа Казанского дворца.

В результате территориального разграничения ведомств от Казани вплоть до Симбирска “и по Симбирской черте” ратные люди должны были находиться в ведомстве Разрядного приказа, воинские подразделения остальных городов ниже по Волге оставались в подчинении приказа Казанского дворца.

Приказ Казанского дворца был создан как часть общей системы управления, сложившейся во второй половине XVI в. Это был не только территориально-административный орган, осуществлявший властные функции в поволжских и приуральских землях, он контролировал все стороны функционирования здесь центральной власти. Приказ отвечал за сбор налогов, податей, функционирования постоянно создаваемых на Волге во второй половине XVI–XVII вв. городов, осуществлял судебные функции и ведал вооруженными силами этой огромной территории. Уникальность приказа Казанского дворца в том, что изначально он сосредоточил в себе функции других приказов.

Примечания

¹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. — Казань, 1982. — С. 125; Гераклитов И.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. — Саратов, 1923. — С. 43.

² Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI-XVII вв. — М., 1984. — С. 245-246.

³ Перетяткович Г. Поволжье в XVII-начале XVIII вв. // Записки Императорского Новороссийского университета. — Т. 34. — Одесса, 1882. — С. 250-257.

⁴ Амерханова Э. И. Военные функции Казанского разряда // В кругу учеников, коллег, друзей. К 70-летию И.П. Ермолаева. — Казань, 2002. — С. 61.

Д.В. Шаргалов

*Оренбургский государственный
педагогический университет*

ШТАТНЫЕ РАСПИСАНИЯ СЛУЖАЩИХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Оренбургская губернская типография — особое полиграфическое предприятие. Она была создана в 1801 году в г. Уфе и более 25-ти лет являлась единственным полиграфическим учреждением на территории Оренбургского края. Основной целью ее деятельности являлось содействие управлению Оренбургской губернии. Но на начало XIX в. губернская администрация Оренбургского края не имела опыта создания и управления полиграфическим учреждением. Видимо, поэтому типография была скудно обставлена, имела всего два ручных печатных станка, испытывала дефицит шрифтов и не имела утвержденного штата¹. Его разработка затянулась с 1835 до 1837 года. В 1837 г. имперское правительство издало распоряжение об устройстве губернских типографий и издании “Губернских ведомостей”. Оно подтолкнуло правление к упорядочению дел типографии и принятию ее штата (см. табл. 1)².

Как видно из приведенного в табл. 1 данных, самая крупная заработная плата была у смотрителя губернской типографии. А самые низкие оклады были установлены для тередорщиков и батырщиков, чья работа не требовала грамотности и особых навыков. Спустя некоторое время губернская администрация изменила оклады, выплачи-

Таблица 1

**Первое штатное расписание
Оренбургской губернской типографии (1837 год)**

Должность	Класс	Число работников	Жалование в год серебром одному		Жалование в год серебром всем		
			Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Надзиратель (смотритель), он же корректор	XII	1	600	00	600	00	
Наборщики	Старший	XIV	3	400	00	1200	00
	Младший	XIV	3	300	00	900	00
Тередорщик	Без класса	3	200	00	600	00	
Батырщик	Без класса	3	200	00	600	00	
Итого:	-	13	-	-	3900	00	

ваемые служащим Оренбургской губернской типографии, и реорганизовала ее штат (табл. 2).³

Таблица 2

**Штатное расписание
Оренбургской губернской типографии (1839 г.)**

Должность	Число работников	Жалование в месяц одному		Жалование в год одному		Жалование в год всем	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Смотритель типографии	1	50	00	600	00	600	00
Наборщики старшие	2	30	00	360	00	720	00
Наборщики младшие	4	25	00	300	00	1200	00
Тередорщики старшие	1	30	00	360	00	360	00
Тередорщики младшие	3	20	00	240	00	720	00
Батырщики	8	15	00	180	00	1440	00
Сторож	1	15	00	180	00	180	00
Итого	20	-	-	-	-	5220	00

Из приведенных в таблице 2 данных видно, что жалование большинства работников Оренбургской губернской типографии было сокращено. Старшие наборщики в 1839 г. получали 360 руб. сер. в год на одного, против 400 руб. сер. на одного в 1837 г. Доходы батырщиков сократились с 200 руб. сер. в год на одного до 180 руб. сер. в год на одного служащего. Доходы младших наборщиков и смотрителя типографии остались на прежнем уровне. Рост наблюдался только в доходах тередорщиков. Как видно из таблицы, они были разделены на старших и младших. Старшие тередорщики получали в 1839 г. 360 руб. сер. в год на одного работника, а младших 240 руб. сер. в год на одного, что было больше установленного в 1837 г. жалования на 160 и 40 руб. сер. в год на одного сотрудника соответственно. Также изменился количественный состав служащих. Была введена новая долж-

ность сторожа. Общее число работников возросло с 13 в 1837 году до 20 в 1839 году. Количество старших наборщиков сократилось с трех человек до двух, а младших, по сравнению с 1837 годом, наоборот увеличилось с трех до четырех работников. Увеличилось количество тередорщиков с трех до четырех человек. Значительно выросло число батырщиков с трех до восьми. Данные изменения в штате сказались на годовых средствах, выделяемых на содержание штата Оренбургской губернской типографии. Если в 1837 году для этих целей губернское правление выделяло 3900 рублей серебром в год, то в 1839 году в расходы по данной статье было запланировано уже 5220 рублей серебром.

Таким образом, можно заключить, что губернское правление в течение 30-х гг. XIX в. продолжало искать наиболее оптимальный штат для Оренбургской губернской типографии, который позволял бы ей успешно справляться с поставленными задачами и был сообразен необходимым трюдатратам. Штат 1839 г. был наиболее удачным и существовал дольше, чем штат 1837 г.

Примечания

¹ Столпянский П.Н. Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. — Оренбург, 1903. — Т. 12. — С. 1.

² Составлена по: Государственный архив Оренбургской области. — Ф. 6. — Оп. 5. — Д. 11298.

³ Составлено по: Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее ЦГИА РБ). — Ф. И-1. — Оп. 1. — Д. 1539"а". — Л. 13.

⁴ ЦГИА РБ. — Ф. И-1. — Оп. 1. — Д. 1539"а". — Л. 14.

Н.В. Симакин

*Пензенский государственный
педагогический университет*

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ В 1816-1831 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Период 1816-1831 гг. является отдельным и самостоятельным этапом в развитии рекрутской системы Российской империи. Его особенностью следует признать то, что государство стало уделять усиленное внимание военным кантонистам и военным поселениям как аль-

тернативе рекрутчине. Вместе с тем, рекрутские наборы проводились без каких либо кардинальных изменений на основе “Генерального учреждения” 1766 г.¹ К концу царствования Александра I все больше стали проявляться недостатки рекрутской системы: большая численность армии, наличие в ней большого количества солдат старших возрастов; многочисленные изъятия в несении военной службы по словному, национальному, территориальному признаку и др.² В первые годы царствования Николая I была проведена большая законодательная работа по упорядочению рекрутской повинности. Важнейшими правовыми актами явились законы о привлечении к данной повинности евреев, лиц духовного звания, малороссийских казаков и, конечно же, новый Рекрутский устав 1831 г.³ Таким образом, продолжена уравнительная политика в области рекрутчины, выражавшаяся в стремлении государства сделать условия наборов одинаковыми для всех, независимо от национальной и религиозной принадлежности.

В Пензенской губернии в 1816-1831 г. действовал порядок отправления рекрутской повинности типичный для большинства регионов России. Важнейшим мероприятием при подготовке к набору было составление раскладки рекрутов на основании данных последней ревизии, в котором участвовали многие губернские и уездные органы власти. Самые большие трудности и недовольство (особенно у дворян) вызывала раскладка для владельческих крестьян⁴. Кроме того, большим вопросом являлась выплата дворянских складочных денег⁵. Помимо составления раскладки подготовительные мероприятия включали в себя также назначение в рекрутские присутствия писарей, медицинских чиновников, представителей духовенства различных конфессий⁶. Центральными властями назначались военные приемщики, наблюдатели (из числа флигель-адъютантов и жандармских офицеров).

В данный период в губернии неоднократно изменялось количество и местонахождение рекрутских присутствий, сроки и условия их работы⁷. Но в любом случае четко регламентировался порядок приема рекрутов (вплоть до отправки их в войска). С этой целью постоянно издавались распоряжения и постановления, в которых подробно оговаривался порядок и обязанности военной и гражданской администрации.

Население Пензенской губернии (как и России в целом) неохотно исполняло рекрутскую повинность, т.к. она рассматривалась им как настоящее бедствие и несчастье. В данный период было проведено 11 общих наборов (в 1828 и 1831 г. они проводилось дважды в год). В общей сложности на каждые 500 душ податных сословий было наложено 30 рекрутов, что, безусловно, являлось большим отягощением для них. Поэтому достаточно частым явлением были недоимки (как по

натуральным рекрутам, так и по складочным деньгам)⁸. Сопротивление населения рекрутчине было постоянной проблемой для властей.

Практически единственной альтернативой службы в армии являлась покупка зачетных рекрутских квитанций, т.к. наем охотников был еще редким явлением. Но в рассматриваемый период этим правом воспользовались лишь 1,3-5% от числа призываемых Пензенской губернии.

Сами помещики также негативно относились к рекрутской повинности, поскольку они теряли своих крепостных и значительные денежные суммы. В данный период нередкими были случаи представления в присутствия крестьян, подвергшихся телесному наказанию, или с явными физическими недостатками, вольноотпущенников, незаконнорожденных и т.д.⁹ При за браковании представляемых в рекруты отдатчики нередко требовали повторного освидетельствования. Серьезной помехой при проведении наборов были владельческие крестьяне, переведенные в другие губернии и числившиеся в Пензенской губернии лишь “по окладу”¹⁰.

Другие податные сословия также находили способы избежать рекрутчины. Многие назначенные в рекруты мещане и казенные крестьяне во время набора либо “случайно” отсутствовали на местах и не являлись в рекрутские присутствия, либо находились в низших очередях. Кроме того, нередкими были случаи самовольного представления в присутствия для мещан и нарушения очереди (воlostным старостой или обществом) для казенных крестьян¹¹. Иногда имело место и открытое массовое сопротивление рекрутским наборам¹².

Помимо самого набора требуемого числа рекрутов важной задачей для властей было их обмундирование, довольствие и препровождение рекрутских партий в места службы. Цены на провиант и обмундирование постоянно росли; они сильно различались по уездам; наблюдались злоупотребления чиновников и отдатчиков¹³. В связи с этим большое значение имело принятие указа о рекрутской одежде (1816 г.) и “Табели о плате за продовольствие” (1821 г.)¹⁴. Рекруты от Пензенской губернии направлялись согласно расписанию Инспекторского департамента военного министерства на укомплектование тех частей армии, которые больше остальных нуждались в пополнении.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ) 1649–1825 гг.— СПб., 1830. — Т. XVII. №12748.

² Вакулова Л.Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тамбов, 2007. С. 62-63.

³ ПСЗ (II). — Т. II. № 1329, 1330; — Т. VI. № 4356, 4563; 4677.

⁴ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). – Ф. 196. – Оп. 1. – Д. 601. – Л. 58-58об, 62; – Д. 618. – Л. 123; – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 1487. – Л. 166, 169 и др.

⁵ Там же. – Ф. 196. – Оп. 1. – Д. 601, 617, 618, 619, 620.

⁶ Там же. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 1487. – Л. 29; – Д. 1661. – Л. 20; – Д. 1741. Л. 40.

⁷ Там же. – Д. 1487. – Л. 27; – Д. 1590. – Л. 16, 38; – Д. 1661. – Л. 4; – Д. 1741. Л. 21; – Д. 1742. – Л. 13.

⁸ Там же. – Д. 777. – Л. 260, 286; – Д. 1116. – Л. 290, 354; – Д. 1378. – Л. 208-210; – Д. 1487. Л. 466 и др.

⁹ Там же. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 1661. – Л. 367; – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 496, 912; – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 658. – Л. 356.

¹⁰ Там же. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 1590. – Л. 158.

¹¹ Там же. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 1589; – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 659. – Л. 22, 315, 316, 353.

¹² Там же. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 1378. – Л. 128; – Д. 1742. – Л. 694.

¹³ Там же. – Д. 519. – Л. 448; – Д. 545. – Л. 95; – Д. 577. – Л. 164-164об, 166.

¹⁴ Там же. – Д. 799. – Л. 298; ПСЗ (I). – Т. XXXV. № 27508.

К.В. Купченко

*Санкт-Петербургский Институт
внешнеэкономических связей, экономики
и права, филиал в г. Смоленске*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

В пореформенный период оказание социальной помощи и благотворительности перешло от государственных ведомств к органам местного самоуправления. Ситуацию осложняло то, что Городовое Положение относило общественное призвание к категории прав¹, а не обязанностей городских властей (наравне с народным образованием и здравоохранением). Не указывались источники финансирования, формы участия и т. д. Расходы на социальное обеспечение и благотворительность в местных бюджетах не включались как обязательные.

* Работа выполнена при поддержке администрации Смоленской области и РГНФ. Проект регионального конкурса “Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее”, грант № 08-01-58101 а/Ц.

До 1870 г. основным ведомством, которое занималось оказанием помощи нуждающимся, был Приказ общественного призрения. Его капиталы являлись неприкосновенными, на благотворительность могли направляться только проценты. Это отрицательно сказывалось на содержании призреваемых лиц. Правительство было уже не в состоянии содержать всех нуждающихся и перепоручило это новым органам местного управления. Перемены в социальной политике затронули и городские управления Смоленской губернии.

В начальный период своей деятельности органы городского самоуправления Смоленской губернии не смогли в полной мере обеспечить потребности в благотворительности и ограничилось поддержкой в этой сфере инициативы частных лиц и коммерческих структур.

К 70-х гг. XIX в. в Смоленской губернии действовали благотворительные учреждения только в губернском центре: богадельня, детский приют и лечебница для проходящих больных Смоленского благотворительного общества (была создано по инициативе городской управы)¹. Все учреждения содержались на пособия от городской управы и пожертвования частных лиц².

Наиболее полно раскрылась деятельность органов городского управления в проведении социальной защиты во время войн (русско-турецкой, русско-японской, Первой мировой): устройство лазаретов, организация подвижных госпиталей, сбор медикаментов, вещей, продуктов для раненых, помощь семьям солдат и офицеров, находящихся на фронтах⁶.

В 1888 г. была открыта общественная богадельня в Вязьме. Так же действовала богадельня в Рославле, содержавшаяся местным Благотворительным обществом. В 1891 г. в Дорогобуже начало действовать городское благотворительное общество при котором была учреждена богадельня⁹. В остальных уездных городах Смоленской губернии действовали богадельни, содержавшиеся за счет частных лиц, земских, крестьянских обществ.

Одним из важнейших условий развития дела призрения и правильной его постановки, отмечали городские власти, являлось участие в нем возможно большего числа местных деятелей, непосредственно знающих нужды каждого лица, требующего общественного попечения и прилагавших усилия к изысканию и увеличению необходимых для этого средств. Лучшим способом, по их мнению, была организация местных, небольших по размерам попечительств о бедных⁵.

Но при крайней ограниченности городских средств городские управы были лишены возможности в полной мере оказывать помощь нуждающимся. В связи с этими обстоятельствами городские власти стремились поддержать действовавшие местные благотворительные организации.

В начале XX в. в области социальной политики органы городского общественного управления активно взаимодействовали с другими благотворительными и общественными организациями, действовавшими в губернии.

В декабре 1907 г. Правление Общества Красного креста в Смоленской губернии при поддержке Смоленской городской думы были организованы ночлежные дома⁷. Накануне Первой мировой войны в Смоленске открылось “Общество дешевой столовой для учащегося юношества”¹⁰. Столовая получала из городских пекарен продукты по низким ценам.

После Февральской революции одним из последних заметных действий городского управления в социальной сфере было учреждение по рекомендации Временного правительства биржи труда для обеспечения занятости трудоспособных граждан⁴.

После октября 1917 г. вопросы благотворительности и социального обеспечения взяли на себя формировавшиеся советские органы власти, но эта политика уже проводилась в социально-классовом контексте.

Таким образом, органы городского общественного управления принимали активное участие в области благотворительности, социального обеспечения. Благотворительная политика проходила, главным образом, в форме финансирования благотворительных учреждений и выплаты пособий нуждающимся.

Примечания

¹ ГАСО (Государственный архив Смоленской области). – Ф. 65. – Оп. 2. – Д. 1766. – Л. 55.

² ГАСО. – Ф. 65. – Оп. 1. – Д. 1657. – Л. 23.

³ ГАСО. – Ф. 65. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 2.

⁴ ГАСО. – Ф. 65. – Оп. 1. – Д. 1768. – Л. 1-5.

⁵ ГАСО. – Ф. 65. – Оп. 1. – Д. 1875. – Л. 2.

⁶ ГАСО. – Ф. 65. – Оп. 1. – Д. 191. – Л. 199.

⁷ ГАСО. – Ф. 65. – Оп. 2. – Д. 284. – Л. 3.

⁸ Городовое положение 16 июня 1870 г. // Свод законов Российской империи. – Т. 2. – Ч. I. – СПб, 1897 г. – С. 159-181.

⁹ Обзор Смоленской губернии за 1894 г. – Смоленск, 1895. – С. 50.

¹⁰ Обзор Смоленской губернии за 1913 год. – Смоленск, типография губернского управления, 1914. – Ведомость VIII.

ПРОЦЕСС В. ЗАСУЛИЧ: ПОЗИЦИЯ А.Ф. КОНИ

До процесса Веры Засулич А.Ф. Кони был известен как государственный обвинитель в России, после вынесения приговора его непреклонная либеральная позиция прогремела на весь мир вместе с именем оправданной и её адвоката. Какова же действительная роль А.Ф. Кони в оправдании В.И. Засулич?

В. И. Смолярчук отмечал: “Выступление председателя нацеливало присяжных на те выводы, которые вытекали из речи защитника. Обращаясь к старшине присяжных заседателей, А. Ф. Кони сказал: “... пусть в приговоре вашем скажется тот „дух правды”, которым должны быть проникнуты все действия людей, исполняющих священные обязанности судьи”. С этим напутствием присяжные ушли на совещание... Но Кони в своем напутствии присяжным, по существу, подсказал оправдательный приговор, и в этом проявилась его боевая натура¹.

Влиятельнейший реакционный публицист М. Н. Катков в своей газете “Московские ведомости” тоже писал, хотя не одобрительно, а доносительно, что “г. Кони, подобрав присяжных, оправдал Засулич”, о чем Кони с сожалением указывал в своих воспоминаниях².

Накануне процесса В. Засулич в беседе с министром Паленом А.Ф. Кони с нравственных и правовых позиций отвергал возможность для председателя суда склонить весы правосудия в сторону обвинения или защиты. К совету председателя сменить представителя обвинения никто не прислушался, что тоже отрицательно отразилось на вынесении решения. Закончил разговор с министром юстиции Кони так:

“Ваше величество, суд постановляет приговоры, а не оказывает услуг”³. Резюмируя выступления обвинения и защиты, А.Ф.Кони ставит перед присяжными заседателями 2 вопроса: “ кем совершено деяние и что именно совершено. В том, что стреляла сама обвиняемая, нет никаких сомнений – ее задержали на месте преступления. Сущность показаний свидетелей и экспертов также ясна: нанесена рана..., рана тяжелая и почти в упор и грозившая опасностью жизни”⁴.

Анализируя выступление Александрова, Кони отмечает, подсудимая считала себя поднимающею вопрос о восстановлении чести Боголюбова и разъяснении действительного характера происшествия 13 июля, и не только перед судом России, но и перед лицом Европы. Пытаясь обличить действительно больные стороны общественной жизни, способом, который выбрала подсудимая, не являлось ли это резким нарушением правильного устройства жизни, или лекарством,

которое оставляет болезненные следы, так как определение в каждом данном случае вопроса, который должен быть таким образом поднят, ставится в зависимость от произвола, от развития, от разума или неразумия отдельного лица.

В конце Кони добавил, что “если вы признаете подсудимую виновною по первому или по всем трем вопросам, то вы можете признать ее заслуживающею снисхождения по обстоятельствам дела. Эти обстоятельства вы можете понимать в широком смысле. К ним относится все то, что обрисовывает перед вами личность виновного”⁵.

Подводя итоги сказанному, хотелось бы отметить, что на мой взгляд, А.Ф. Кони сделал все, что только необходимо, чтобы Засулич получила по заслугам за своё преступление, но не прибегая к прямому диктату и не поддерживая всесторонне сторону прокурора. Снисхождение, к которому призывал он присяжных заседателей, было ни чем иным, как проявление гуманности судебной системы, честной и еще только притирающейся к российской действительности.

Юрист до мозга костей, А.Ф. Кони никак не мог оправдывать Засулич, намеренно причинившую опасное для жизни ранение Трепову. То обстоятельство, что эти действия вызваны возмутительным произволом самого потерпевшего, служили, с точки зрения А.Ф. Кони, основанием к снисхождению, но не к оправданию.

Почему же присяжные ее оправдали? Да потому, что сработали факторы, о которых знал А.Ф. Кони и, наверное, К.П. Победоносцев. Это недовольство внешней и внутренней политикой царской администрации, к которой причислялся Трепов, и восхищение героическим поступком В. Засулич, и великолепное мастерство адвоката П.А. Александрова, выразившееся уже при формировании коллегии присяжных, а затем в судебном следствии при выборе свидетелей⁶, и самих прениях.

Примечания

¹ Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони. – М., 1981.

² Кони А.Ф. Воспоминания о деле В.Засулич // Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. 1966 г. – Т. 2. – С. 57.

³ Там же. – С. 68.

⁴ Резюме председателя А.Ф. Кони / Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. – М., 1956. – С. 117.

⁵ Там же.

⁶ Указ его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената С.-Петербургскому окружному суду от 29 декабря 1978 г. // Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. – М., 1956. – С. 137.

СТИПЕНДИИ КАЗАНСКОГО ДВОРЯНСТВА

Одним из направлений деятельности органов самоуправления Казанской губернии было содержание стипендиатов в высших и средних учебных заведениях. Среди них – Казанский императорский университет, Родионовский институт благородных девиц, Казанская Мариинская женская гимназия, Императорская Казанская Первая гимназия, Нижегородский кадетский корпус графа Аракчеева¹.

Стипендии учреждались с целью увековечения памяти дворян, находившихся на выборной службе в органах сословного самоуправления. Средства на учреждение данных стипендий выдавало Собрание губернии или уезда либо родственники дворянина. В учебных заведениях также выплачивались стипендии других именитых дворян. Причем капиталы на эти цели были пожертвованы их родственниками. А в 1851 г. была учреждена стипендия имени Казанского Дворянства, выделившего для этого 70750 рублей. Она выплачивалась в Нижегородском Кадетском корпусе графа Аракчеева.

Помимо уже названных стипендий, проводилась работа по сбору средств на учреждение новых. Среди них можно назвать стипендии имени казанского городского головы, председателя казанского окружного суда Сергея Викторовича Дьяченко², коллежского секретаря, члена дворянского собрания Константина Александровича Юшкова³.

Больше всего стипендиатов (более тридцати) приходилось на Родионовский институт благородных девиц. Это были стипендии имени Чемесовых⁴, А.Н. Родионовой, А.К. Тирха, П.Г. Осокина⁵, П.А. Демерта, Л.В. Осокиной⁶, а также две стипендии, учреждённые в ознаменование 300-летия Дома Романовых⁷. В Нижегородском кадетском корпусе графа Аракчеева выплачивалось тринадцать стипендий имени Казанского Дворянства, в Казанской Мариинской гимназии, основанной в 1859 г.⁸, – семь. Это были стипендии П.Г. Осокина, А.И. Ямщиковой⁹, А.А. Демидова¹⁰ и М.Ф. Ушаковой¹¹. В Казанской Первой гимназии, основанной в 1758 г.¹², было четыре стипендиата имени П.Г. Осокина, А.А. Демидова, П.П. Толстого¹³, П.А. Демерта¹⁴.

Из вышесказанного видно, что количество стипендий было ограничено, поэтому не все прошения желающих могли быть удовлетворены. Решение данного вопроса находилось в ведении Депутатского Собрания и Совета соответствующего учебного заведения¹⁵. Существовало несколько условий, необходимых для назначения стипендиатом. На рассмотрение поступали ходатайства детей потомственных и

личных дворян, отставных офицеров, чиновников, прослуживших в Казанской губернии не менее пяти лет.¹⁶ Но преимущественно пользовались дети “недостаточных потомственных дворян”. Об этом же говорится в “Правилах” и “Положениях” о стипендиях в соответствующих учебных заведениях — стипендиаты назначались из числа “беднейших, дворянского происхождения” учащихся¹⁷.

Вторым главным условием назначения стипендии были хорошее поведение и успехи в учебе. Так, в соответствии с “Правилами о приёме и содержании в Императорском Казанском университете студентов на счет процентов с капитала, пожертвованного покойною действительною тайною советницею Державиной”¹⁸, учащиеся, независимо от материального положения, должны были отличаться успехами в науках и поведении, поэтому приём их пансионерами осуществлялся после прохождения испытательного срока, по истечении которого инспектор студентов докладывал Попечителю об их благонадежности¹⁹. На учреждение стипендии Д.А. Державина пожертвовала капитал в размере 8571 рубля²⁰.

Таким образом, учреждение стипендий Казанского Дворянства стало формой увековечения памяти именитых дворян, а также оказания материальной поддержки детям из малообеспеченных дворянских семей.

Примечания

¹ НА РТ. — Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 863. — Л. 10. Сведения о благотворительных учреждениях, состоящих в ведении Казанского дворянского общества; о стипендиях в учебных заведениях; о кассе взаимопомощи; правилах выдачи пособий на воспитание сыновей чинов, 2 марта 1911 — 1 нояб. 1913 гг.

² Казанский вечер. — 1907. — № 133 — С. 4.

³ См.: Журналы чрезвычайного казанского губернского собрания дворянства 1–3 июня 1905, 16–10 февр. и 19 марта 1906 г. Казань, 1906. — 84 с.

⁴ Чемесов Василий Иванович — в 1797–1803 — казанский губернский предводитель дворянства. Чемесов Николай Иванович — в 1848 — 1851 — казанский губернский предводитель дворянства // Казанское дворянство, 1785–1917: генеалогический словарь. — Казань, 2001. С. 598.

⁵ Осокин Петр Гаврилович — в 1853–1858, 1860 — лаишевский уездный предводитель дворянства, 1862–1870 — казанский губернский предводитель // Казанское дворянство... — С. 416.

⁶ Осокина Людмила Владимировна — жена П.Г. Осокина // Казанское дворянство... — С. 416.

⁷ 1 стипендия была предназначена для детей потомственных дворян и выплачивалась из кассы самопомощи, другая – для детей личных дворян и формировалась из сумм частной дворянской повинности // Постановления очередного Казанского губернского дворянского собрания 1914 г. – Казань, 1915. – С. 22.

⁸ Смирнов П.И. Исторический очерк Казанской Мариинской женской гимназии за 25 лет её существования (1859 - 1884). – Казань, 1884. – 241 с.

⁹ Ямщикова Александра Ивановна – сестра статского советника Семена Ивановича Граве // Правила о стипендиях при Мариинской женской гимназии. – Казань, 1904. – С. 27.

¹⁰ Демидов Александр Александрович – в 1862–1874 – спасский уездный предводитель дворянства // Казанское дворянство...– С. 185–186; Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирьянов. – Казань: Институт Тат. Энциклопедии АН РТ, 2005. – С. 255.

¹¹ Ушакова Мария Федоровна – урождённая Голубева, жена Ушакова Сергея Федоровича, губернского секретаря, в 1868–1880 – гражданского и ядринского уездного предводителя дворянства, гражданского и ядринского мирового посредника // Казанское дворянство...– С. 572.

¹² Третья в России, первая в Казани: к 250-летию со дня основания Казанской первой гимназии. – Казань, 2008. – С. 11.

¹³ Толстой Петр Павлович – в 1862 – 1886 – лаишевский уездный предводитель дворянства // Казанское дворянство...– С. 555.

¹⁴ Данные стипендии были учреждены в 1884, 1885, 1886 и 1895 гг. соответственно // Положения о стипендиях, имеющих при Императорской Казанской Первой гимназии. – Казань, 1906. – С. 8, 9, 14, 23.

¹⁵ В некоторых случаях вопрос о назначении стипендиата решали родственники дворянина, чьим именем названа стипендия, или собрания уезда, пожертвовавшего средства на ее учреждение.

¹⁶ Казанские губернские ведомости. – 1904. – № 43. – С. 1.

¹⁷ Правила о стипендиях... – С. 26.

¹⁸ Державина Дарья Алексеевна – урожденная Дьякова (1767–1842), с января 1795 г. вторая жена Г.Р. Державина.

¹⁹ Правила о приёме и содержании в императорском Казанском университете студентов на счёт процентов с капитала, пожертвованного покойною действительною тайною советницею Державиной // У милосердия древние корни (благотворительность и милосердие в Казани XVIII – нач. XX вв.). – Казань, 2002. С. 19–20.

²⁰ Отношение Министерства народного просвещения Попечителю Казанского учебного округа о пожертвовании действительной тайной советницей Д.А. Державиной 8571 руб. на содержание студентов из бедных дворян в Казанском государственном университете, 23 янв. 1843 г. // Там же. С. 18–19.

МЕЩАНСКАЯ ДРАМА: СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЩАНСКОМ СОСЛОВИИ

“Мещанская драма” как жанр драматического произведения, характерна для XVIII века. По определению русского критика: “трагедия есть плачевное зрелище, где действуют лица монархов, а где нет царей, то именуют мещанской трагедией”. (“Рассуждение о театре”, “Зритель” 1792 г.)¹ Следовательно, появление мещанской драмы свидетельствовало о демократизации театра и выдвижения на первый план новой эстетики среднего класса, его героев и его мира чувств². Во 2 пол. XIX в. мещанская драма уходит со сцены как жанр, но в силу усиления урбанизационных процессов в России и вместе с ними ростом мещанского сословия, “мещанская драма”, мещанский мир становятся объектами реалистической литературы, получая художественное осмысление в произведениях Н.Г. Помяловского, М. Горького и А.П. Чехова. Первым бытописателем мещанской семьи стал Помяловский с его повестью “Мещанское счастье” (1861 г.). Само определение “Мещанское счастье” в дальнейшем стало нарицательным, семантически обозначающим мир обывательских ценностей. Большинство своих повестей и рассказов А.П. Чехов посвящает изображению “фуфлярной жизни” людей, которые примирились со своим мещанством, пошлостью и привыкли жить в постоянном страхе перед многообразием жизни.

Особенности пьесы М. Горького “Мещане” в том, что в ней нет драматического действия, нет второстепенных лиц. Взят кусок жизни такой, какова она есть, с ее медленным движением и потапыванием на одном месте, когда люди успевают состариться, наплодить детей, умереть, а “действий”, как будто, никаких не совершить. А когда увидишь, как конец не похож на начало, — почувствуешь, что за этим видимым отсутствием действия кроются могучие силы. Эта художественная историчность жизни, впервые введенная в русскую драму А. П. Чеховым, доведена до полного развития в “Мещанках” 1901 г.

Таким образом, мещанский семейный быт выведен в русской реалистической литературе в первую очередь не с точки зрения его внеоценочного повседневного протекания, а как антитеза движению и изменениям. Но в социальной структуре дореволюционной России мещанство было вторым по численности после крестьянского сословия. Следовательно, нам видится необходимым деидеологизировать эту тему и проанализировать, насколько в действительности статич-

ной была повседневная жизнь мещанской семьи и можно ли говорить о т.н. “мещанских драмах” в повседневном быте.

Регламентация сферы внутрисемейных взаимоотношений в конце XIX – нач. XX в. в России со стороны церкви и государства была незначительной. СЗРИ определял главенство мужчины: “Жена обязана повиноваться мужу, как главе семейства, пребывать к нему в любви и почтении, и послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома”³.

В литературе неоднократно отмечалась патриархальность внутрисемейных отношений. “Приглядываясь к семейным нравам, можно видеть родственную любовь, согласие, повиновение родителям, уважение к старшим и властям”⁴. Повиновение и покорность по отношению к старшим, являлись необходимым условием при совместном проживании в мещанской семье.

Мужчины часто прибегали к насилию, об этом свидетельствуют источники содержащиеся в ГАСО. “С первых дней нашего совместного жительства муж мой стал со мной почти ежедневно ссориться и весьма грубо обращаться нанося мне при этом весьма часто побои... он прямо таки заявил мне, что он во что бы то ни стало убьет меня”⁵. Огромное влияние на характер семейных отношений оказывала религия⁶. Однако, в реальной жизни этические стороны христианства приобретали более примитивные и грубые формы. Преобладали неравноправие и покорность жен, детей и безграничная власть мужа и отца⁷. Такой порядок мог приводить к протесту в самых грубых формах. Например, И.С. Конохов писал: “В 30 число июля 1872 г. мещанина О. Пушкарева жена убила его, но не до смерти, но он в 4-й день 2 августа помер”⁸.

Интересы мужчин в семье, как правило, ставились выше женских. Это имело под собой реальное основание, т.к. муж был главным кормильцем. Однако, встречаются крайние формы мужской тирании: “муж мой не давал мне лично заняться честным трудом... а всевозможными насилиями и побоями заставлял меня идти на гнусное дело с разными туземцами, что бы доставать ему на пропитание и пьянство, которому он подвержен как алкоголик...”⁹

Зависимому положению женщины во многом также способствовало признание церковного брака единственной формой брака. Нарушение супружеской верности влекло тюремное заключение. Жена могла получить паспорт только с разрешения мужа¹⁰. В источниках чаще всего встречаются дела, где мещанские жены просят развода и получения отдельного вида на жительство в связи с уходом мужа из семьи, его пьянством и распутным образом жизни, а также из-за применения насилия. Постепенно формирование городского образа жизни

ни, распространение образования, более либеральные законы способствовали улучшению правового и фактического положения женщин и детей в семье. Однако гуманизация внутрисемейных отношений в русском провинциальном городе в семьях мещан делала скромные успехи.

Мещанство — это безмолвствующее большинство, т.к. они больше исследованы в художественной литературе, нежели в истории, то мы попытались решить, насколько отражение мещанского мира или “мещанской драмы” в литературе соответствовало реальной жизни в мещанских семьях. Сущность “мещанской драмы” в том, что основная масса мещанского сословия нуждалась в деньгах, отсюда большинство всех проблем, размолвок, ссор и мужской деспотии. К нач. XX в. “постепенно менялись традиционные связи между обществом, семьей и личностью. Росли конфликты в семьях между поколениями. Молодые люди стали активнее сопротивляться вступлению в брак по решению родителей, униженному положению жены в доме мужа, традиционной организации быта, замкнутому образу жизни в семье”¹¹. Все эти аспекты достаточно полно отражены в известных нам источниках и художественной литературе.

Примечания

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.

² Данилов С.С. Очерки по истории русского драматического театра. М.; Л., 1948; История западноевропейского театра. — Т. 2. — М., 1957.

³ СЗРИ. — СПб., 1899. — Т. X. — Ст. 107.

⁴ Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие западной Сибири II пол. XIX — нач. XX в. — С. 127.

⁵ ГАСО. — Ф. 3. — Оп. 183. — Д. 4. — Л. 47–51.

⁶ Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (IX–XIX вв.). — СПб., 1999.

⁷ Араловец Н.А. Городская семья в России. — С. 96.

⁸ Гончаров. Указ. соч. — С. 127.

⁹ ГАСО. Ф. 3. — Оп. 183. — Д. 4. — Л. 105–108.

¹⁰ Гончаров Ю.М. Семейное право Российской империи XIX — начала XX вв. // Вестник Барнаульского юридического института МВД РФ. — Барнаул, 2003. — С. 3–13.

¹¹ Там же. — С. 136.

ВОПРОСЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В I И II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

В первых двух созывах Государственной думы большинство депутатов выступали за всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. Поэтому с неизбежностью встал вопрос о его расширении. Император сам дал надежды законодателям на демократизацию выборов. В своем знаменитом манифесте от 17 октября 1905 года Николай II говорил, что собирается предоставить дальнейшее развитие начала общего избирательного права “вновь установленному законодательному порядку”¹. Требование демократизации избирательного права содержалось и в 84 % крестьянских наказов депутатам Госдумы. Безусловный интерес из них представляет один наказ составленный женщинами-крестьянками из трех деревень Тверской губернии, требующий распространения “четырёхчленной” формулы избирательного права и на женщин².

Впервые вопрос о демократизации избирательного права встал при обсуждении ответного адреса на тронную речь императора. Большинство в Комиссии 33-х, разрабатывавшей адрес, ограничились словами всеобщее избирательное право³. Однако уже при обсуждении в Комиссии выдвинулось ее меньшинство, стоявшее за полное раскрытие формулы избирательного права⁴. При обсуждении адреса в пленарном заседании Думы, многие депутаты также высказались за полную формулу. Особое негодование такая формулировка вызвала у одного из лидеров Трудовой группы С. В. Аникина, заявившего, что “всегда и везде говорилось “всеобщее избирательное право, прямое и равное, с тайной подачей голосов без различия пола, веры и национальности”. Этот лозунг объединил тысячи русских людей; во имя этого лозунга тысячи умирали на улицах и баррикадах; во имя этого лозунга десятки тысяч людей сидят в тюрьмах”⁵. Но мнение Аникина не было мнением всей Трудовой группы. Другой лидер трудовиков А. Ф. Аладьин напротив поддержал компромиссную формулу всеобщего избирательного права, ради скорейшего достижения “четырёхчленной” формулы⁶.

Набоков в ответ на критику заявил, что если расшифровать эту формулу, то адрес может не получить единодушной поддержки Думы⁷. И это не было лишено оснований. При этом члены Государственной думы говорили о введении всеобщего избирательного права не только на выборах в Государственную думу, но и на выборах в органы местного самоуправления⁸. Депутат Родичев в частности назвал земские

учреждения разлагающимися, из-за того, что они основаны на словесном начале⁹, а не всеобщем избирательном праве.

По словам Д. В. Аронова разработка избирательного закона началась либеральной общественностью еще с весны 1904 года Союзом освобождения и земско-городскими съездами и продолжалась весь 1905 год при активном участии С. А. Муромцева. Все законопроекты кадетов были лишь более детальным развитием этих избирательных законов. Во фракции “Народной свободы” I Государственной думы со второй половины мая работали специальные комиссии по разработке избирательного законопроекта по выборам в Государственную думу¹⁰ и по выборам в органы местного самоуправления¹¹. Однако впервые такие законопроекты были внесены кадетами лишь во II Государственную думу 17 апреля 1907 года. То есть в один день с принятием закона об отмене военно-полевых судов. Это были Положение о выборах в Государственную думу и законопроект о выборах уездных земских гласных. Ни один из них не был рассмотрен вторым созывом Государственной думы. Согласно законопроектам активным и пассивным избирательным правом наделялись все российские граждане обоего пола с 21 года. Однако избирательного права лишались кроме недееспособных и заключенных губернаторы, вице-губернаторы, военнослужащие и градоначальники, а также полицейские в Царстве Польском. На выборах в уездные земские собрания кадетские депутаты предлагали лишить избирательного права также служащих прокуратуры и членов присутствий по земским и городским делам.

Выборы предусматривалось сделать всеобщими равными, прямыми и тайными и проводить по мажоритарной системе. Для заведывания выборами образовывались избирательные комиссии, выбираемые демократическим путем.

Достаточно утопичным можно назвать то, что для выдвижения своей кандидатуры в Государственную думу необходимо было представить подписи всего 20 избирателей. При этом выдвижение осуществлялось лишь за 14 дней до выборов. Недоработкой было и то, что свою кандидатуру можно было выдвигать сразу в нескольких округах. В случае же победы более чем в одном округе одного и того же кандидата, он признавался избранным от того округа, который выбирал сам. В остальных проводились перевыборы.

Избирательные участки должны были открываться в 8.00, а закрываться при земских выборах в 20.00, при выборах в Государственную думу в 21.00. Предусматривался определенный общественный контроль за честностью выборов. Пустая урна опечатывалась избирательной комиссией в присутствии первых избирателей, пришедших голосовать. Голосование проводилось при помощи записок с именем предпочитаемого избирателем кандидата. Записка вкладывалась в конверт

с печатью избирательной комиссии, который получал каждый избиратель.

При выборах в Госдуму подсчет голосов проводился участковой комиссией¹². При выборах гласных участковая комиссия должна была направлять ящик с записками в окружную комиссию, которая публично проводила подсчет лишь на следующий день¹³. Для избрания было нужно набрать больше половины всех голосов. Если же никто не набирал данное количество голосов, во втором туре было достаточно относительного большинства.

Важность демократизации избирательной системы для депутатов видна и в обсуждении проекта реформирования местного суда. Докладчик думской комиссии по судебной реформе кадет И.В. Гессен говорил, что органы местного самоуправления “должны лишь тогда избирать судей, когда будут сами реформированы на демократических началах”¹⁴.

Таким образом, несмотря на то, что Дума была избрана по цензовому избирательному закону, большинство ее депутатов требовало демократизации избирательного права. Однако практических результатов в этом направлении ей достичь не удалось. Заслугой первых двух Дум в борьбе за демократизацию избирательного закона, является то, что они впервые поставили этот вопрос гласно и открыто. При этом это было не пустая критика. В Государственную думу были внесены конкретные предложения по демократизации избирательной системы. Принятие этих законов сделало бы Россию одной из самых демократических стран в мире. Однако этого не могло допустить Царское правительство, так как итогом такого закона стал бы революционный состав Госдумы.

Примечания

¹ 17 октября 1905. Манифест об усовершенствовании государственного порядка. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/oct1905.htm>.

² Шанин Т. Революция как момент истины / Т. Шанин. – М., 1997. – С. 220.

³ Государственная дума. Первый созыв. Полный стенографический отчет заседаний. – СПб., 1906. – С. 74.

⁴ Там же. – С. 139, 142.

⁵ Там же. – С. 142.

⁶ Там же. – С. 149.

⁷ Там же. – С. 139.

⁸ Там же. – С. 76.

⁹ Там же. – С. 79.

¹⁰ Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе: дис. д-ра ист. наук. — М., 2005. — С. 388-390.

¹¹ Далина О. А. Проблемы городского самоуправления в деятельности правительства и Государственной думы в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2004. — С. 57-58.

¹² Положение о выборах в Государственную думу // Законотворчество думских фракций. 1906-1917. — М., 2006. — С. 514.

¹³ О выборах уездных земских гласных // Законотворчество думских фракций. 1906-1917. — М., 2006 — С. 502.

¹⁴ Государственная дума. Второй созыв: Стенографические отчеты. — Ч. 2. — СПб., 1907. — С. 1339.

Е.Ф. Синельникова

Самарский государственный университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ САМАРЫ (1916–1922 гг.)

Самарскую губернию по праву можно назвать одним из самых интереснейших в археологическом отношении районов нашей страны. Но в Самаре, как и в любой другой провинции, развитие археологии идет в русле краеведческой проблематики. Для обозначения подобного рода изысканий представляется вполне уместным употребление термина “археологическое краеведение”, предложенного А.Д.Пряхиным¹. При этом подразумевается, что исследовательский поиск в области археологии ведут краеведы.

Археологическое краеведение становится одним из направлений деятельности общественно-научных организаций в провинциальных городах центральных губерний России уже со второй половины XIX в.

Самара в этом отношении отставала. Это было связано с тем, что Самара всегда была городом торговцев, коммерческим центром и, в отличие от соседних регионов, здесь не существовало университета, в силу чего прослойка местной интеллигенции формировалась замедленными темпами. В Самаре только в 1916 г. было создано Самарское археологическое общество (САО), которое положило начало археологическому краеведению в Самаре². В него входили местные краеведы-любители — А.Г. Елшин, К.П. Головкин, В.Э. Бернер, Ф.Т. Яковлев, П.А. Преображенский, С.А. Хованский и др.

Реализации грандиозных планов археологических исследований САО помешало сначала противодействие власти, не пожелавшего создания подобного рода организации, затем трудности военного времени, а потом революционные события. И все же членам САО удавалось проводить археологические изыскания в “поле”, пусть и в незначительном объеме.

Ими было обследовано языческое капище при разъезде Иванщеновка, совершены раскопки могильника у станции Тимашево. Членами САО были произведены одни из первых археологических работ на Барбашинной поляне, было начато составление археологической карты губернии, усиленно собирались и систематизировались сведения об археологических памятниках на территории Самарского края. Коллекция городского музея значительно пополнилась предметами из раскопок.

Конечно, члены САО не были профессиональными археологами, и их полевым работам был присущ дилетантизм, но деятельность Общества заложила традицию проведения археологических исследований края силами общественно-научной организацией, располагавшейся в Самаре.

Археологическое краеведение получило новый импульс к развитию благодаря образованию Университета 10 августа 1918 г.³ В Самару приезжает значительная группа столичных ученых, среди которых были А.С. Башкиров – практик-археолог, выпускник Московского университета, В.В. Гольмстен – ученица В.А. Городцова, окончившая Московский археологический институт.

Созданное 2 ноября 1919 г. Самарское общество археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете (СОАИЭ), соединив в своем составе местных краеведов, членов САО, и приезжих специалистов, продолжило начатую археолого-краеведческую работу⁴.

1919-1922 гг. – первый этап деятельности СОАИЭ, которое просуществовало вплоть до 1929г. Это время складывания коллектива исследователей, подготовки оснований и базы для археологических работ, безграничного альтруизма, разработки перспективных планов, знакомства с предыдущими археологическими изысканиями в крае и первоначальный сбор материалов. Это время развития Самарского государственного университета. Уже с 1921г. начался “отлив научных сил из Самары”, который закончился закрытием Университета летом 1923г., что привело к изменению работы Общества в целом, и существенно изменило характер и объем археологических работ СОАИЭ. 9 мая 1922г. СОАИЭ принимает задачу изучения природы края и представляет к своему первоначальному названию: “и Естествознания”⁵.

Членами СОАИЭ было проведено археологическое обследование дюн на реке Самарка, также они раскопали два кургана в районе пос. Зубчаниновка и с. Борское Бузулукского уезда, исследовали памятники на Барбашинной поляне. Разведовательными экспедициями обследована значительная часть течения р. Самары, выявлено 96 курганных могильников, 4 стоянки и 8 местонахождений культурных слоев на дюнах.

У истоков археологических исследований в Самарском крае стояли краеведы-любители, что, безусловно, отражалось на качестве проводимых ими работ, но с созданием СОАИЭ к работе приступают профессиональные археологи, однако вместе с ними работают все те же краеведы, ранее составлявшие костяк САО – это время явилось переходным периодом. Конечно, можно утверждать, что в Самаре, как и во всех российских провинциях, целенаправленные археологические исследования начались благодаря четко сформулированной государственной политике, т.к. осенью 1920 г. началась работа над составлением Всероссийского плана археологического обследования⁶. Однако археологическое краеведение в Самаре к моменту начала осуществления исследований согласно Всероссийскому плану (первая экспедиция по плану была проведена летом 1922 г.) прошло несколько этапов в своем развитии и уже сформировались все условия для перехода самарской археологии на качественно новый этап развития.

Примечания

¹ См.: Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 - середина 1930-х годов). – Воронеж, 1986. – С. 37-43; Пряхин А.Д. Археология ... Наследие. – Воронеж, 1988. – С. 146-147.

² ЦГАСО. – Ф. 429. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 7.

³ Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. – Самара, 2007. – С. 17.

⁴ ЦГАСО. – Ф.Р. 558. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 1.

⁵ Там же. – Д. 63. – Л. 13.

⁶ Пряхин А.А. История Советской археологии (1917 – середина 1930-х годов). – С. 77.

РЕФОРМЫ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1936 гг.)

Традиционное отношение к браку постепенно начало меняться между Первой и Второй мировыми войнами под воздействием политических социальных изменений, которые принес Октябрь 1917 г. Одной из главных задач советской власти было освобождение женщины и предоставление ей полного равенства, в том числе в семье. 1917 г. явился переломным в жизни России, как в плане установления нового общественного строя, так и нового российского законодательства. Отделение церкви, считавшей семью сферой своего действия, от государства повлекло за собой коренную ломку брачно-семейного права, в частности, условий и порядка заключения брака. Один из первых декретов советской власти о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния 1917 г. был направлен на борьбу с нормами церковного права. Дальнейшие законодательные установления советского государства — Кодексы 1918 г. и 1926 г. — продолжили политику борьбы со старыми нормами, которые стали отвергаться как несоответствующие требованиям пролетарского государства.

Исследованием настоящей проблемы занимались многие историки, такие как А.М. Нечаева, М.В. Антокольская, Г. Вайнштейн, Л.Н. Денисова и другие. Цель нашей работы заключается в рассмотрении и анализе новых идей и принципов, выраженных в Кодексах 1918 г. и 1926 г. Источниками, на основе которых была написана данная работа, послужили СУ РСФСР, Кодекс законов “об актах гражданского состояния брачном семейном и опекуном праве” и иные нормативно-правовые акты того времени.

18 декабря 1917 г. вышел декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. Нормами декрета о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния многие нормы церковного права, регулирующие брачно-семейные отношения, отменялись. Отмена церковного порядка заключения и расторжения брака давали простор для разрешения семейно-правовых конфликтов в соответствии с провозглашенными принципами, один из которых заключался в полном равноправии мужчины и женщины. Брачный союз теперь рассматривался не как освященный церковью союз, а как свободный союз между женщиной и женщиной, заключенный с целью ведения совместной жизни. Определяющим становилась свободная воля лиц, вступающих в брак, что определяло и се-

мейные правоотношения в целом. Упростились условия вступления в брак. При достижении женщиной 16-летнего возраста и 18-летнего мужчиной и при их взаимном согласии брак мог быть зарегистрирован. Препятствием его заключения являлись только близкие родственные связи жениха и невесты, наличие нерасторгнутого брака, душевные заболевания. Равенство супругов в браке подтверждалось положением о выборе общей фамилии после его заключения. Признание за женщиной права выбора фамилии при вступлении в брак означало констатацию разрыва со старой традицией главенствующего положения мужа в семье.

19 декабря 1917 г. был принят второй значительный акт — декрет “О расторжении брака”. Он предоставил супругам свободу в решении вопроса о разводе, отменив все ранее существовавшие основания.

16 сентября 1918 г. принят первый отдельный семейно-правовой акт — Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Он состоял из четырех разделов и семнадцати глав. Его принятие было обусловлено строительством нового социалистического общества.

Введенные правовые нормы во многом объяснялись временем и были вынужденными. В послереволюционной России огромное число детей остались без родителей, и государство было не в состоянии взять на себя заботу по их содержанию, потому всеми способами стремилось обеспечить выполнение этих обязанностей родителями или даже посторонними людьми, кому не удалось доказать непричастность к рождению данного ребенка.

В 1923 г. начинается разработка нового кодекса. Первоначальный проект принят не был, и в 1925 г. его вынесли на всенародное обсуждение. Наибольшие споры велись вокруг придания юридической силы фактическим бракам и о супружеском имуществе. В 1926 г. Кодекс законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО) был принят. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. явился следующим этапом реформирования советского права. В основу Кодекса легло определение понятия брака в качестве наличия таких фактических отношений между мужчиной и женщиной, как совместное сожительство, ведение при этом сожительстве общего хозяйства, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей (ст. 12 КЗоБСО)

Важным изменением, внесенным в семейное законодательство, на наш взгляд, стала замена режима “раздельности” супружеского имущества режимом “общности”. Это было крайне важно для женщин, особенно для тех, кто не работал вне дома, не имел самостоятельного источника дохода и права на имущество семьи. Поскольку это имущество приобреталось на доходы мужа, оно считалось только его собственностью. Многие женщины после развода оставались ни с чем.

Таким образом, начавшаяся в 1917-1918 гг. ломка семейных отношений, освященных церковью, получила свое логическое завершение Кодексом 1926 г., устанавливающим, в том числе условия и порядок заключения брака, которые, по сравнению с законодательством Российской империи, претерпели коренные изменения.

Примечания

1. СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.
2. СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
3. Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. — М.: РОССПЭН, 2007. — 480 с.

П.А. Мистрюгов

Самарский государственный университет

МОТИВАЦИЯ СОЗДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917-1918 гг.)

Выявление социопсихологических принципов организации общественного и государственного порядка — социальных предопределённостей поведения общественных групп и сознательных действий власти в конкретно-исторических событиях поможет понять характер советской государственности, истоки и причины разразившегося общественного конфликта. К осени 1917 г. общественные искания и ожидания резко возросли. Сознание видело то, что хотело видеть — рабочие, мечтавшие о мире, поддержали большевиков, поверив в “чары социализма” — в обещания прекратить войну, дать хлеб¹. Позже, весной 1918 г., рабочие, удивляясь, отмечали свою одурманенность большевиками, при этом продолжали разделять идеалы социализма, но отодвигать их воплощение в будущее². Противопоставление власти шло также и по нравственным и религиозным максимумам. Следует отметить важную познавательную черту в восприятии рабочего класса. Отношение к людям, стоявшим у власти, постоянно определялось, прежде всего, качествами веры: “Нами правят бесконтрольно люди, которым мы давно не верим, (*и только после*) которых мы не выбирали, которые над нами издеваются, которые не знают закона, права, чести...”³. Вера являлась основой признания власти. В общественном сознании следует выделить объективный уровень — историческое состояние сознательности общества и субъективный — попытки использовать его возбужденные точки для реализации своих целей. В этом

отношении В.И. Ленин, вырабатывая политическую стратегию, умело оценил социально-психологическое состояние сознания общества и впоследствии отмечал, что “в России в сентябре-ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя...”⁴. Кратко характеризуя методы воздействия на общественное сознание, можно назвать следующие приёмы: формирование официальной версии событий, например, идея власти рабочих, которую отстаивают путем насилия эксплуататоров. Это сдиссонировало с опытом части рабочего класса, но формировало коллективные представления общества в целом; использование массовых подъёмов настроений путем выведения из всей совокупности условий лозунгов и символов⁵, за которыми стояла массовая психология; открытая пропаганда идей насилия – формирование образа врага⁶; психологическая атака на общество⁷ и др.

Основываясь на анализе воспоминаний и автобиографий красногвардейцев, рядовых работников ЧК-ГПУ, можно выделить общие черты их поведения. Это в первую очередь склонность к насилию, которым даже бахвалились. Так, сотрудник губчека И.Я. Опольский, участвовавший в обороне Самары от белочехов отмечал: “врасплох захваченный казак притворился спящим и затем пьяным. В таком “непротрезвленном” состоянии ему пришлось лишиться головы”⁸. Участники красногвардейских отрядов оказались в плену идеологии. Их миропонимание оказалось под идеологическим влиянием разных партий – эсеров-боевиков, большевиков. Это служило ориентиром в поведении, часто меняло их приверженность партиям. Подобное “подпадание” под влияние пропагандируемых идей происходило на митингах, собраниях, в кружках, курсах политграмоты и других общественных объединениях. В жестоком противостоянии различным общественно-политическим силам ВЧК стала вырабатывать собственные идейные принципы организации, во многом и обусловившие эффективность работы. Так, член коллегии ВЧК И.Н. Полукарпов, выступая на I конференции ВЧК в июне 1918 г., заявил: “буржуазия употребляет все силы для того, чтобы дискредитировать наши органы... нам нужны силы самых стойких неуступчивых товарищей”⁹. Нестабильное положение советских властных органов приводило к необходимости установления наблюдения ВЧК за поведением руководящих лиц.

Окружающая социальная и политическая реальность в их представлениях была представлена довольно односложно: либо “наши”, либо “классовые враги”. Однако, объясняя своё участие в событиях, упоминаются и личные мотивы. Так, О.И. Иордан – бывшая рабочая, участница латышского отряда в обороне Самары от чехов воспомина-

ла: “в активную общественную работу включились не сразу, и понятно, две девчонки, в большом городе, без родных, без друзей, тяжёлая работа на кусок хлеба...”¹⁰. В воспоминаниях отразилось также и примитивное понимание происходивших событий. Например, обывателями так характеризовалась ситуация в стране после революции: “...царя столкнули, теперь кто же править будет? Выберут кого-нибудь, ведь во Франции царя нет, а живут, да ещё лучше нашего. Ведь от царя война и беда. Теперь надо полагать войны не будет, коль царя столкнули”¹¹; “но кроме войны в нашей местности случилось что-то ужасное: у нас, говорит, здесь появился антихрист, нечистая сила...-какой-то Чапаев...”¹². Авторы воспоминаний неоднократно отмечали, что “контрреволюционное” поведение окружающих было обусловлено якобы воздействием “контрреволюционных элементов”. Г.Т. Кузьмичёв — участник боёв красной гвардии на фронте против Дутова при поступлении в госпиталь: “очевидно, под влиянием агитации саботирующих врачей и “сестер милосердия... раненые устроили собрание, на котором решали допускать нас или нет”¹³. На наш взгляд, элементы революционной символики и лексики выступали фактором признания “революционности”, лояльности к власти или противостояния ей, обозначение своей позиции через символическое выражение, которое подчас принимало решающее значение в вопросе жизни или смерти. Реализация декрета о суде вызвала неоднозначную реакцию в среде юристов, с одной стороны саботаж, с другой, участие в работе советских органов¹⁴. Мотивируя отказ признавать новый декрет о суде, судебные работники говорили: “только учредительному собранию принадлежит власть определять органы власти...”¹⁵. Организация советского суда вызывала неприятие из-за разрушения защиты в виде присяжных и судейских традиций, неприкосновенности личности, возможностью безнаказанного разбоя “...на людной площади большого города...”¹⁶. Но были и такие, которые сразу же соглашались. Так, двое служащих пошли на работу “...в большевистский комиссариат и получили, как сообщают, повышение”¹⁷.

Историческое сознание переломного периода проявило сложный характер. Насильственность и непримиримость советской власти были обусловлены функционированием в распадавшемся обществе нескольких культурных кодов: крестьянского, мещанского, рабочего, воспроизводящих свои архаичные ценности и идеалы, облеченные в революционную фразеологию. Но приход к власти одной из радикальных сил, использовавшей историческое сознание в своих целях, углубило раскол. Организация чрезвычайных судебных структур стало закономерным процессом в социальном, правовом, идейно-политическом развитии советского общества, найдя реализаторов не только в рабоче-крестьянской среде, но и в мещанской, а также мелкочиновнической среде.

Примечания

¹ Материалы I заседания Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. 13 марта. Протокольная запись // Рабочее оппозиционное движение... — С. 39-45; Протоколы Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов 13 и 15 марта 1918 г. 2-е заседание // Рабочее оппозиционное движение... — С. 68; Материалы II заседания Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. 15 марта. Протокольная запись // Рабочее оппозиционное движение... — С. 57.

² Рабочие Петрограда не выступали против самих идей социализма, но считали, что для их принятия нужно подготовиться. Действия большевиков же рассматривали как “позорящие” идеи демократизма и социализма, “извращающие” имя российского пролетариата. Информация газеты “Новый луч” о заседании 11 апреля Комиссии по профессиональному движению Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда // Рабочее оппозиционное движение... — С. 135. Информационный бюллетень “Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда. № 3-4. 16 апреля 1918 г.” // Рабочее оппозиционное движение... — С.139 и т.д.

³ “Наказ делегации к Московским рабочим”. Листовка Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. Не ранее 30 апреля // С. 211.

⁴ Кабытова Н.Н. Становление местных органов советской власти в 1918-1920 гг. // Вестник Самарского государственного университета. — Самара, 2007. — № 5/3. — С.203.

⁵ Ленин В.И. К лозунгам // Полн. собр. соч. В.И. Ленина. — Т. 34. — М., 1969. — С. 10-17.

⁶ Вступительное слово члена Коллегии ВЧК Г.Д. Закса при открытии 1-й конференции ЧК. 11 июня 1918 г. // Архив ВЧК: Сборник документов / Ответств. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров; Сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. — М., 2007. — С. 83.

⁷ Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. — М., 1997; Варламенков В.Н. Власть, общество, образование: особенности ментального исторического дискурса в 20-х гг. XX века // Вестник Самарского государственного университета. — Самара, 2007. — № 5/1 (55). — С. 70-72.

⁸ СОГАСПИ. — Ф. 651 — Оп. 5 — Д. 86. — Л. 12.

⁹ Доклад члена коллегии ВЧК И.Н. Полукарпова по отчету о деятельности Комиссии со дня ее образования. 11 июня // Архив ВЧК: Сборник документов... — С. 86.

¹⁰ СОГАСПИ. — Ф. 651. — Оп. 5. — Д. 98. — Л. 1.

¹¹ СОГАСПИ. — Ф. 651. — Оп. 5. — Д. 42. — Л. 3.

¹² СОГАСПИ. – Ф. 651. – Оп. 5. – Д. 103. – Л. 32.

¹³ СОГАСПИ. – Ф. 651. – Оп. 5 – Д. 86 – Л. 16.

¹⁴ Чрезвычайное собрание деятелей судебных учреждений постановило не признавать власти Советов и не подчиняться декрету об упразднении судебных установлений.

¹⁵ Новости дня. – 4 января 1918. – № 1.

¹⁶ Новости дня. – 9 января 1918. – № 3.

¹⁷ Новости дня. – 9 января 1918. – № 4.

К.В. Бергела

Московский государственный университет

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ В СССР В 1920-е гг.

Уже современники-исследователи алкоголизма отмечали, что “методологически здесь [в установлении потребления алкогольных напитков] имеются столь большие трудности, что порою даже те, кто в течение долгих лет тщательно изучали эту проблему, позволяют себе в конце концов заявлять, что если поговорка о том, что “статистика лжёт” верна, то особенно это может быть применено к области статистики потребления алкогольных напитков”¹.

Согласно статистике Общества борьбы с алкоголизмом (ОБСА) Э.И. Дейчману, выкурка и потребление водки в пересчете на 40° составляли: в 1923/24 г. 44 млн. л. выкурки и 9,76 млн. л. потребления, в 1924/25 г. соответственно 95 и 51 млн. л., в 1925/26 г. 390 и 230 млн. л., в 1926/27 г. 470 и 400 млн. л., в 1927/28 г. 549 и 510 млн. л. Дейчман пользовался официальными данными “Статистического ежегодника НКФ” за 1927 г. Один из сборников ЦСУ дает цифру производства хлебного вина в 1926/27 393 681 тыс. л., что заметно отличается от цифры Дейчмана в сторону занижения. То есть гигантский скачок производства и связанного с ним потребления водки произошел в 1925/26 гг., когда в продажу поступила “рыковка”; за 5 лет производство и потребление водки увеличилось более чем в 10 раз².

Несмотря на запланированное Госпланом сокращение производства водки и невзирая на шедшую кампанию против спиртного, Центроспирт, ВСНХ и НКФ входили в руководящие органы с цифрами производства, предусматривавшими непрерывное нарастание потребления алкоголя. Работниками Центроспирта рост потребления алкоголя рассматривался как часть процесса роста основных показателей народного хозяйства, то есть роста потребления продуктов типа хлеба, молока и т.д.; нарастающее самогонование же связывалось

с нарастанием потребности населения в алкоголе, что и подразумевало увеличение оборотов Центроспирта в рамках концепции “вытеснения” самогона водкой.

Согласно данным Э.И. Дейчмана, в 1913 г. душевое потребление 40-градусной водки в городе равнялось 21 л, в деревне 6,6 л (условно примем это количество за 100 % нормы 1913 г.), в 1925/26 г. — 5,4 л в городе (25,7 % нормы 1913 г.), 0,98 л в деревне (15 %), 1926/27 г. — 8,1 л в городе (38,6 %), 1,7 л в деревне (25,7 %), 1927/28 — 8,8 л в городе (43,3 %), 2,6 л в деревне (39,4 %). Иными словами, алкоголизация населения повысилась за три года с 1925 по 1928 г. в городе в 1,5 раза, в деревне в 2,5 раза. При этом, в целом по РСФСР душевое потребление в 1928 году возросло до 3,5 л, превысив показатели 1913 г. по сопоставимой территории. Городское население потребляло почти в два раза больше сельского, являясь при этом меньшинством населения. При этом 53,7 % потреблённого алкоголя приходилось на самогон, 39,1 % — на казённую водку, остальное — на пиво и вино³.

В 1927 г. ЦСУ провело обследование путём опроса 25 тыс. сельских корреспондентов-статистиков, которое охватило 4,5 млн. крестьянских дворов — по этим данным, для всего сельского населения СССР изготовлено около 600 млн. л. самогона или 375 млн. л. в переводе на 40-градусную водку. Потребление водки (русской горькой) в деревне составило в 1927 г. всего лишь около ? всего самогона, потребленного деревней. (160 млн. л. водки при 470 млн. л. самогона 40° крепости). Выпуск государством в продажу водки в 1925 г. сопровождался постепенным вытеснением самогона в деревне (в 1924 г. было изготовлено самогона 30° крепости 1016 млн. л., а в 1927 г. 623 млн. л., причём это вытеснение отчетливо наблюдается в промышленных и потребляющих районах и сравнительно слабо — в производящих⁴. Выводы относительно процессов развития самогонарения в 1920-е гг. неутешительны: власти полагали, что водка вытеснит самогон — однако согласно записке специальной комиссии Госплана по алкоголизму, одобренной Президиумом Госплана СССР 2 марта 1929 г., потребление самогона за 1924-1929 гг. только увеличилось — в 1924 г. оно составляло до 480 млн. л. в год, в 1929 г. — 780-840 млн. л. в год. “Так что произошёл большой выпуск водки в деревню, сопровождавшийся равным увеличением в деревне самогона”; “выпуск водки не только не вытеснил самогона в деревне, но сопровождался даже более быстрым нарастанием алкоголизма в деревне, чем это происходило в городе. А в городе водка более чем возместила вытесненный его из городов самогон”⁵.

Один из современных исследователей вопроса потребления спиртного в 1920-е гг. высказывает такую точку зрения по поводу доходов государства от спиртных напитков: “По официальным данным, в 1926/

27 хозяйственном году поступления от продажи спиртных напитков составили 180 миллионов рублей. Однако осенью 1927 г. Сталин называет другую, значительно большую цифру — более 500 миллионов. В 1927/28 г. официальная статистика говорит о доходе со спирта в 270 млн. руб., а по подсчётам экономистов Общества борьбы с алкоголизмом он составил 728 млн. руб. Цифра представляется вполне реальной, если иметь в виду, что в соответствии с первым пятилетним планом в бюджет от продажи спиртных напитков должно было поступать около 900 млн. руб. в год”. Трудно не согласиться с подобной постановкой вопроса, тем более что практика законодательства в данной области обнаруживает направленность акцизной политики властей на всемерное увеличение доходов казны от спиртных напитков⁶.

Таким образом, в СССР в 1920-е гг. происходил резкий рост алкоголизации населения, сопровождавшийся столь же быстрым увеличением дохода казны со спиртных напитков и попытками проведения антиалкогольных мероприятий, не давших, впрочем, желаемых результатов.

Примечания

¹ Гуревич З.А., Залевский А.З. Алкоголизм. — Харьков, 1930. — С. 11.

² Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. — М.-Л., 1929. — С. 84.

³ Такала И.Р. Веселие Руси. — СПб., 2002. — С. 203.

⁴ Алкоголизм в современной деревне. — М.: ЦСУ СССР, 1929. — С. 7.

⁵ Борьба с алкоголизмом в СССР. — М.-Л., 1929. — С. 15-16.

⁶ Такала И.Р. Веселие Руси. — СПб., 2002. — С. 202-203.

А.М. Иванов

*Смоленский Филиал С-Пб Института
Внешнеэкономических связей, экономики и права*

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ВЕРУЮЩИХ В 1920-1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ВЯЗЕМСКОГО РАЙОНА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Большевики, придя к власти, монополизировали влияние на духовное сознание советских людей. В конце 1920 — начале 30-х гг. в городе Вязме и Вяземском уезде была проведена жесткая антирелигиозная компания. Началась открытая борьба против церковных праздников, активизировались репрессии в отношении священнослужителей.

В тезисах XIV губернской партконференции о политико-просветительской работе в деревне 1 декабря 1924 г. провозглашались основные принципы антирелигиозной работы, которая в деревне должна была развиваться в форме систематической естественно-научной пропаганды¹. Для этой работы предлагалось использовать культурные силы (учителей, врачей, агрономов) привлекая их к проведению соответствующих бесед в избах-читальнях.

В тезисах отмечалось, что в рассматриваемый период в волостных центрах имелось достаточное количество сил партийных, комсомольских и беспартийных для того, чтобы организовать кружки материалистов или атеистов (безбожников). Работа последних должна была явиться “популярным разъяснением основ материализма и естественнонаучных положений, подрывающих веру в бога и разоблачающих на данных конкретных фактах шарлатанство и корыстолюбие строителей чужде, обновлений”². При этом указывалось, что диспуты и инсценировки должны проводиться при наличии достаточных сил, после тщательной подготовки и в такой форме, чтобы не задеть чувства верующих³.

В Вяземском районе, как и по всей стране, проходили антирелигиозные митинги, издавалась соответствующая литература, в музее устраивались антирелигиозные выставки. Газета “Правда” об организационно-пропагандистской работе в Смоленской губернии свидетельствовала, что в марте 1923 г. в Вяземском уезде была проведена серьезно подготовленная дискуссия о религии, продолжавшаяся три дня и вызвавшая огромный интерес среди населения⁴.

Антирелигиозные мероприятия активно начинали проводиться накануне больших религиозных праздников, чтобы отвлечь население и предложить ему альтернативный, советский вариант отдыха и времяпрепровождения. Так, например, накануне рождества 1930 г. в Вязме на большинстве предприятий были запланированы субботники, ежедневно давались постановки в театре. “Музей родного края” с 7 января открыл антирелигиозную выставку, а сотрудники музея ежедневно проводили лекции на тему: “Религия и наука”, “Религия и народный быт”, “Религия и искусство”⁵.

В 1925 г. в стране началось образование общественного объединения “Союз воинственных безбожников”, которое объединяло антирелигиозных активистов-агитаторов. В 1928 г. две его ячейки были организованы в Вязме. К 15 сентября 1929 г. 22 ячейки вяземского “Союза” объединяли 638 человек⁶.

Однако с началом работы ячеек и кружков “Союза” проявились главные недостатки антирелигиозной работы, среди которых особо выделялось ее поверхностность. Слабо обстояло дело с выпиской газеты “Безбожник” по причинам недостаточной популярности газеты

в губернии и недостатка средств у населения. В результате в Вязьме выписывалось всего 100 экземпляров⁷.

Однако советская власть не ограничилась только пропагандой. В 1929 г. в Вязьме началось массовое закрытие церквей и передача церковных зданий под другие учреждения. Церковное имущество, включая колокола, изымалось и передавалось в фонд индустриализации.

Иногда местные власти шли на своеобразный компромисс и заключали с церковными общинами договоры, которые предусматривали передачу общине церковных зданий, взамен этого члены общины должны были следить за благоустройством прилегающей территории, за церковными кладбищами. На таких условиях в течение определенного периода времени функционировали Троицкий собор, Петропавловская церковь, и ряд других церквей в городе и районе.

Так, в 1922 г. новая власть заключила договор с прихожанами на использование Ильинского храма, но в апреле 1929 г. во время всеобщей компании против Православной Церкви комиссией исполкома договор был расторгнут, храм изъят у верующих и передан под клуб городского парка⁸. 21 октября 1924 г. между Вяземским уездным исполкомом и приходским советом был заключен договор о бессрочном и бесплатном использовании зданием Спасо-Преображенской церкви⁹. Однако уже 20 марта 1929 г. на президиуме Вяземского горсовета утвержден проект докладной записки об изъятии четырех церквей, в том числе и Спасской.¹⁰ Таким образом, подобные договоры являлись фикцией и служили местным властям в качестве морального оправдания закрытия какой-либо церкви по причине невыполнения договора.

Вот хроника закрытия отдельных церквей города и района. 29 мая 1929 г. решением Вяземского городского Совета закрыта Петропавловская церковь и церкви Монастыря Иоанна-Предтечи¹¹. В том же году решением облисполкома горсовета храм Рождества Богородицы, был изъят из общины верующих и передан под дом физкультурников¹²; закрыт Свято-Троицкий собор. В начале 1930 г. принято решение о ликвидации Фроловской кладбищенской церкви; 21 декабря 1930 г. решением Вяземского РИКа закрыта Митьковская Введенская церковь¹³.

Примечания

¹ Культурное строительство в Смоленской области (1917 – июнь 1941). – Ч. 1. – М., 1986. – С. 100.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Правда. – 1923 г. – 17 марта.

⁵ Комаров Д.Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. – Смоленск, 2004. – С. 44.

⁶ Товарищ. – 1929 г. – 12 сентября 1929 г.

⁷ Отчет бюро губкома РКП (б) на пленуме губернского комитета партии об антирелигиозной пропаганде. 1925 г., 15 сентября.

⁸ Иеромонах Даниил (Сычев) Вязьма. Очерки истории. – М., 1997. – С. 81.

⁹ ФГАСО (г. Вязьма; филиал Государственного архива Смоленской области). – Ф. Р-739. – Оп.1. – Д. 330. – Л. 15, 16, 18-19.

¹⁰ ФГАСО. – Ф.3. – Оп.1. – Д. 72. – Л. 4об., 97; – Д. 78. – Л. 21.

¹¹ Комаров Д.Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. – Смоленск, 2004. – С. 44.

¹² Поклон из Вязьмы // Памятники Отечества. – 1996. – №3. – С. 68.

¹³ Товарищ. – 8 января 1930 г.; ГАСО. – Ф. 3260. – Оп. 1. – Д. 689. – Л. 10.

Ф.В. Драчиков

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

**МЕРОПРИЯТИЯ 1942 ГОДА ПО УКРЕПЛЕНИЮ УЧРЕЖДЕНИЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕЧНЫХ ТЕХНИКУМОВ)**

Уже в начале войны в техникумах Наркомречфлота значительно увеличился отсев учащихся. К примеру, в Астраханском техникуме в течение 1941-42 учебного года вышло по неуважительным причинам 171 человек, в Велико-Устюгском техникуме 152 человека. Значительный отсев происходил вследствие плохой посещаемости занятий, неуспеваемости, слабого состояния трудовой дисциплины, что свидетельствовало о недостатках воспитательной работы среди учащихся. Во многих техникумах, военно-физкультурная подготовка учащихся не отвечала требованиям военного времени. По мнению центрального аппарата управления, причиной такого положения вещей было отношение директоров техникумов к своим обязанностям. Директора техникумов не проявляли достаточной настойчивости в улучшении бытовых условий учащихся и преподавателей, в частности, не добивались закрепления за техникумами переданных им учебных

зданий, общежитий, имущества. Изучив ситуацию в целом, придавая огромное значение подготовке квалифицированных рабочих кадров, центральным аппаратом управления было решено провести мероприятия по созданию необходимых условий для укрепления материальной базы техникумов и обеспечения эффективной работы учебных заведений в 1942-1943 году¹.

Наркоматам, совнаркомам союзных и автономных республик, а также местным советам депутатов трудящихся было запрещено прекращать занятия в техникумах, а также проводить мобилизацию учащихся и преподавателей для различных работ. Кроме того, запрещалось отбирать учебные здания, общежития, инвентарь оборудование техникумов без разрешения Совнаркома СССР, кроме случаев, разрешенных Указами Президиума Верховного Совета СССР. Совнаркомы союзных и автономных республик и облкрайисполкомы обязывались до 1 августа 1942 года обеспечить техникумы недостающими помещениями для учебных занятий и размещения учащихся в общежитиях.

Директора техникумов обязывались своевременно отремонтировать учебные здания и общежития техникумов, учебное оборудование, подобрать недостающий преподавательский персонал и составить учебное расписание. В течение июля-августа 1942 года директора речных техникумов должны были провести ремонт и дооборудовать инвентарем имеющиеся в техникумах столовые, а также провести в кратчайшие сроки мероприятия по дальнейшему развитию подсобного хозяйства и на основе проделанной работы, представить в Центральное Управление кадров сметы на организацию подсобного хозяйства с учетом местных особенностей и возможностей за 1942 год. Было решено провести решительную борьбу с отсевом учащихся путем систематического улучшения учебной и воспитательной работы, усиления заботы о материально-бытовых нуждах учащихся и ведения педагогической пропаганды среди родителей².

Также были приняты меры по созданию потенциала квалифицированной рабочей силы. В 1942 году были освобождены от вступительных экзаменов в техникумы лица, окончившие неполные средние школы (семилетки) в 1941-1942 годах с отметками "хорошо" и "отлично".

От платы за обучение в речных техникумах освобождались следующие категории лиц:

1. Лица, возвратившиеся из Красной армии и Военно-морского флота после ранения, контузии, увечья или болезни.

2. Иждивенцы рядового или младшего командного состава, призванного в ряды Красной армии и Военно-морской флот, получающие пособие согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1941 года "О порядке назначения и выплаты пособий

семьям военнослужащих рядового и младшего командного состава в военное время”.

Директорам речных техникумов разрешалось зачислять на стипендию участников Великой Отечественной войны, вернувшихся в техникумы из Красной армии и Военно-морского флота после ранений, контузий, увечья или болезни, при наличии у них не только отличных и хороших, но и посредственных отметок³.

Данная политика в короткие сроки дала положительные результаты. За полгода количество обучающихся в речных техникумах увеличилось вдвое. Ряд работников были награждены правительственными наградами.

За период Великой Отечественной войны учащиеся и преподаватели речных техникумов с большой отдачей выполняли ряд ответственных работ оборонного характера и оказали реальную помощь фронту. Многие техникумы включались в оперативную работу пароходств и помогали заводам в проведении судоремонта. Комплектование флота студентами техникумов оказывало практическую помощь в навигации 1942 года.

Примечания

¹ Лесников В. Школа Волжских капитанов. Астраханскому речному училищу 85 лет // Волга. – 2003. – 25 декабря. – С. 25.

² ГААО. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 930. – Л. 1. Приказ народного комиссара речного флота СССР за 1942 год от 14 июля № 176.

³ Беймель А.З. Из истории профессиональной подготовки учащихся трудовых резервов Поволжья в годы Великой Отечественной войны. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985. – С. 115.

А.А. Мальцев

*Самарский филиал Московского
государственного педагогического университета*

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК МЕТОД УКРЕПЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ВО 2-й ПОЛ. 1940-х гг.

Принудительные миграции – перемещение значительных масс людей, предпринимаемых государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения. Принудительная миграция оказала заметное влияние на демографические процессы в РСФСР

в послевоенный период. Причиной их появления во второй половине 1940-х гг. стало снижение производительности труда в послевоенной деревне и введение жестких мер по упрочнению колхозно-совхозной дисциплины. 21 февраля 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление “О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни”¹. Через несколько месяцев “украинский опыт” распространяется на всю страну. 2 июня 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР “О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни”. Срок высылки приравнивался к 8 годам.

Решение о выселении выносилось колхозными собраниями, решения которых утверждалось райисполкомами². Приказ предоставил возможность местному руководству при помощи колхозных собраний решать вопрос о выселении за пределы областей в отдаленные края любого живущего в деревне человека³. Причиной подобного отношения колхозников к своим трудовым обязанностям является их тяжелое материальное положение, отсутствие механизмов достойного материального поощрения со стороны государства, а также огромное количество налогов, сборов и выплат. Именно по этой причине в 1946-1959 гг. ежегодно от 12 до 19% крестьян не выполняли годового минимума трудодней⁴. В Среднем Поволжье в различных областях существовали определенные особенности, связанные с выполнением Указа. В Пензенской области в 1948 г. колхозники неохотно наказывали односельчан за невыработку трудодней, пытаясь привлечь к ответственности исключительно злостных нарушителей трудовой дисциплины⁵. Причиной подобного отношения со стороны колхозников к односельчанам крылась в социально-экономической сфере. Во-первых, к моменту принятия Указа, согласно отчетам Председателя совета по делам колхозов, в сельской местности области практически отсутствовали ясли и детские сады, что мешало возможности женщинам, имеющим малолетних детей, принимать участие в работах, в результате чего 84% от общего количества невыработавших трудодни, составили женщины⁶. Во-вторых, у колхозников отсутствовал экономический стимул к труду, так как к 1948 г. стоимость трудодня в Пензенской области составляла 0,2 кг. зерном и 0,4 кг. сеном и 1 кг. соломой. Жесткие меры, применяемые к уклоняющимся от коллективной деятельности, не повлияли на укрепление трудовой дисциплины. С момента принятия соответствующего Указа число колхозников, не выработавших минимум трудодней в данной местности, ежегодно увеличивалось. В 1949 г. из 317 182 колхозников минимум

не выработало 26 294 человека, т.е. 8,8%, а 1950 г. — 26 404 человека⁷. Всего же за 1948-1950 гг. к уголовной ответственности за уклонение от трудовой деятельности в колхозах данной области был привлечен 2231 колхозник, что еще раз подтверждает снисходительную позицию райкомов и колхозных собраний к лицам, не выработавшим минимум трудодней⁸.

Подобное же отношение к Указу 1948 г. можно выявить среди сельского населения Ульяновской области. Согласно данным Ульяновского Обкома КПСС, в первые два месяца действия данного Указа колхозники не вынесли ни одного решения по выселению “тунеядцев”⁹. Однако с осени 1948 г. была отмечена иная тенденция, связанная с активной борьбой с нарушителями трудовой дисциплины. С сентября по конец декабря этого года из сельской местности Ульяновской области было выслано 323 человека, с которыми добровольно выехало 190 человек — членов их семей¹⁰. В дальнейшем число “указников” резко сократилось, но не ввиду возврата к прежней тактике колхозов по невыдаче невыработавших трудодни, а ввиду сокращения их числа. К 1949 г. можно говорить об укреплении трудовой дисциплины в данной области, так как по итогам сельскохозяйственного сезона минимум трудодней выработало 93% колхозников, что на 22% превысило показатели предыдущего года¹¹.

Таким образом, в различных областях Среднего Поволжья можно отметить тенденцию первоначального сопротивления Указу 1948 г. со стороны рядовых колхозников и руководства, проявляющееся в нежелании наказывать односельчан. Однако в течение второй половины 1948-1950 гг. решения о выселении приняли массовый характер, что привело к ужесточению трудовой дисциплины в деревне и сокращению принудительной миграции сельского населения в Ульяновской области. Для Пензенской и Куйбышевской областей было характерно сохранение высокого уровня принудительной миграции на протяжении всего срока действия Указа, не укрепив при этом трудовую дисциплину в селе. Однако силовые методы воздействия дали временный результат при укреплении трудовой дисциплины и лишь в тех областях, где существовала достойная оплата по трудодням. При этом в сельской местности остались нерешенные социально-экономические проблемы, приводившие к снижению производительности труда и системному кризису в сельском хозяйстве.

Примечания

¹ Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущева (О подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы. — 1993. — № 2. — С.31.

² Бугай Н.Ф. 20-50-е годы: принудительные переселения народов // Обозреватель. – 1993. – № 11.

³ Зима В.Ф. “Второе раскулачивание” (аграрная политика второй половины 1940-х – начала 50-х гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 111.

⁴ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середина 40-х – начало 60-х годов. – М.: Наука, 1992. – С. 53.

⁵ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. 2376. – Оп. 1. – Д.20. – Л.88.

⁶ ГАПО. – Ф. 2376. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 16.

⁷ ГАПО. – Ф. 2376. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 33.

⁸ ГАПО. – Ф. 2376. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 121.

⁹ Государственный Архив Новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). – Ф. 8. – Оп. 6. – Д. 126. – Л. 111-112.

¹⁰ ГАНИ УО. – Ф. 8. – Оп. 7. – Д. 495. – Л. 1.

¹¹ ГАНИ УО. – Ф. 8. – Оп. 7. – Д. 495. – Л. 5.

Р.Г. Галихузина

*Казанский государственный
медицинский университет*

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО КУЛЬТУРОЙ В ТАТАРСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Культура в коммунистическом обществе рассматривалась как часть “партийного дела” и являлась инструментом эстетического, политического образования и воспитания граждан в духе социалистических идеалов. Учреждения культуры были призваны выполнять заказ существующей системы и способствовать функционированию единой государственной парадигмы.

Подчинение различных художественных приемов “единственно верному методу социалистического реализма” отвечало потребностям государства. Так, политический режим организационно руководил художественным творчеством, не допуская разнообразия в эстетических взглядах.

Направляя процесс культурного развития, Коммунистическая партия использовала метод мировоззренческого воздействия. Принимавшиеся тогда партийные и государственные решения в этой области в своей основе были глубоко идеологизированы, что отражалось на проводившихся в рассматриваемый период культурных мероприятиях.

Руководство культурой заключалось во вмешательстве партийно-государственных органов в творческий процесс, а именно в определении целей искусства, тематики художественных произведений. Заказчиком произведения являлось государство, а работники культуры должны были выполнять свои обязательства перед ним. Результаты проделанной работы оглашались на съездах и пленумах творческих союзов, различных отчетных собраниях.

В 1957 году была отменена практика заключения госзаказа с авторами на произведения драматических театров в Главном управлении театров и музыкальных учреждений Министерства культуры СССР, как не оправдавшая себя и мешавшая развитию творческих связей драматургов с театрами¹. Министерству культуры ТАССР надлежало использовать ассигнования, выделяемые им на создание драматических произведений по их прямому назначению, принимая от театров к оплате за счет этих ассигнований только “лучшие, значительные” произведения, созданные авторами по договорам с театрами. С этого времени творческая работа с авторами сосредотачивалась непосредственно в театрах, а ответственность за работу с авторами по созданию новых произведений возлагалась на главных режиссеров театров.

В процессе руководства искусством Министерство культуры ТАССР направляло деятельность подчиненных ему учреждений на то, чтобы в них преимущественное место занимали пьесы, отражающие “торжество ленинских идей”, пропагандирующие “советский образ жизни”. Приветствовались такие постановки, как “Человек с ружьем”, “Кремлевские куранты” Н. Погодина, “Бронепоезд 1469” В. Иванова. Министерство культуры ТАССР требовало, чтобы в репертуарных планах театров преобладали именно пьесы, отражающие успехи советского народа в его созидательной работе. Главным героем являлся человек труда — строитель коммунизма.

Совет Министров СССР в 1955 году предоставил Министерству культуры СССР и одноименному министерству ТАССР право устанавливать количество новых постановок в годовых производственно-финансовых планах театров, однако обязательным условием являлось требование ежегодно выпускать не менее 20 спектаклей на современные советские темы².

Однако, несмотря на критику со стороны вышестоящих органов, центральной и местной прессы, спектакли о рабочем классе были представлены недостаточно. Такое положение дел с формированием репертуара являлось предметом острой критики как в самих театрах, так и в секции драматургии Союза писателей ТАССР и Министерства культуры, однако конкретных мер по созданию пьес не предпринималось. По итогам гастролей театра им Г. Камала в Москве в 1976 г. газета “Правда” наряду с большими успехами татарского театрално-

го искусства отметила в качестве недостатка отсутствие крупномасштабных спектаклей о современном рабочем классе³. Эта статья опубликовалась во всех театрах республики.

Известны случаи, когда по соображениям эстетики на сцену не попадали высокохудожественные произведения. Так, из репертуара Татарского государственного театра оперы и балета им. М. Джалиля в 1955 году была исключена музыкальная драма “Наемщик” С. Сайдашева и опера “Распри” И. Пустыльника⁴. В 1963 г. Министерство культуры ТАССР запретило постановку пьесы “А над крышами небо” в Театре юного зрителя, считая ее не соответствующей профилю театра, но вопреки указаниям Министерства и даже письменному его распоряжению, театр осуществил постановку этой пьесы⁵.

К тому же, режиссеры неудовлетворительно работали с авторами по созданию новых пьес. В этой связи в 1977 г. было объявлено, что Министерство культуры ТАССР готово по рекомендации театров заключать договоры с драматургами на создание пьес о современном колхозном строительстве, о молодой рабочей смене, о нефтяниках республики. Однако ни одной творческой заявки, ни одной рекомендации со стороны театров в отдел искусств не поступило⁶.

Отметим, что органы руководства культурой поощряли создание спектаклей, приуроченных к знаменательным датам и значимым событиям. Такие спектакли, как “Именем революции” Шатрова (Театр юного зрителя им. Ленинского Комсомола), “Высокое напряжение” Куприянова (Большой драматический театр им. В.И. Качалова), “Вечное перо” Штока (Татарский государственный академический театр им. Г. Камала) были приурочены к XXI съезду партии. По мнению партийных органов, они вдохновляли зрителей на героический труд “во имя победы коммунизма”. Это являлось внешним фактором в процессе формирования репертуара театров республики. Более того, замалчивание и невнимание театральных деятелей к памятным вехам истории было чревато осложнениями и могло отразиться на их карьере.

Отмечалось также, что на сценах театров недостаточно представлены спектакли, звучащие в унисон с народной жизнью, подчеркивалось что такая глубокая и сильная тема, как тема партии, ждет своего “достойного художественного воплощения”. Не решалась в должной мере и краеведческая тема. Властные структуры хотели видеть на сцене героев — нефтяников, людей сельской глубинки, выдающихся татарских деятелей науки и культуры.

Таким образом, можно заключить, что театры не были свободны в выборе тем постановок. Эстетические нормы и каноны формировались высшим партийным руководством республики, а театры лишь транслировали представления властных структур. Партийные органы строго следили за тем, чтобы безыдейные, низкохудожественные, по

их представлению, произведения искусства не доходили до массового зрителя и читателя. Проводниками линии партии в этом вопросе являлись художественная и репертуарная коллегии при отделе искусств Министерства культуры ТАССР. Именно они должны были внедрять государственную парадигму и укреплять духовный фундамент социалистической системы.

Примечания

¹ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). – Ф. 15. – Оп. 6а. – Д. 280. – Л.33.

² Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. Р – 7237. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 256.

³ ЦГА ИПД РТ. – Ф.– 1029. – Оп. 1. – Д. 98. – Л.7.

⁴ НА РТ. – Ф. Р – 7237. – Оп. 2. – Д. 35. – Л. 20.

⁵ НА РТ. – Ф. Р – 7237. – Оп. 2. – Д. 558. – Л. 18.

⁶ ЦГА ИПД РТ. – Ф.-1029. – Оп. 1. – Д. 98. – Л. 70.

Е.Е. Баженова

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия*

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ ПРИЗВАННЫХ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЕЗДНЫХ КОМИТЕТОВ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ ВОИНАМ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вступление России в Первую мировую войну открыло перед земским самоуправлением новые сферы деятельности. Война потребовала от него огромного напряжения сил, мобилизации материальных, финансовых и трудовых ресурсов страны для защиты государства от врага.

В Москве 30 июля 1914 года на съезде представителей земств был образован Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам. В августе 1914 года Пермское губернское земство вступило в его состав и организовало Пермский Губернский Комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам¹.

В состав Пермского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам вошли двенадцать

уездных комитетов: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский и Шадринский².

Первая мировая война началась во время проведения полевых работ — жатвы хлеба и незавершенного сенокоса. Невероятные трудности в ходе войны приходилось преодолевать сельскому населению. Вызвано это было, прежде всего, тем, что в ходе мобилизации началась отток рабочих рук, который не прекращался на всем протяжении военных действий. Поскольку Россия являлась аграрной страной, то в основном это были мужчины из села³.

В связи с этим одними из первых мероприятий уездных комитетов Пермской губернии были оказание помощи семьям призванных на войну в уборке, посевах озимого хлеба и других сельскохозяйственных культур. Помощь, как правило, оказывалась за счет Пермского губернского земства.

На средства Пермского губернского земства семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения уездными комитетами так же выдавались небольшие денежные пособия на отопление, оплату квартир и прокорм скота.

По новому закону 1914 года (Устав о земской повинности) ведение всех дел по призрению семей призванных за счет казны было возложено на земские управы. Согласно данному закону государственной опеки подлежали не только жена и дети призванного, но и его родители, родные братья и сестры при условии, что они содержались трудом последнего.

Размер бюджета уездных земств Пермской губернии не позволял выдавать пособия каждой семейству призванного, согласно новым положениям закона (2 апреля 1915 г.) о государственной опеки. Материальных средств было достаточно только для поддержания прожиточного минимума беднейших семейств призванных.

Во время Первой мировой войны выдача пособий семьям призванных и оказание им помощи в проведении сельскохозяйственных работ являлись одним из направлений в деятельности уездных комитетов Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам Пермской губернии. Все 12 уездных комитетов Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам в Пермской губернии проявили большую активность в решении насущных проблем, вызванных обстоятельствами военного времени. Однако наиболее результативной была реализации задач военного времени в следующих уездах: Верхотурском, Екатеринбургском, Камышловском, Осинском, Оханском, Пермском, Соликамском и Чердынском. Ирбитский, Красноуфимский, Кунгурский и Шадринский уездные комитеты ограничили свою помощь ассигнованием средств на нужды

других общественных благотворительных организаций, таких как Главное Управление Красного Креста, Пермское Управление Красного Креста⁴.

Таким образом, ведущую роль в организации общественной помощи фронту и пострадавшим от войны в Пермской губернии сыграли органы местного самоуправления. Аналогичные меры помощи предпринимались уездными комитетами Всероссийского Земского Союза в целом по стране.

Примечания

¹ ГАПК. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 51.

² ГАПК. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 52, 52об.

³ Судацков Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. – М.; Ставрополь, 2001. – С. 122.

⁴ Пермская земская неделя. – 1914. – №42. – С. 26-27; Пермская земская неделя. – 1914. – №46. – С. 25.

А.В. Варехина

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия*

ФОРМИРОВАНИЕ “НОВОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА” НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКИХ ДОМОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Проблема взаимоотношения власти и общества во все времена сохраняет свою актуальность. Особое значение она приобретает в кризисный период развития государства, когда для сохранения стабильности в стране необходимо укрепить отношения между властью и обществом, между правящей стороной и подчиняющей. А для этого необходим правильный механизм формирования и грамотная реализация государственного управления, т.е. совокупность и взаимосвязь социальных элементов, процессов и закономерностей, с помощью которых властвующий субъект закрепляет свои потребности, интересы и цели в своих решениях и проводит их в жизнь, опираясь на общество¹.

Главная цель состоит в том, чтобы посредством прямого или косвенного воздействия на людей, их объединения или разъединения: а) противодействовать деструкции, кризису, упадку, нейтрализовать напряжение, конфликты; б) стремиться к максимуму стабильности

общественного целого, способствовать его совершенствованию, упорочению, прогрессу².

Власть в государстве имеет институализированный характер. Это означает, что не следует смешивать лиц, временно осуществляющих эту власть, с самой властью, принадлежащей политической общности (государству). Лица, входящие в элиту, меняются, однако институализированная власть государства от этого не исчезает, за исключением случаев, когда эти изменения сопровождаются уничтожением государства вследствие других причин, таких как гражданская война или подчинение другим государством³. Так, например, большевики свергли монархию, и пришли к власти в 1917 году. С приходом нового правительства особое священное значение приобрела коммунистическая партия, единственная партия страны, выполняющая, согласно пропагандистским утверждениям, “руководящую и направляющую роль” в деле построения “светлого будущего”. Для достижения этой цели были использованы идеологические, экономические, социальные, политические, культурные методы воздействия на различные социальные институты⁴.

Одним из таких институтов обеспечения социальной стабильности в СССР в годы Великой Отечественной войны выступила организация детских домов, где в военных условиях воспитатели продолжали работу по охвату детей школьного возраста всеобщим обучением, учителя старались придать преподаванию серьезную идейно-политическую направленность.

Основными задачами учителей и воспитателей были:

1. Организовать социальную поддержку детей, чьи родители во благо общества и государства воевали на войне.

Реализации этой задачи помогала детская литература, которая в годы Великой Отечественной войны не могла обойтись без изображения ребенка в условиях эвакуации, не понаслышке знакомой миллионам детей, без показа безотцовщины, беспризорности. Разговор о героизме и патриотизме советских людей на фронте и в тылу показывали через изображение подвигов пионеров и комсомольцев-героев. В произведениях отражались усиленное военное воспитание в школах и производительный труд учащихся на полях, заводах, в госпиталях⁵.

2. Правильно сформировать “нового советского человека” для дальнейшего и скорейшего строительства социализма.

Осуществлению этой задачи помогли: трудовое воспитание, общественно-политическое, физическое воспитание и организация здорового образа жизни воспитанников, активная пионерская работа, культурно-массовая и кружковая деятельность и многое другое⁶. Это было

приоритетным направлением, которое получилось не только реализовывать в годы Великой отечественной войны, но и продолжить после ее окончания.

Отсюда можно сделать вывод, что вся воспитательная работа была частью тоталитарной машины, подчинявшей себе общество, заставлявшей его мыслить, действовать и чувствовать как единый организм. Советская пропаганда работала эффективно. Энтузиазм значительной части общества был неподдельным⁷. Стремление к “светлому будущему”, играла огромную роль в формировании ребенка как личности, который должен был стать и становился вежливым, культурным, отличающимся дисциплинированностью, энтузиазмом в труде, ненавистью к врагам социализма, верой в мудрость власти и безграничной преданностью вождю, готовность пожертвовать собой ради “светлого будущего”. Новые герои, которых планомерно создавала власть, были призваны стать для народной массы примером для подражания.

Примечания

¹ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. — М., 2009. — С. 125.

² Ильин В.В. Социально-Политические Исследования // Власть. Вестник МГУ. — Сер. 12. — 1992. — № 3. — С. 12.

³ Пушкарева Г.В. Власть как социальный институт // Социально-политический журнал. — 1995. — № 2. — С. 87.

⁴ Белов Г.А. Институциональная система политической власти // Кентавр. — 1995. — № 4. — С. 143.

⁵ Фатеев А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР (1930-е — 1950-е гг.) // См. http://scepsis.ru/libraryid_643.html.

⁶ ГАСО. — Ф.р-233. — Оп. 3. — Д. 514. — Л. 7.

⁷ Мифология и идеология СССР. Постоянная экспозиция музея и общественного центра “Мир, прогресс, права человека” имени А. Сахарова (Москва) // См. <http://www.sakharov-museum.ru/museum/expositions/mithology-ussr>.

**СУДЬИ НИЗШЕЙ ИНСТАНЦИИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – НАЧАЛА XVI вв.:
ДОЛЖНОСТНОЙ СОСТАВ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ**

Во второй половине XV – начале XVI вв., когда процесс объединения русских земель выходит на финишную прямую, перед великими князьями во внутренней политике появляется новая задача – формирование системы управления новообразованным государством. Очевидно, что управление столь большой территорией, каким было Русское государство, требовало значительного количества административных кадров. Проблема формирования своего рода “кадрового резерва” постепенно выходит к концу XV в. на первый план. Казалось бы, идущие процессы должны создавать условия для повышения вертикальной социальной мобильности и играть роль некоего социального лифта. Однако, было ли так в действительности, попробуем определить, рассмотрев эволюцию состава судей низшей инстанции в Русском государстве второй половины XV–XVI вв.

Прежде всего, стоит отметить, что система двухуровневого судопроизводства в это время лишь формируется, находясь под влиянием фактора недостатка управленцев низшего и среднего звена. Фактически, функцией первоначального рассмотрения судебного разбирательства обладали как наместники, так и специально назначаемые великим князем судьи местного уровня. Постепенно, с распространением практики писцовых описаний, в судопроизводство низшей инстанции включаются и писцы, выполняя обязанности судей. Так же свои судебные функции сохраняли и удельные князья московского дома. Изданный в 1497 г. Судебник, ориентированный во многом на приведение в порядок управленческой системы, не смог устранить подобной хаотичности в судебной сфере. “Наместники с правом боярского суда” – вот кто, судя по Судебнику, должен был осуществлять функции судопроизводства на низовом уровне¹. Однако анализ судебных документов по тяжбам о недвижимости показывает, что и после издания Судебника рассмотрением дел в судах низшей инстанции продолжали участвовать и писцы, и судьи местного уровня. Так, например, из 36 судебных тяжб по поводу недвижимости, разбираемых в низшей инстанции в период с 1497 по 1505 гг., наместники участвовали лишь в разборе 2 тяжб, писцы – в 27, судьи местного уровня – в 9 случаях. Подобная очевидная хаотичность в должностном составе судей низшей инстанции вполне объяснима не только

нехваткой управленческих кадров, но и тем, что многие управленческие институты находятся пока еще на этапе формирования, как, например, институт наместничества. Тогда получается, что в судопроизводственной деятельности были задействованы практически все представители администрации, которые обладали хотя бы малейшими знаниями в области разрешения судебных противостаний, да и просто пользовались доверием великого князя. Если обратиться к должностному составу судей низшей инстанции за весь период с середины XV в. по 1505 г., то эта кажущаяся хаотичность будет еще более выраженной: из 137 тяжб по поводу недвижимого имущества, разбиравшихся в низшей инстанции, наместники осуществляли суд в 3 случаях, удельные князья – в 14, писцы – в 32, судьи местного уровня – в 88 случаях.

Проанализируем теперь состав судей низшей инстанции в связи с их происхождением и служебной карьерой. Если в случае с наместниками и удельными князьями все очевидно, то писцы и судьи местного уровня в наибольшей степени могут отразить возможность некого социального лифта в Русском государстве второй половины XV – начала XVI вв. Прежде всего, стоит отметить, что писцы, осуществляющие судопроизводство в низшей инстанции во время проведения писцового описания, как правило, были представителями княжеских или старомосковских боярских родов. Так, например, Василий Иванович Голенин, разбиравший поземельные споры в разное время в Дмитровском, Переяславском уездах и Бежецком Верхе, был потомком ростовских князей. Яков Дмитриевич Морозов относился к роду, который служил князьям московского великокняжеского рода еще с конца XIV в. Интересно дальнейшее развитие карьеры судьи-писца Константина Григорьевича Заболотского, потомка смоленских князей, который разбирал тяжбы по поводу недвижимости в Юрьевском и Углицких уездах. Еще до своей судебной деятельности, он упоминается в разрядах как переговорщик в Крыму и в “свейских делах”². В 1503 г. он ездил с дипломатической миссией в Литву³. Наконец, под 1510 и 1513 гг. разрядная книга называет его уже окольным⁴. В этом случае, стоит признать, что писцово-судебная деятельность представителей старого московского боярства и отпрысков княжеских фамилий была использована великим князем как способ их интеграции в состав центральной администрации Русского государства.

Иное происхождение отличало судей местного уровня. Большинство из них происходят не из среды боярства. В ряде случаев, судебные документы уточняют, что судьи так же выполняют и различные хозяйственно-административные функции в вотчинах великокняжеского дома, являясь, например, тиунами⁵. В дальнейшем, они так и

остались на самом низком уровне служебной иерархии: ни они сами, ни их потомки не упоминаются ни в разрядах, ни рассматривают судебные дела в этой или какой-либо другой местности. Были и единичные исключения из правил, когда судьи местного уровня образовывали даже некие судебные династии, однако, для подобных ситуаций были определенные предпосылки. Так, например, Михаил Федорович Сабуров в середине XV в. разбирал поземельные споры на Белоозере⁶, а его троюродный племянник Иван Брех Вельяминов сын Зернов уже в начале XVI в. был судьей в Костромском уезде⁷. Стоит, однако, отметить, что и дядя, и племянник разбирали тяжбы, в которых участвовал Чудов монастырь, куда постоянно давали вклады представители костромского рода Сабуровых. Тогда получается, что возможность продвижения судьи низшей инстанции в служебной иерархии еще полностью зависит от его происхождения.

Подведем некоторые итоги. К началу XVI в. великокняжеская администрация, пытаясь создать систему управления единым Русским государством, пока еще незначительно привлекает к участию в реализации судопроизводственных функций людей незнатного происхождения, не создает возможностей для их дальнейшего продвижения по службе, а опирается, в основном, на представителей боярских и княжеских родов, стремясь таким образом интегрировать их в административные структуры.

Примечания

¹ Российское законодательство: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — М., 1985. — С. 59.

² Разрядная книга 1475—1598 гг. — М., 1966. — С. 26.

³ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 228.

⁴ Разрядная книга 1475—1598. — М., 1966. — С. 44, 49.

⁵ См., например: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. 2. — М., 1956. — № 188.

⁶ См. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. 3. — М., 1962. № 35.

⁷ См. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. 3. — М., 1962. № 48.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЛАСТИ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ЗА 1861 ГОД**

Гражданское общество как совокупность социальных отношений и институтов, независимых от политической власти, с присущим им определенным типом личности¹ начало складываться в России в XVIII–XIX вв., однако к 1917 г. этот процесс не завершился и прервался на долгие годы; современная Россия до сих пор переживает болезни роста гражданского общества, так его и не имея в европейском понимании. Представляется интересным рассмотреть взгляды правящей элиты на проблему формирования гражданского общества в пореформенный период – время, когда его становлению был придан сильнейший импульс².

Рассмотрение взгляда на гражданское общество “сверху” исторически обоснованно, поскольку государство на протяжении всей истории России играло очень важную роль в развитии общества³: многие инициативы его реформирования и движения в сторону отделения от государства исходили именно от него, все институты гражданского общества возникали под контролем власти.

Методом анализа содержания Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП) стал модальный контент-анализ (выявление подтекста и подсчет высказываний, характеризующих элементы гражданского общества). Контент-анализ представляет собой “количественное описание символического содержания текста”⁴, позволяющее выявить скрытую при обычном прочтении информацию, в данном случае – изменение настроений во властных кругах, отражающееся в ведомственном издании.

Рассмотрев выборочно каждый третий номер журнала за 1861 г. с помощью модального контент-анализа, мы получили данные о значительном преобладании утверждений либерального характера (70%); при этом среди них доминируют утверждения, которые показывают представление властей о гражданском обществе (24%), где население, обладая определенной степенью свободы, соучаствует в решении вопросов неполитической сферы. Надо отметить, что все элементы гражданского общества, представленные в рассмотренных высказываниях, касаются исключительно сферы образования, что объясняется, с одной стороны, чисто педагогической направленностью, которую ЖМНП приобрел с началом редакторства К.Д. Ушинского (1860–

1863 г.), а с другой стороны, нежеланием властей позволить обществу влиять на политическую сферу.

Ответ на вопрос, кто станет основным двигателем развития общества, в ЖМНП дается весьма определенно: каждый индивид, имеющий некоторый уровень образования должен проявлять активность в распространении просвещения. Среди всех высказываний, касающихся гражданского общества, утверждения инициативы индивидов и их объединений в области образования занимают первое место, составляя 29% (147 фраз). Статьи журнала полны примерами успехов общественных инициатив в открытии училищ, воскресных школ, распространении женского и крестьянского образования: *“Преподаваем в этой школе занимаются гг. студенты университета, офицеры и другие лица; некоторые из дам... изъявили готовность заниматься в женском отделении школы”*⁵. На втором месте предложения, показывающие роль государства в развитии общества (11%, 55 фраз), например: *“Наше низшее и среднее сословия не всегда еще, к сожалению, могут обойтись без опеки в деле образования”*⁶. Также обращается внимание на вовлечение освобожденного крестьянства в общественную жизнь (5%): *“При этом приятнее всего сообщить, что жители села Самаровского сами сознавали необходимость распространения у себя грамотности и сами ходатайствовали через земское начальство об учреждении школы”*⁷.

В определении направления общественной активности безусловное лидерство отводится благотворительности (15%, 77 фраз): все успешные частные инициативы в образовании стали таковыми лишь благодаря финансовому участию общества, а все неудачи проистекают от его недостатка: в одной из статей описаны печальные последствия нежелания городского населения помогать школе — уменьшение числа учеников и возможное закрытие школы⁸. Большое место занимает вопрос самоуправления, но во всех случаях это лишь самоуправление и выборность в школе: *“Необходимо возложить на учеников... все внутреннее управление школой”*⁹.

Обратим внимание также на значительную долю статей на отечественную тематику (84%), что свидетельствует о внимании к российским проблемам и стремлении найти основу развития внутри страны, а не заимствовать иностранный опыт.

Таким образом, по представлению властей по материалам ЖМНП место гражданскому обществу отводится в социокультурной сфере, а не в политической. Роль государства при этом виделась как значительная, но скорее содействующая и поощряющая, чем руководящая. Среди всех видов общественной активности наиболее правильной представляется благотворительная, которая позволяет обществу быть менее зависимым от власти, а власти меньше нести ответственности за общество. Самоуправление предполагается на уровне школы, хотя неизбежно школа становится малой моделью общества.

Примечания

¹ Дилигенский Г.Г. Становление гражданского общества: культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: структуры и сознание. – М., 1998. – С. 221.

² Мигранян А.М. Роль насилия в процессе демократизации России // Освобождение духа. – М., 1991. – С. 177.

³ Руденкин В.Н. Гражданское общество в России: история и современность. – Екатеринбург, 2002. – С. 67.

⁴ Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. – 1998. – № 6. – С. 120.

⁵ Известия о воскресных школах, женских учебных заведениях, публичных и частных библиотеках для чтения и проч. // ЖМНП. – 1861. – Часть 109. – Отдел IV. – С. 2.

⁶ Бесплатные воскресные школы в Елизаветграде // ЖМНП. – 1861. – Часть 112. – Отдел IV. – С. 77.

⁷ Учебные заведения Тобольской губернии // ЖМНП. – 1861. – Часть 112. – Отдел IV. – С.61.

⁸ Воскресная школа в Козлове (Тамбовской губернии) // ЖМНП. – 1861. – Часть 112. – Отдел IV. – С. 95-96.

⁹ Дистервег А. Начатки детского школьного учения // ЖМНП. – 1861. – Часть 111. – Приложение. – С. 112.

Е.И. Пылаева

*Вологодский государственный
педагогический университет*

СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ)

Настоящая работа написана на архивных материалах, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (Ф. 102 “Фонд Департамента полиции”) и Государственного архива Вологодской области (Ф. 108 “Фонд Вологодского губернского жандармского управления”). Источниковая база нашего исследования представлена в виде комплекса делопроизводственной документации Вологодского губернского жандармского управления (далее ВГЖУ). Делопроизводственная документация включает в себя следующие группы документов: 1) финансовые отчеты начальника ВГЖУ в Особый отдел Департамента полиции; 2) списки секретных сотрудников ВГЖУ с указани-

ем расходов на их содержание; 3) переписка начальника ВГЖУ с Особым отделом Департамента полиции по поводу приобретения новых секретных сотрудников.

В начале XX века секретная агентура являлась основным методом политического сыска: на ней строилась вся система борьбы полиции с революционно настроенной частью общества. Секретная агентура, находившаяся до 1906 г. в зачаточном состоянии, с утверждением П.А. Столыпиным специального положения “О районных охранных отделениях” от 14 декабря 1906 г. получила новый толчок к развитию не только в столичном регионе, но и на местах. Согласно положению, районные охранные отделения (далее РОО) создавались с целью “объединения и направления деятельности местных органов, ведающих политический розыск в Империи”. Территория империи делилась на 8 округов, которыми управляли начальники РОО. ВГЖУ в ведомственном отношении подчинялось начальнику Санкт-Петербургского РОО. Основной функцией РОО была координация деятельности местных органов политического сыска, в частности ГЖУ, по ведению секретной агентуры. Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры (1908 г.) подразделяла секретных агентов на три категории: 1) *секретные сотрудники (сексоты)* — лица, “состоящие членами преступных сообществ и входящие в постоянный состав такой агентуры”; 2) *вспомогательные агенты* — лица, “которые хотя и не входят в преступные организации, но, соприкасаясь с ними, постоянно содействуют делу розыска, исполняя различные поручения и доставляя для разработки материал по деятельности партии”; 3) *штучники* — лица, “доставляющие сведения, хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдельное свое указание на то или другое революционное предприятие или выступление какого бы то ни было сообщества”.

В течение 1907 г. Департамент полиции принимал активные меры по насаждению секретной агентуры при жандармских управлениях. Однако стремление Департамента полиции как можно скорее реализовать нормы положения 14 декабря 1906 г. натолкнулось на пассивность местных полицейских чинов. По всей видимости, финансовое обеспечение местных ГЖУ начало централизованно производиться из фондов Департамента полиции с декабря 1906 г., то есть с момента вступления в силу Положения “О районных охранных отделениях”, однако за следующий 1907 г. начальники жандармских управлений так и не смогли организовать надежные агентурные сети на подконтрольных им территориях. Денежные средства, отпущенные ГЖУ Департаментом полиции были израсходованы ненадлежащим образом.

За период 1908-1913 гг. при Вологодском ГЖУ, согласно документам финансовой отчетности, в качестве секретных агентов в разное время состояло порядка 127 человек. Их совокупный квалификационный состав был следующим: 82 человека (64,57 %) являлись секрет-

ными сотрудниками, 24 (18,9 %) — вспомогательными агентами, 21 (16,5 %) — штучниками. В процессе изучения нами были выделены два этапа организационного оформления секретной агентуры при ВГЖУ. Хронологическими рамками первого этапа являются 1908–1910 гг. С 1908 по 1910 гг. при ВГЖУ работало 59 секретных агентов, из них 43 человека (72,88 %) относились к секретным сотрудникам, 10 человек (16,95 %) — к вспомогательным агентам, 6 человек (10,17 %) — к штучникам. Таким образом, более 70 % агентов относились к самому высокому разряду в агентурной иерархии, что говорит об относительно высоком качестве агентурных “кадров”. Отметим также, что в данный период начинает складываться агентурная сеть, которая формировалась по принципу распределения секретных агентов по уездным городам.

Второй этап в развитии секретной агентуры в Вологодской губернии относится к периоду с 1911 по 1913 гг. и связан с деятельностью нового начальника ВГЖУ полковника М.А. Конисского, сменившего на этом посту А.В. Штольценбурга. Полковник Конисский занимал эту должность с июня 1911 по апрель 1913 г. Как дальновидный руководитель М.А. Конисский понимал необходимость увеличения числа секретных агентов и дальнейшего разрастания местной агентурной сети. При М.А. Конисском общее количество секретных агентов выросло с 59 до 84 человек, что почти в 1,5 раза превышает показатели предыдущего периода. С другой стороны, в организации внутренней агентуры в данный период начинают просматриваться некоторые кризисные черты. Поясним данное утверждение при помощи анализа структуры и организационных особенностей секретной агентуры на втором этапе ее развития. Несмотря на номинальное увеличение общего числа секретных агентов, их качественное соотношение изменилось не в лучшую сторону. Из 84 секретных агентов внутреннее наблюдение среди эсеров вели 11 человек (13,10 %), за РСДРП было закреплено всего лишь 3 человека (3,57 %), только 2 человека (2,38 %) вели наблюдение за ПСР и РСДРП одновременно. Сделаем некоторые предварительные выводы.

Во-первых, деятельность только 19, 85 % агентов непосредственно была связана с внутренним наблюдением за членами революционных партий, а это, более чем в 3 раза, ниже по удельному весу, нежели в 1908–1910 гг. Во-вторых, появляются новые направления в деятельности секретных агентов. Расширяется наблюдение полиции за настраениями рабочих, появляется агентура в гостиницах, торговых заведениях и войсках гарнизона, размещенного в Вологде. С другой стороны привычная “партийная” агентура стала вытесняться новыми формами, такими как сообщение сведений по какому-либо городу или в целом о деятельности политических ссыльных, проживающих в конкретном населенном пункте. Следовательно, изменение организационной структуры секретной агентуры в сторону расширения

сферы контроля над общественными настроениями было продиктовано желанием местной политической полиции укрепить существующую агентурную сеть, что на самом деле препятствовало реализации задач секретной агентуры как основного метода борьбы с революционным движением. Начальство ВГЖУ хотело решить возникшие проблемы путем не качественных, а количественных изменений. Сокращение доли “партийных” агентов и распыление новоприобретенных сотрудников по различным категориям местного населения, по нашему мнению, приводило к деградации самого метода внутреннего наблюдения как основного инструмента в борьбе с радикально настроенными политическими организациями.

Подведем некоторый итог вышесказанному. Секретная агентура в органах политического сыска начала XX века играла основную роль в организации процесса оперативно-розыскной деятельности, поэтому по уровню ее организации на местах можно было с точностью судить о состоянии политического сыска по России в целом. Преобразования, направленные на повышение эффективности работы политической полиции и проходившие по инициативе центральных органов власти, натолкнулись на пассивное сопротивление со стороны местных полицейских чинов, которые не желали проявлять самостоятельность в деле организации секретной агентуры как основного метода борьбы с революционно настроенными слоями общества. Относительный расцвет секретной агентуры пришелся на 1910-1911 гг., однако в это же время начали проявляться первые признаки ее будущего упадка. В данной статье мы рассмотрели только организационные предпосылки кризиса в сфере формирования и функционирования секретной агентуры на местах. Таким образом, основной предпосылкой кризиса, на наш взгляд является не только пассивность руководства местной полиции на этапе формирования агентуры (1906-1908 гг.), но и его просчеты в процессе дальнейшего функционирования секретной агентуры в 1911-1913 гг.

Примечания

¹ Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры, 1908 г. // [Сайт “Псевдология”]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Sysk/Instrukciya.htm>. (дата обращения: 25 апреля 2006 года).

² Отчеты начальника Вологодского ГЖУ в израсходовании денег на секретную агентуру за 1908-1913 гг. // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 316. – 1908. – Д. 412. – ч. 9; – 1910. – Д. 1. – ч. 14. – л. Е; – 1911. – Д. 1. – ч. 14. – л. 6.

³ Переписка начальника Вологодского ГЖУ с директором Департамента государственной полиции МВД о приобретении секретных

сотрудников, 1910-1911 гг. // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 316. – 1910. – Д. 1. – ч. 14. – л. Д; – 1911. – Д. 1. – ч. 14. – л. Д.

⁷ Положение “О районных охранных отделениях” // Перегудова З.И. Политический сыск России. – М., 2000. – С. 387.

А.А. Сухарев

Тюменский государственный университет

МЕРЫ К УЛУЧШЕНИЮ РАБОТЫ ТЮМЕНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ГЛАЗАМИ ЕГО РУКОВОДСТВА В 1920-1925-е ГОДЫ

Победа большевистской революции в России привела к становлению новой формы организации власти, воплощением которой явилась система Советов, охватившая всю страну. В Тюмени Городской Совет возник вскоре после Февральской революции и существовал до взятия города антибольшевистскими силами в июле 1918 года. Повторно он организуется в октябре 1920 года.

Правовое положение городских советов очерчивала Конституция РСФСР 1918 года. В 1920 г. ВЦИК принял “Положение о Советах”, которое детально регламентировало их деятельность, порядок созыва и принципы работы. На региональном уровне оно дополнялось “Инструкцией” 1922 г., принятой Тюменским губисполкомом. Согласно законодательству, горсоветы избирались ежегодно открытым голосованием, в котором могли участвовать все горожане, кроме “лишенцев”¹.

Новые органы местной власти объявлялись выразителями воли трудящихся масс, призваны были обеспечить их постоянную действенную связь с государством, хотя на практике этого не произошло. Одной из серьезнейших проблем, с которой постоянно сталкивался Тюменский горсовет, была низкая посещаемость заседаний и недостаточно активная работа депутатов. В представлении партийных и государственных деятелей именно это приводило к “неэффективности” Совета. Предлагаемые ими меры к улучшению работы депутатов можно разделить на несколько групп.

Первой из отмеченных попыток осмыслить положение Совета в первые годы установления большевистской власти в Тюмени является статья в местной газете А. Вадиковского, члена Тюменского губисполкома. В ней он пишет: “Куда идет у нас каждый рабочий, каждый гражданин, если ему что-нибудь нужно от Советской власти, от государственного учреждения? Куда хотите, только не в свой Горсовет. Он идет в Губсобес, в Губздрав, во всякий другой губотдел,

часто попадает не по адресу, в результате чего путается, сердится и ругает советские порядки”². Автор статьи видит причину сложившегося положения в неопределенности полномочий Совета и специально оговаривается, что дело не “персональных качествах”. Таким образом, достаточно было бы указать четкие задачи, и работа наладится. Но ни подобные призывы, ни издание в 1922 г. “Инструкции Тюменского городского Совета”, еще раз уточняющей права и полномочия этого органа власти, не могли изменить ситуацию.

В дальнейшем среди руководителей Совета стала преобладать точка зрения, согласно которой посещаемость и активность депутатов можно повысить репрессивными мерами — исключить “худших” из них. Мандатная комиссия (орган горсовета, занимавшийся учетом депутатов) в течение своей работы многократно принимала решения “провести чистку” и “применить крайние меры” к непосещающим заседания. Подобное отношение сложилось и к руководству секций (на которые делился Совет) — их стремились заменить³.

Также руководство Совета призывало депутатов к активной работе, вынося соответствующие резолюции по докладом некоторых секций, деятельность которых признавалась “слабой”. Однако это были декларации, не способные повлиять на ситуацию.

Таким образом, можно сделать вывод, что руководство Совета видело пути решения его проблем в исключении из его состава худшей части и разъяснении важного для жизни города значения этого органа власти. Причины столь поверхностной оценки можно видеть в недостаточной опытности и низкой степени подготовки к подобной деятельности этих людей. Другая и возможно более важная причина в том, что руководство и не считало нужным особое внимание уделять попыткам организационно усовершенствовать городской Совет в сложившихся условиях. Анализ позволяет выявить, что основные причины несоответствующего отношения депутатов к своим обязанностям состояли в значительной степени бюрократизации — центр политической жизни на местах в это время переместился в верхи. Депутатская масса лишь в малой степени могла влиять на ход обсуждения того или иного вопроса, зачастую молчаливо голосуя за принятые раньше в исполкоме или президиуме решения. Это порождало нежелание работать, осознание неспособности что-либо изменить, причем оба эти процесса были взаимосвязаны и усиливали друг друга.

Примечания

¹ ГАТО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 24 об.

² Трудовой набат. — 1921. — 25 августа.

³ ГАТО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 6.

СЕКЦИЯ
“ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ”

А.А. Лушников
*Пензенский государственный
педагогический университет*

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ
О ЯЗЫЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Языческая реформа, предшествовавшая крещению Руси, была попыткой решить религиозные противоречия в древнерусском обществе и, таким образом, является важной составляющей внутренней политики Владимира I. Поэтому данная проблема нуждается в комплексном исследовании и, прежде всего, в анализе письменных источников, так или иначе касающихся ее аспектов.

Основная трудность, с которой мы здесь сталкиваемся, заключается в том, что все свидетельства о религиозной политике Владимира I вышли из церковных кругов, которых, естественно, интересовала христианизация Руси и, позднее, задача почитания князя в лике святых, а не процессы, происходившие в славянском язычестве.

Наиболее полно данную реформу раскрывает Повесть временных лет (ПВЛ)¹. Ее запись об этом событии под 980 г. можно условно разделить на две части : первая — сообщение о том, что реформа представляла собой введение нового пантеона из пяти богов и установление им треб, во второй же части говорится, что киевское правительство в лице Добрыни попыталось распространить этот пантеон на Новгород. В Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи текст данного сообщения во всем повторяет варианты Лаврентьевского и Ипатьевского списков ПВЛ. Кроме того, в ней присутствует миниатюра, иллюстрирующая воздвижение по повелению Владимира идолов Перуна и других богов. На ней изображен сам князь, его слуги, а также холм, на котором стоит Перун в образе красного демона с копьем и щитом в руках, около Перуна — крылатые существа². В Никоновской летописи, как и наряду с другими сравнительно поздними летописями, пропущено “и осквернися земля Руска”³. Возможно, в оскверне-

нии кровью земли летописец имел ввиду принесение человеческих жертв.

В самой ПВЛ, кроме собственно записи о языческой реформе, содержится еще одно интересное сообщение под 1071 г. об одном волхве, явившемся в Киев и возвещающего о своем видении пяти богов⁴. П.П.Толочко, Я.Е.Боровский и Б.А.Рыбаков считали составляющими пантеон Владимира, основываясь, главным образом на материальном источнике — на фундаменте для пяти постаментов на капище Старокиевской горы, обнаруженном в 1975 г⁵. Но тогда появляется противоречие — в ПВЛ говорится о шести, а не о пяти богах. По Б.А.Рыбакову, “лишним” божеством был Семаргл, который мог быть лишь дополнительным рельефом на статуи богини Макоши⁶. Действительно, собакообразный Семаргл, заимствованный из иранской мифологии, отличался от остальных антропоморфных членов пантеона. Можно утверждать, что это божество не было столь популярно среди населения Киевской Руси, поэтому жрец в 1071 г. и говорил о пяти богах из пантеона Владимира и, таким образом, память об этой реформе сохранилась и до XI в.

Кроме того, довольно своеобразное описание языческой реформы находится в “Киевском синопсисе”, помещенном в особую статью “ПРО ІДОЛІВ”. Данная статья из “Синопсиса” схожа со статьей “О идолах Владимировых” из Пискаревского сборника (рукопись XVII в.) и в Густынской летописи⁷.

Своим источником южнорусские летописи имели польские хроники, в частности хронике Мацея Стрыйковского⁸. Интересно, что он различал “русских” богов и богов польских, а последних, наряду с первыми, автор “Синопсиса” описал как составляющих пантеон Владимира, создав тем самым большую путаницу.

Наряду с летописями память о языческой реформе отразилась в сказаниях и поучениях. Заслуживают внимания “Сказания о святых Борисе и Глебе” из Сильвестровского списка (XIV в.), где говорится, что о Владимире: “Слышите чудо исполнь благодати како вчера заповедаая всемь требу принести идоломь...”⁹. Впоследствии, уже после крещения Руси, самая важная составляющая данной реформы — распространение культа Перуна, выразилась в большом влиянии культа святых, так или иначе связанных с воинами и княжеской властью: Ильи Пророка¹⁰ и Григория Победоносца¹¹.

Таким образом, несмотря на христианскую и антиязыческую направленность письменных источников, они могут дать представление о языческой реформе Владимира и выявить его роль в истории Древней Руси.

Примечания

- ¹ ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. — С. 57. — М., 1928.
- ² Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание мини-атюр. — М., 1994. — Л. 45.
- ³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. — Т. 9. — М., 2000. — С. 41.
- ⁴ ПСРЛ. — Т.2. Ипатьевская летопись. — СПб., 1908. — С. 115.
- ⁵ Толочко П.П., Боровский Я.Е. Язичницько капище в “городи” Володимира/Археология Київа. Дослідження і матеріали. — Київ, 1979. — С. 3-10; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М., 1985. — С. 416.
- ⁶ Рыбаков Б.А. Указ. соч. — С. 416-445.
- ⁷ Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества. — Т. 2. — М., 1913. — С. 295-301.
- ⁸ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszystkiej Rusi. — Т. 1. — Warszawa, 1846. — С. 37-138 / Цит. по : І.В. Жиленко. Синопис Київський. Лаврський альманах / / Спецвип. 2. Синопис Київський. — Киев, 2002. — С. 180.
- ⁹ Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в. — СПб., 1860. — Л. 7.
- ¹⁰ Особенно это показывает текст службы св. пророку Или: РГА-ДА — Ф. 381 (Син. тип.). — № 260. — Л. 207-228.
- ¹¹ Святой и славный великомученик, победоносец и чудотворец Георгий (23 апр) // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. — Вып. 2. Славяно-русский пролог. — Ч. 2. Январь-апрель. — СПб., 1898. — С. 70-71.

П.О. Зелюков

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СЕМЕНА ПОПОВА КАК ПРИМЕР ОТРАЖЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Несмотря на расхожее мнение о Вятке как символе провинциальной отсталости, нашедшее свое наиболее апофеозное изображение в “Истории одного города” М.Е. Салтыкова-Щедрина, в этом городе рождались и жили свои “великие”, к которым, безусловно, мы можем отнести выдающегося вятского книжника Семена Федоровича Попова.

Основные штрихи к биографии С. Попова наметил в начале XX века вятский краевед А.С. Верещагин¹. По переписным книгам он установил, что Семен Попов родился около 1656 года. Его отцом был дьячок Хлыновского Богоявленского собора Федор Исаков Поповых². Вслед за отцом, Семен Попов занял должность дьячка того же Богоявленского собора. Он неоднократно жертвовал на хлыновские храмы, в т.ч. в 1709 г. целых 8 рублей. По мнению А.С. Верещагина это была очень внушительная сумма, выше которой могли дать немногие обеспеченные жители города³. И Федор и Семен Поповы, несомненно, были известны Вятскому епископу Ионе Баранову, и *“вращались около верхних слов современного им хлыновского духовного мира и, конечно, были хорошо осведомлены о событиях в этом мире”*⁴. Известно, что Семен Федорович дважды становился бурмистром Хлынова, т.е. городским головой. Скончался Попов между 1715 и 1717 гг.⁵, т.е. в самый разгар Северной войны, когда петровские преобразования особенно ощутимо стали проникать в русскую провинцию.

Верещагину удалось доказать, что именно С.Ф. Попов был автором одного из замечательнейших произведений местного летописания на Вятке – “Вятского Временника”⁶.

Семену Попову принадлежит составление таких памятников историко-религиозного содержания как “Сказание о Царевоконстантиновой церкви в Хлынове”, “Повесть о чудесах, исходящих от чудотворного Нерукотворного Образа Спаса нашего Иисуса Христа в граде Хлынове на площади во святом храме Его” и ряд других⁷.

Новая страница в изучении жизни и деятельности Семена Попова была открыта в начале XXI века и связана с выходом в свет книги известного американского исследователя Даниэля Кларка Уо “История одной книги”⁸ и обнаружением им в 1991 году в Ташкенте Анатолевского сборника, принадлежавшего Семену Попову.

На основе анализа Анатолевского сборника, названного Уо “Вятской книгой”, он пришел к выводу что Семен Попов имел преимущественно религиозные литературные интересы, что было закономерно для жителя России рубежа XVII-XVIII столетий⁹. Материалы в сборнике подобраны в соответствии с религиозными взглядами его владельца. Попов знал и читал “типичные” книги церковных библиотек своего времени: Апостол, Евангелие, Толкования святых отцов, Пролог и “Скрижаль”. Попов интересовался библейской историей и историей главных русских церковных деятелей и монастырей. Как для любого из людей того времени, для него не существовало противоречий между “светскими” и “религиозными” книгами. Он был убежден в пользе духовного развития, потому-то и читал книги как светского, так и религиозного содержания.

По мнению Уо, Семен Попов является также наиболее вероятным автором самого известного летописного памятника Вятки – Повести о стране Вятской (*далее – ПСВ*), которая была написана в контексте провинциальной реакции на централизующую политику церкви и правительства в начале XVIII века. Одновременно в кругу интересов Семена Попова находились и события современности – в составе его библиотеки содержались петровские указы, ведомости и большое количество петровских панегириков¹⁰.

Таким образом, исторические взгляды Семена Попова формировались под влиянием двух противоречащих традиций – консервативного самосознания вятчан и прогрессивных мер Петра I. В основе исторических сочинений Семена Попова лежала идея обоснования права русской провинции на самобытность и равноправие по сравнению с Москвой, что подтверждает образ самосознания вятчан, изображенный в ПСВ и “Повести о явлении иконы св. Николая”: Вятчане выше других в моральном отношении. Они являются хранителями традиций независимости и законного политического порядка. Для них важен принцип выборности местной администрации. То, что все это результат Божьей воли, доказывается на примере истории покорения Вятской земли. Вятка – земля обетованная, в центре которой стоит богоспасаемый город Хлынов. Его благосостояние гарантировано первыми русскими святыми и главной местной святыней – чудотворной иконой св. Николая Великорецкого. Население объединено участием в ежегодных празднованиях – крестных ходах в честь местных святых. Эти мероприятия укрепляют чувство единства вятского общества и подчеркивают идею о территории самой “Вятской страны”¹¹.

Семен Попов, вятский церковник, работал на новый строй Петра, интересовался последними известиями с фронта и панегириками в барочном стиле, читал о далеких странах, но и в тоже время оставался местным патриотом, для которого суть местного самосознания лежала в святости Вятки.

Примечания

¹ Временник, еже нарицается Летописец Российских Князей, како начася в Российской земле княжение и грады утвердишися. Публ., прим. А.С. Верещагина // Труды ВУАК. – Вятка, 1905. – Вып. 2. – Отд. 2. – С. 1-98.

² Там же. – С. 90.

³ Там же. – С. 92.

⁴ Там же. – С. 93.

⁵ Мусихин А.Л. “Повесть о стране Вятской” в свете новых исследований и открытий. Прочитано: 24 октября 2006 г. в Кировской об-

ластной универсальной научной библиотеке им. А.И. Герцена, г. Киров. — С. 6.

⁶ Верещагин А.С. Временник... — С. 78.

⁷ Там же. — С. 94-95.

⁸ Уо Д.К. История одной книги. Вятка и “не-современность” в русской культуре петровского времени. — СПб., 2003.

⁹ Там же. — С. 37-38.

¹⁰ Уо Д.К. Доклад на презентации книги “История одной книги: Вятка и “не-современность” в русской культуре Петровского времени”, Киров, 3 июля 2003. Не опубликовано.

¹¹ Уо Д.К. История одной книги... — С. 249.

Е.О. Кусакин

Самарский государственный университет

ПОРТРЕТ В. Н. ТАТИЩЕВА КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Свое научное исследование я посвятил Василию Никитичу Татищеву — известному государственному деятелю и знаменитому историографу петровских времен. Мое исследование посвящено Татищеву, как государственному деятелю и потому **цель** моего исследования — составить полноценную картину Татищева как “государевого мужа”.

О людях, родившихся в XVII веке, мы, как правило, знаем очень мало. Сухие записи о прохождении службы — почти все, что известно о служилом человеке. Василий Никитич Татищев родился в 1686 году в Псковском уезде. Татищевы принадлежали к ветви князей смоленских, однако этот род давно захудал. Детские годы Татищева протекали “на службе” при царском дворе. Соприкосновение в детстве с верхами государственной системы оказало влияние на формирование мировоззрения Василия Никитича. В конце 17 — начале 18 века Татищев вместе со своей семьей живет в родовом поместье под Псковом. Ребенком он наблюдал судебные процессы, проводившиеся городским управлением Пскова. Эти наблюдения использовались им позднее для противопоставления псковского самоуправления и новгородской анархии. В год поражения под Нарвой семья Татищевых все еще находилась под Псковом. Начавшаяся война требовала ускоренного обучения недорослей, коим являлся Татищев. В армии, где выше всего ценилась исполнительность, Татищев чувствовал себя неудобно. Деятельная натура Василия была чужда этому принципу. К тому же Татищев принадлежал к тому небольшому кругу дворян, чья подготовка превышала курсы открываемых училищ. Но все же она не удов-

летворяла требованиям, которые в будущем могла ему предъявить служба. Поэтому Татищев пользуется любой подходящей возможностью для того, чтобы пополнить свои знания.

Офицер Татищев выделялся на фоне своих сверстников. Неоднократно оказывался он и в поле зрения Петра. Пути их пересеклись в Полтавской битве. После Полтавской битвы полк Татищева был передислоцирован в Киев. Здесь он сдружился с киевским воеводой Голицыным — будущим лидером “верховников”. В 1712 году Татищев был повышен в чине и отправлен “за моря капитаном для присмотрений тамошняго военного обхождения”.

Ненадежность иноземных офицеров остро поставила проблему подготовки высших отечественных кадров. Одним из них должен был стать молодой Василий. С 1714 года служба Татищева проходит под руководством Брюса. В 1717 году Татищев успешно проходит очередной экзамен. Теперь он — капитан-поручик. В последующие два года Татищев собирает необходимую информацию для составления общей географической карты России. В 1720 году Татищев получил назначение на Урал “для устройства промышленности и разыскания руд”. Прибыв на место, Татищев завел порядки, совершенно необычные для здешних мест, поощряя инициативу рабочих денежным вознаграждением, тем самым, вызвав неудовольствие местных верхов. На Татищева сыпались обвинения во взяточничестве и превышении полномочий. Наконец, в 1723 году, по убедительным просьбам чиновников и промышленников (в том числе Демидовых), Петр отозвал Татищева с Урала. Итогом “Уральской миссии” Татищева стало интенсивное и экстенсивное развитие металлургической базы региона, улучшение условий труда рабочих. В 1724-1726 годах Татищев находился в Швеции, где изучал экономику и финансы этой страны. В последующие годы Татищев руководил Монетной конторой, где разработал рекомендации для правительства по стабилизации денежного обращения в стране. Татищев принимал активное участие в событиях 1730 года. Чрезвычайно активный и неуживчивый, Татищев и в годы руководства денежным делом нашел себе врагов: его обвинили во взяточничестве и с 1734 года он был под судом. Затем его снова послали на Урал. В 1737-1739 годах он возглавлял Оренбургскую комиссию, затем — Калмыцкую комиссию, а в 1741-1745 годах был Астраханским губернатором. В 1745 году его отстранили от должности, и последнее пятилетие он провел вновь под угрозой суда. По семейному преданию, за день до смерти курьер доставил ему известие о снятии всех обвинений. Такова краткая биография Василия Никитича Татищева. Очевидны те основные принципы, которыми он руководствовался в государственной службе (согласно его Духовной): 1) Служи не ради государя, но ради страны; 2) Обличая пороки дру-

гих, не забывая об опасности иметь собственные и потому постоянно стремись сохранить незапятнанность репутации; 3) Мечтая о государственной службе, постоянно учись, не пренебрегая ничем – все пригодится; 4) Работай честно, спрашивай с подчиненных строго, но не забывая о причитающихся им вознаграждениях.

Главные результаты государственной службы Татищева заключаются в следующем: 1) была собрана ценная информация по картографии и геодезии; 2) был заложен фундамент крупной промышленности на Урале; 3) было положено начало улучшения условий труда рабочих; 4) Татищев способствовал централизации экономической власти в руках центрального аппарата управления Российской империи; 5) он создал труд “История Российская с самых древнейших времен” в пяти книгах, в котором впервые в российской историографии постарался систематизировать историю России.

Примечания

¹ Гордин Я.А. Хроника одной судьбы (жизнеописание В.Н.Татищева). – М., 1980.

² Кузьмин А.Г. Татищев [серия ЖЗЛ]. – М., 1981.

³ Попов Н.В. Татищев и его время. – М., 1861. [Репринтное издание].

⁴ Татищев. В.Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. – СПб., 1979.

К.Д. Бугров

*Уральский государственный университет
им. А.М. Горького*

“САМОДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ” В “УМЕРЕННОЙ МОНАРХИИ”: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РЕФОРМАТОРСКОГО ПРОЕКТА Н.И. ПАНИНА 1762 г.

В историографии до сих пор нет единства мнений относительно реформаторского проекта Н.И. Панина 1762 г. о создании Императорского совета и реформе Сената¹. Большинство исследователей рассматривает его как заимствование из шведской политической теории и практики “Эры Свобод”, ссылаясь на мемуары Е.Р. Дашковой². В этой связи политические предпочтения Панина обычно характеризуются как “конституционалистские”, а сам проект – как замаскированная попытка ограничения императорской власти³. Реализация этих про-

ектов предположительно “продвинула бы Россию по направлению утверждения правовых законных отношений”⁴.

Механизмами скрытого ограничения власти монарха, как правило, считаются отсутствие в проекте 1762 г. четкого порядка смещения императорских советников и статских секретарей, а также необходимость “контрассигнирования” всех исходящих распоряжений статскими секретарями⁵. Аргументом в пользу ограничения характера проекта Панина служат сообщения французского посла Л. де Бретейля, по мнению которого члены Совета имели пожизненный статус и могли быть смещены только “полным собранием (corps) Сената”⁶.

Однако “контрассигнирование” вряд ли могло быть использовано императорскими советниками для саботажа решений монарха, поскольку советники были обязаны подписывать протокол с резолюцией уже *на следующий день* после обсуждения. Сама концепция Совета предполагала, что решения выносятся *монархом* (“за его собственноручным подписанием”) по итогам *дискуссии* – Панин сознательно отказался от принятия решений в Совете большинством голосов⁷. Предполагаемое право статских секретарей блокировать решения монарха означало бы превращение роли императорских советников, не являвшихся статскими секретарями, в номинальную. Наконец, специально включенный Паниным пункт о необходимости для секретарей быть достаточно здоровыми для активной работы позволяет предположить, что советники могли лишаться поста, например, по состоянию здоровья (возможно, этот пункт был направлен специально против А. Бестужева-Рюмина). Сообщение Бретейля о ведущей роли Сената не подтверждается другими источниками, что заставляет задаться вопросом: мог ли посол державы, к которой придерживавшийся ориентации на Англию Панин относился критически, располагать достоверной информацией?..

По нашему мнению, проект Панина не предполагал перераспределения властных прерогатив монарха в пользу коллективных органов. Об этом говорит тот факт, что Панин сознательно отказался от принципа голосования при обсуждении вопросов в Совете. В то же время, шведский конституционный акт 1719 г. – предполагаемый источник заимствований – впрямую характеризовал принцип большинства голосов в риксроте как гарантирующий “самое безопасное и самое лучшее решение”⁸. Но в проекте Панина коллективным органом высшего уровня должен был выступать Сенат, наделенный пассивным “правом представления” на вновь принимаемые законы.

Итак, Н.И. Панин не опирался на республиканскую политическую традицию шведской “Эры Свобод”. По-видимому, куда большее влияние на него оказала концепция “умеренной монархии” Ш. Монтескье, предполагавшей относительную независимость судебной вла-

сти от монарха⁹. В рамках этой концепции регентство, симпатии к которому испытывал Панин, означало не ослабление власти монарха, а ее укрепление в долгосрочной перспективе — твердый порядок престолонаследия считался важнейшим гарантом стабильности монархии. Однако в трактате “О духе законов” Монтескье именно такой порядок и называет “фундаментальным законом”¹⁰. “Конституционализм” Панина, таким образом, оказывается ближе к тому, что в XIX в. получит название легитимизма...

По-видимому, Панина беспокоила не столько отсталость политической системы страны, сколько политическая нестабильность, обусловленная отсутствием “фундаментального закона” в значении, указанном выше. Гарантией стабильности должно было стать рациональное самоограничение императорской власти, сохранявшей при этом свой “самодержавный” (т.е. “суверенный”) статус. Подобное самоограничение подразумевало независимость судебной¹¹ (в широком смысле — “исполняющей законы”) власти, представленной Сенатом, который в позднейших проектах Панина начала 80-х гг. XVIII в. предстает уже как выборный орган власти...

Таким образом, проекты Панина вряд ли стоит считать конституционной альтернативой политически отсталому российскому “самодержавию”. Скорее, следует говорить о различиях в актуализации ключевых концептов, таких, как “самодержавство”, “закон” или “вольность” в среде российской элиты середины XVIII в. Реформаторские стратегии отдельных представителей элиты были нацелены на обеспечение стабильности, законности и безопасности империи, однако представления о конкретных механизмах и путях достижения этих целей могли существенно различаться.

За понятием “ограничение власти монарха” мог скрываться целый комплекс оттенков, причем далеко не все они соответствовали “классическому” конституционализму XIX в. “Ограничение” же могло пониматься не только как перераспределение суверенных полномочий, но и как самоограничение “самодержавного” суверена с помощью законодательной экспертизы консультативного совета.

Примечания

¹ Этот проект был опубликован императорским Русским историческим обществом (Сборник Императорского русского исторического общества. — Т. 7. — СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1871).

² Дашкова Е. Р. Записки, 1743–1810. — Л., 1985. — С. 34.

³ См.: Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. — Казань: Типография Императорского университета, 1891; Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая ис-

тория России XVIII–XIX веков и Вольная печать. – М.: Мысль, 1973; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1983; Вдовина Л.Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. – М., 1995; Писаренко К.А. “Несколько дней из истории уединенного и приятного местечка” // Иванов О.А., Лопатин В.С., Писаренко К.А. Загадки русской истории. Восемнадцатый век. – М.: Древлехранилище, 2000; Минаева Н.В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории. – № 7. – 2001; Каррер д’Анкокс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. – М.: РОССПЭН, 2006.

⁴ Ибнеева Г.В. Борьба мнений вокруг проекта Императорского совета Н.И. Панина // Ученые записки Казанского гос. ун-та. – Т. 134. – Казань: Унипресс, 1998. – С. 105.

⁵ Ransel D. The politics of Catherinian Russia: The Panin’s Party. – Yale, 1975.

⁶ Бретейль в депеше руководителю внешней политики Франции герцогу Шуазелю сообщал о том, что члены совета, “избираемые императрицей, были постоянно несменяемыми в своей воле. Таким образом, в случае растрат они не могут быть судимы и смещены с должностей никем, кроме полного корпуса Сената. Несмотря на посягательство Совета на власть императрицы, эта государыня позволила себя убедить и была готова разделить свою власть с подданными...” (Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 140. – С. 151) Интересно, что год спустя французский поверенный в делах Беранже сообщал в Париж, что Панин потерял в доверии у императрицы из-за своих “*республиканских* (курсив наш. – К.Б.) идей” (Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 140. – С. 251)

⁷ Следует напомнить, что Панин вообще отрицательно относился к принятию решений большинством голосов. См., например: Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 57. – М.: Универс. типография, 1887. – С. 227; Мнение Н. И. Панина, вице-канцлера Остермана и всех членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел о направлении внешней политики России, с характеристикой внешнеполитических отношений Англии к державам Северного союза. 5 авг. 1779 г. Копия. РГАДА. – Ф. 1274 “Панины – Блудовы”. – Оп. 1. – Ед. хр. 131. – Л. 12–15.)

⁸ Sveriges regeringsformer 1634-1809 samt konungaförsäkringar 1611-1800. Emil Hildebrand, P.A. Norstedt & Söners Förlag. – Stockholm, 1891.

⁹ См. об этом: Mosher M. Monarchy’s Paradox: Honor in the Face of Sovereign Power // Montesquieu’s science of politics: Essays on the Spirit of Laws. Imprint Lanham, Md, 2001.

¹⁰ Именно в таком значении понятие “фундаментальный закон” позднее употребит и брат Н.И. Панина, генерал П.И. Панин, предлагая Павлу Петровичу проект манифеста, посвященный установлению твердого порядка престолонаследия (РГАДА. — Ф.1. — Ед. хр. 17. — Л. 117-119). Да и сам Павел Петрович в конспекте беседы с Н.И. Паниным, сделанным за несколько дней до смерти своего наставника, писал о порядке наследования трона, “без которого ничего быть не может; которой и есть закон фундаментальной” (РГАДА. — Ф. 1. Ед. хр. 57. — Л. 1).

¹¹ В поздних проектах Панина и его единомышленников (80-е гг. XVIII в.) Сенат будет впрямую определен как “высший судебный трибунал”. Следует заметить, что глава о политическом устройстве Англии трактата Монтескье “О духе законов”, ставшая классикой теории “разделения властей” говорит о двух родах власти — “законодательной” и “исполнительной”, которая, в свою очередь, делится на собственно исполнительную и судебную. Сходным образом и Панин различал “власть законодательную и власть законы хранящую и их исполняющую” (РГАДА. — Ф. 1. — Ед. хр. 57. — Л. 1).

С.С. Кочережко

Самарский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ЕКАТЕРИНЫ II К ВОССТАНИЮ Е.И. ПУГАЧЕВА

Основой данного исследования послужил ряд источников, опубликованных во второй половине XIX в. под общим названием “переписка”. В их число входят: законодательные документы Екатерины II (рескрипты и манифесты), официальная переписка императрицы (с московским губернатором М.Н. Волконским, комендантом Казани П.С. Потемкиным, генералом А.И. Бибиковым, графом П.И. Паниным, прибалтийским генерал-губернатором Ю.Ю. Броуном), а также её личная переписка (с Вольтером и госпожой Бьельке).

В настоящей статье мы остановимся на двух основных вопросах: периодизации отношения императрицы к восстанию, а также на тех явлениях, которые, по её мнению, сделали бунт возможным.

1. Периодизация отношения Екатерины к восстанию. В историографии, как правило, представляется *политическая* периодизация данной темы, критерием которой служит стратегия подавления восстания, определяемая Екатериной. Ее минусом является то, что личная позиция Екатерины не разграничивается от позиции правительства и подменяется политикой по подавлению бунта.

В результате изучения указанных источников было выделена другая периодизация — *личностная (психологическая)*. Ее критерий — оценка Екатериной степени опасности восстания. В этом случае отношение императрицы к бунту представляется в виде нескольких волн — обострения опасений и их спада.

Середина октября — конец ноября 1773 г. В этот период первые вести о восстании только достигли Петербурга, который только отходил от празднования свадьбы царевича Павла (13 октября Екатерина пишет черновой рескрипт генералу Кару¹). Екатерина и правительство недооценили всю потенциальную опасность восстания на Яике по двум причинам: во-первых, Екатерина привыкла тому, что её царствование с самого начала сопровождали различные социальные недовольства, поэтому восприняла вести об очередном волнении казачков как рядовое явление для того времени; а во-вторых, её отвлекали более важные события — внешние (русско-турецкая война) и внутренние (смена фаворитов, совершеннолетие Павла).

Конец ноября 1773 — начало января 1774 г. Первый период крупных опасений императрицы по поводу восстания. После разгрома пугачёвцами корпуса генерала Кара Екатерина поняла, что справиться с восстанием будет непросто. Она была крайне недовольна действиями Кара (“худым поведением генерал-майора Кара дела там более испорчены нежели поправлены”²) и запретила ему появляться в столицах во избежание распространения слухов. 29 ноября Екатерина назначает главнокомандующим кампанией по подавлению восстания генерал-аншефа А.И. Бибикова, в рескрипте которому оценивает опасность восстания: от “возрастающих теперь беспокойств”³ под угрозой оказалось “общее империи благо, безопасность, да и самая целостность оной”⁴.

Январь — февраль 1774 г. Период спокойной атмосферы в Петербурге и уверенности императрицы в силах правительственных войск, связанный с тем, что с января 1774 г. войска Бибикина перешли в наступление на широком фронте от Казани до Самары, тесня повстанческие отряды к востоку⁵. Видя, что “дел тамошних состояние обращается к лутшему”⁶, Екатерина ожидает скорого подавления бунта (“пора кончить, чего все с нетерпением ожидаем”⁷).

Март — апрель 1774 г. Второй период обострѐнных волнений Екатерины по поводу восстания. Императрица пишет, что “дела не шущее меня веселят”⁸, а связано это было с двумя главными событиями: с опасениями за Сибирь (“сей край очень опасен”⁹) и со смертью Бибикина.

Май — середина июля 1774 г. — вновь период спада напряжѐнности и относительной стабилизации. В этот период императрица живет известиями об успешных операциях подполковника И.И. Михельсона, который “гонялся за Пугачевым от завода к заводу”¹⁰.

20-е числа июля 1774 г. – период наибольших волнений (почти паники) императрицы, связанный с предполагаемым походом пугачёвцев на Москву. 23 июля Екатерина получила две новости: о заключении Кючук-Кайнарджийского мира и о взятии Пугачёвым Казани. С этого момента главной головной болью императрицы становится Москва: Екатерины стягивает войска “откуда только можно было к подкреплению”¹¹ к Москве; берёт на себя расходы по подготовке карательных отрядов; в письмах к М.Н. Волконскому даёт ему рекомендации по организации обороны Москвы; даже сама хотела поехать в Москву для поднятия духа народа, но придворные круги уговорили её остаться в Петербурге. Представить ту опасность, которую восстание представляло с точки зрения императрицы, может цитата из письма к М.Н. Волконскому от 28 июля 1774 г.: “Боже дай, чтобы все сие в скором времени прекратилось, в чём и надежду имею на его святую волю”¹².

С самого конца июля 1774 г. и до самого суда над Пугачёвым – постепенное ослабление волнений Екатерины, обусловленное хорошими вестями с внутреннего фронта: во-первых, Пугачёв изгнан из Казани и не идёт на Москву, а во-вторых, Екатерина узнаёт о готовности казаков выдать Пугачёва. Уже 2 августа Екатерина пишет: “бездельства и бездельники кажется что приближаются к концу”¹³, а с октября 1774 г. Екатерина говорит о подавлении восстания как о завершённом процессе (“мерзкая сия историю славу империи повреждающая тем самым пресекалась”¹⁴). Последнее обострение волнений Екатерины по поводу восстания проявилось 21 августа, когда стало известно, что Пугачёв взял Саратов, но не было ясно, куда он направится дальше.

2. Преимущественно в последний период складывается теоретическое осмысление Екатериной восстания, в частности, *ее мнение о явлениях, которые сделали бунт возможным*. Как и следственная комиссия по делу Пугачёва, Екатерина (говоря современным языком) различает предпосылки бунта (то, что делало восстание возможным и успешным) и его причины (то, что делало восстание неизбежным). Если причина – это сам Пугачёв и казачество, то предпосылкой Екатерина выделяет 4 (с ними-то и нужно бороться центральной власти), причем делает это достаточно прагматично:

1) **Неграмотность и невежество населения**, из-за которых, с точки зрения императрицы, “чернь” была подвержена “ослепению” призывами бунтовщиков и фигурой “Петра III” и двигалась “одним бурным фанатизма духовного или политического вдохновением и помрачением”¹⁵.

2) **Безделье и бедное состояние народа**. Борься с ним Екатерина предлагает тем, что сейчас называется “социальные работы”: она предписывает властям города, “где голод наивящий есть, рыть ров, и пла-

тить за сие не токмо деньгами, но и хлебом”, что позволит избежать социальных конфликтов и сбегания народа из города¹⁶.

3) Пороки местных властей (взяточничество, пристрастное правосудие, слабость и глупость), а также плачевное состояние местных гарнизонов.

4) Наличие взрывоопасного материала в районах восстания: нерусские народы (особенно, башкиры и киргизы), а также беглые крестьяне, раскольники и казачество.

Таким образом, отношение Екатерины к восстанию имело три пика взволнованности и полностью определялось информацией, поступавшей с внутреннего фронта. Определённые императрицей “предпосылки” восстания достаточно объективны (за исключением того, что Екатерина в исследованных источниках не рассуждала о крестьянском вопросе).

Примечания

¹ Черновой рескрипт на имя генерала-майора Кара, писанный рукою князя Потемкина, об усмирении пугачёвского бунта от 13 октября 1773 г. // Сборник РИО. – Т. XIII. – С. Петербург, 1874. – С. 363.

² Письмо Екатерины II князю М.Н. Волконскому от 1 декабря 1773 года // Осьмнадцатый век – Кн. 1. – М., 1868. – Док. № 81. – С. 102.

³ Рескрипт Екатерины II А.И. Бибикову от 29 ноября 1773 г. // Сборник РИО. – Т. XIII. – С. 370.

⁴ Там же. – С. 367.

⁵ Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачёва. – М., 1980. – С. 96.

⁶ Письмо Екатерины II к А.И. Бибикову от 9 февраля 1774 г. // РА. – 1866. – Вып. 3. – Стб. 391.

⁷ Письмо Екатерины II к А.И. Бибикову от 16 февраля 1774 г. // Там же. – Стб. 395.

⁸ Письмо Екатерины II к А.И. Бибикову от 15 марта 1774 г. // Там же. – Стб. 398.

⁹ Письмо Екатерины II к А.И. Бибикову от 7 марта 1774 г. // Там же. – Стб. 396.

¹⁰ Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М., 2002. – С. 399.

¹¹ Письмо Екатерины II П.С. Потемкину от 23 июля 1774 г. // РС. 1875. – Т. 13. – № 5. – С. 118-119.

¹² Письмо Екатерины II князю М.Н. Волконскому от 29 июля 1774 года // Осьмнадцатый век. – Кн. 1. – Док. № 102. – С. 113-114.

¹³ Письмо Екатерины II к князю М.Н. Волконскому от 2 августа 1774 г. // Там же. — Док. № 107. — С. 118.

¹⁴ Собственноручное письмо Екатерины II П.И. Панину от 3 октября 1774 г. // Сборник РИО. — Т. VI. — С. Петербург, 1871. — С. 154.

¹⁵ Рескрипт Екатерины II А.И. Бибикову от 29 ноября 1773 г. // Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. — С.-Петербург, 1862. — С. 40.

¹⁶ Собственноручное письмо Екатерины II П.И. Панину от 20 ноября 1774 г. // Сборник РИО. — Т. VI. — С. 183.

Р.Е. Стайцов

Нижегородский государственный университет

М.П. ПОГОДИН И ВОЛНЕНИЯ В ВАРШАВЕ 1861 г.

На рубеже 50–60-х гг. XIX в. заметное место не только во всероссийской, но и в международной политике занял польский вопрос, на который у известного историка М.П. Погодина (1830–1875) был особый взгляд еще в предыдущие десятилетия. Реагируя на восстание 1830–1831 гг., Погодин в статье “Исторические размышления об отношениях Польши к России”¹ доказывал законность приобретений России во время разделов Польши и историческую обусловленность соединения двух государств. В своих отчетах министру Уварову о путешествиях по славянским местам в 1839 г. и в 1842 г., Погодин рекомендовал престолу встать на путь предоставления Польше культурной автономии, не ограничивая, а с помощью просвещения поощряя, развития ее языка, истории, культуры². Публицистическая деятельность в период Крымской войны 1853–1856 гг. увенчалась созданием общественно-политической программы, в которой нашли отражение взгляды историка на злободневные внешнеполитические и внутренние проблемы российского государства. Не был обделен вниманием и польский вопрос, которому отдельно были посвящены три статьи: две в 1854 г., и одна в 1856 г. В “Письме о Польше” 1854 г., отношения России со своей западной провинцией рассмотрены Погодиным через призму панславистских убеждений. Создание Славянского союза кажется ему гораздо выгоднее объединения с Польшей, которую необходимо отделить от себя и возратить политическую самобытность в пределах польского языка. Будущее России видится Погодину грандиозным, а значит, Польша сама попросится в счастливую коалицию славян³. Текущее после Парижского мира положение дел в Европе рушило все честолюбивые планы по созданию Славянского союза во

главе с Россией. Это не могло не отразиться и на отношении историка к польскому вопросу. В конце 1856 г. им была написана “Записка о Польше”. Считая недопустим ограничение свободы другого народа, пока в России не решатся внутренние проблемы, Погодин выступает за предоставление полякам прав на самоуправление, что позволит излечить все болезни России. Погодин не ограничивается общими рассуждениями, а обозначает “новаторскую и сверхлиберальную для своего времени программу”⁴ так называемых “предварительных мер”, реализация которых, как ему казалось, могла бы приблизить осуществление проекта “автономной Польши в пределах польского языка”⁵. Не услышанный в годы Крымской войны, предчувствуя будущие “потрясения в Европе”⁶, в 1859 г. Погодин в статье “Польша и Россия” высказывается за необходимость более тесных контактов между Россией и Польшей, отводя вопросу о возможной автономии Царства Польского второстепенное место. Таким образом, новое десятилетие историк встречал с мрачными предчувствиями по поводу разрешения русско-польских недоразумений, ожидая беды, постепенно отказываясь от идеи самоуправляемой Польши.

Политическая атмосфера в Польше в начале 1860-х гг. действительно накалилась. “21 февраля 1861 г. в Варшаве открылся съезд “Земледельческого общества” для обсуждения крестьянского вопроса. Контраст между предстоящими реформами в России, о которых распространялось уже много толков, и отсутствием какой-либо реформы в Царстве Польском должен был броситься в глаза. 25 февраля революционная молодежь по случаю годовщины Гроховской битвы 1831 г. организовала манифестацию, которая была разогнана войсками и полицией. В то же время революционные кружки решили организовать демонстрацию со специальной целью оказать давление на “Земледельческое общество”. Демонстрация 27 февраля 1861 г. окончилась трагически. Войска открыли огонь по народу”⁷.

Погодин, узнав о польских событиях, со злорадством записал в своем дневнике: “В Варшаве смятение. Ну что, дождались!”⁸ Последняя реплика была явно адресована русскому престолу, игнорировавшему на протяжении многих лет предложения своего верного сторонника. Погодин пишет “Послание к полякам”, сопровождая его следующей аннотацией: “это послание написано тотчас по получении в Москве первых телеграмм о беспокорствах варшавских. Написав впопыхах, после я стал думать: во-первых, пускать ли ее в ход, чтоб не оскорбить поляков; а во-вторых, какие найти средства для печатания. Вдруг известия о новых смятениях. Письмо мое, следовательно, опоздало: в таком шуме, при таком воздействии страстей, тихий, спокойный голос кто расслышит? Я печатаю свою статью дома: пусть она, в настоящие решительные минуты истории русской и польской, станет свидетельством русских неофициальных мыслей”⁹.

Погодин, прежде всего, недоумеает по поводу происходящего в Польше: “решаюсь обратиться к Вам с искренним словом, дорогие славянские братья. Мы, русские, услышали с горечью о волнениях обнаружившихся в Варшаве. Какое время выбрано для этих искусственных волнений, называемых на западном языке, демонстрациями? То время, когда *общий наш Государь* (курсив мой. — Р.С.), только что приводел к концу, одно из величайших преобразований — освобождение крепостных русских крестьян. Как же Вы не разочли, что за таким громадным преобразованием непременно должны последовать другие, тесно и органически с ним связанные!”¹⁰ Удивленный действиями поляков, Погодин переходит к осуждению, порицая, как и раньше за чрезмерную надежду на Запад. “Да, Вы увлеклись братья, как увлекались часто. На Запад, повторю в десятый раз, ни Вам, ни нам надеяться нечего. Запад будет действовать полезнее для себя, а не для нас, не для поляков, не для Славян”¹¹.

Мнения о восстановлении прежних границ, все более распространяемые среди поляков, вызвали негодование историка. “Спорный, затруднительный вопрос между нами есть вопрос о границах. Мысль моя об этом прошла через разные фазы, начиная с 1831 года. В последнюю минуту пришло мне в голову следующее предположение. Представим себе, что Польша есть сильное, самостоятельное государство, владеет и Силезией, и Познанью, и Галицией, вплоть до Киева и Смоленска, ну хоть Киевом и Смоленском.... Неужели, мы русские оставили бы за Вами все эти Ваши завоевания беспрекословно? Неужели мы покинули бы своих братьев, русских? Нет, мы схватились бы за оружие, и освободили бы их, во что бы то ни стало. Вы же хотите желать не только собственного освобождения, но еще чуждого завоевания — мечтать не только о невозможном, но и несправедливым”¹².

В свете вышеизложенного данная статья показательна тем, что представляет взгляд Погодина на вопрос о границах, в тот период, когда притязания поляков, пусть еще никак не оформленные стали угрожать искони русским областям¹³. В “Послании к полякам” Погодин не ограничивается ссылками на силу России-гиганта по сравнению с Польшей-карликом, предлагая абстрагироваться от географических границ в вопросе сосуществования двух славянских народов, переводя разговор в плоскость целесообразности русско-польского союза. “Польша и Россия — это сила, необоримая в Европе! Ее то и боятся все друзья и недруги, Ваши и наши! Польша и Россия — неужели это звучит хуже, чем Польша и Саксония, чем Польша и Пруссия, даже Польша одна?”¹⁴

В заключение Погодин определяет цель своего сочинения как намерение “убедить Вас (т.е. поляков. — Р.С.), чтобы Вы удержали свои

порывы, чтобы Вы не подавали Европе повода лукаво указывать России на Польшу, чтобы Вы оказали помощь и доверие доброму сердцу Александра II. Иногда бездействие бывает лучше действия, точно как, в молчании слышится громовое красноречие”¹⁵. Как показали, все последующие события, цель, поставленная Погодиным, была несущественна. Что касается, тех задач, которые были намечены историком: первая — не оскорбить и не обидеть поляков, была выполнена отчасти (“милые, добрые братья”, но явно желающие “несправедливого”), но все же его обращение не выглядело лицемерным, как об этом повествовал в своей монографии В.Г. Ревуненков¹⁶; вторая — ходатайствуя об издании своего сочинения, свою статью Погодин отправил цензору Буткову, который отвечал: “Возвращая правдивую записку Вашу о Польше, я прошу верить чувствам глубокого к Вам уважения”¹⁷. Помимо красивых фраз, главным было то, что Погодину запрещалось печатать свое послание, в чем и удостоверил его журналист Краевский. “Цензор Рахманинов представил послание председателю цензурного комитета Медему, который отвечал, что на основании высочайшего позволения: “не дозволять к печатанию ничего относящегося к настоящим смутам в Польше, за исключением статей, обнаруживаемых самим правительством”¹⁸. И хотя Погодин получил еще письмо от графини А.Д. Блудовой, которая просила присылать все, что будет написано, было очевидно, что историку оставалось делать то, что он сам желал полякам, на время предаться “громовому красноречию” — молчанию.

Стоит заметить, что хотя статья Погодина, так и не была напечатана, настроение, отраженное в ней, было весьма актуальным для русского общества. Например, славянофил И.С. Аксаков после распространения в Польше мыслей о возврате к прежним границам, написал следующее: “Киев, Волынь, Чернигов, Смоленск!!! Безумные поляки! Неужели Вы так глухи, так слепы, что думаете, что в Русской земле найдется хоть один русский, который бы не загорелся весь самым жгучим огнем негодования при таких лживых и наглых Ваших притязаниях! Который бы не отдал жизни в борьбе с Вами, за сохранение наших древних русских областей, нашего трижды святого, прекрасного Киева!”¹⁹

Обращаясь к польскому вопросу в “Послании к полякам”, написанном в марте 1861 г. под впечатлением известий о волнениях в Варшаве, Погодин продолжает свои рассуждения совершенно в духе своих статей предыдущих лет. Тем не менее, историк высказывает и ряд новых суждений, акцентируя внимание, прежде всего на вопросе о границах между Россией и Польшей, призывая к терпимости и радуя за союз двух славянских народов, эмоционально критикуя несправедливые намерения поляков о возвращении к границам 1772 г.

Примечания

¹ См.: Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание сочинений, записок и замечаний М.П. Погодина. 1831-1867. — М., 1867. — С. 1-10.

² Там же. — С. 29-36.

³ Там же. — С. 36-42.

⁴ Шириянец А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. — М., 2008. — С. 154.

⁵ Погодин М.П. Указ. соч. — С. 58.

⁶ Там же. — С. 61.

⁷ История Польши. — Т. 2. — М., 1955. — С. 108.

⁸ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. — В 22 кн. — Кн. 18. — СПб., 1904. — С. 108.

⁹ Погодин М.П. Указ. соч. — С. 65.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. — С. 66.

¹² Там же. — С. 68.

¹³ В годы Крымской войны, видимо, подобной тенденции у поляков не наблюдалось, что позволяло историку выстраивать свои представления о границах, активно включая в них своих западных славянских братьев.

¹⁴ Погодин М.П. Указ. соч. — С. 70.

¹⁵ Там же. — С. 71.

¹⁶ См. Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. — Л., 1957. — С. 86. При характеристике погодинского “Послания к полякам” (1861 г.), отмечается следующее: “разумеется, представители русской дворянской общественности были далеки от того, чтобы сочувствовать польскому революционному движению. Наоборот, они его сурово осуждали. Узнав о варшавских событиях, М.П. Погодин, например, воспыал негодованием не против царских генералов, хладнокровно расстрелявших мирную демонстрацию, а против “безумцев” и “демагогов”, совращающих своих соотечественников “с пути мирного развития”. Погодин обратился с отвратительнейшим по лицемерию посланием к полякам, увещевая их отказаться от “искусственных волнений” и возложить все свои надежды на “доброжелательство царя”.

¹⁷ Цит. по: Барсуков Н.П. Указ. соч. — Кн. 18. — С. 108.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. — С. 117.

МЕМУАРЫ “НОВЫХ ЛЮДЕЙ” 1860-Х ГОДОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Мемуарная литература — один из основных источников изучения т.н. “русского нигилизма” 1860-х годов как социокультурного явления. Воспоминания нигилистов позволяют сделать выводы об общих чертах их менталитета; определить, как сами нигилисты интерпретировали свой социальный опыт, как трактовали феномен нигилизма; выяснить, как признаки, характерные для радикальной субкультуры, отражались в реальном поведении ее носителей.

Воспоминания участников и младших современников нигилистического движения 1860-х годов можно, с некоторой степенью условности, разделить на несколько групп по характеру представляемой информации. Большинство мемуаристов не претендуют на широкие обобщения относительно феномена нигилизма, поскольку при написании мемуаров они стремятся рассказать о своей профессиональной, общественной или политической деятельности, о достижениях в ней, о своём жизненном пути как таковом. О движении “новых людей” они упоминают постольку, поскольку это соотносится с задачами изложения. Тем более, что нигилизм жизни некоторых из них был зачастую одним из этапов или вовсе незначительным эпизодом. Мемуары этой группы характеризуются различной степенью полноты. Наиболее ценными с фактической стороны представляются мемуары Е.Н. Жуковской¹, С.В. Ковалевской², И.М. Красноперова³, Л.Ф. Пантелеева⁴. Они дают богатый материал для характеристики быта и нравов радикальной молодёжи 1860-х годов, для уяснения социальных и социально-психологических истоков нигилизма.

Лишь немногие мемуаристы сознательно ставили своей целью реконструкцию образа нигилистического движения. В мемуарах П.А. Кропоткина⁵ и Н.В. Шелгунова⁶ обобщения явно преобладают над фактами. Преимущественное внимание уделяется интерпретации и оценке нигилистического движения. Частные случаи из жизни тоже встречаются, но только в качестве иллюстрации общих положений.

И, наконец, третью группу составляют воспоминания, в которых наблюдается гармоничное сочетание фактического и аналитического материала. Одним из наиболее важных источников по теме представляются мемуары Е.Н. Водовозовой⁷, активной участницы молодежных радикальных кружков в 1860-х годах. Подобно Шелгунову и Кропоткину, автор ставит целью дать образ эпохи, “шестидесятых годов”, и место молодёжного радикального движения в контексте этой эпохи.

С другой стороны, в мемуарах Водовозовой представлен огромный фактический материал, благодаря тому, что все свои впечатления от общения с “новыми людьми” она подробно излагала в письмах к сестре и впоследствии воспользовалась ими как источником при написании мемуаров. К этой же группе можно отнести воспоминания А.М. Скабичевского⁸, Н.А. Чарушина⁹, В.Н. Фигнер¹⁰.

Большинство мемуаристов в той или иной степени идентифицировали себя с нигилистической контркультурой, однако известно, что термины “нигилизм” и “нигилисты” употреблялись, главным образом, их идейными противниками. Известно также и то, что идейные лидеры нового движения пытались выработать свою положительную альтернативу этому термину в виде понятий “новый человек” и “мыслящий реалист”. Проведённый контент-анализ нескольких наиболее репрезентативных мемуарных источников имел своей целью выяснить, какие понятия использовали *сами* “нигилисты”, когда говорили о себе и своей социальной общности, какие признаки были для них определяющими. Результаты исследования показали, что наиболее часто встречавшееся ключевое слово — “молодёжь”, “молодые люди”, “молодое поколение”. Причём под “молодым поколением” понималась, главным образом, студенчество и молодые представители интеллигентных профессий, на что указывает относительно широкое распространение термина “интеллигенция”. Признаки, выражающие общность убеждений (передовые люди, радикалы), встречаются реже, так как они могли толковаться чересчур широко. Нигилисты предпочитали использовать для выражения своего единства “социальные” термины, подразумевавшие общность не только взглядов, но и, в значительной мере, образа жизни и бытового поведения. Как ни странно, понятие “новые люди” в мемуарах упоминается крайне редко, что может быть объяснено его “литературностью”: оно носило ярко выраженный оценочный характер (положительный), которого авторы мемуаров хотели избежать, употребляя нейтральные по смыслу слова. В целом, результаты анализа подтверждают точку зрения тех исследователей, которые говорят о нигилизме как о явлении не только и не столько идеологическом, сколько социокультурном, как об одном из примеров молодежной контркультуры.

Примечания

¹ Жуковская Е.И. Записки. М., 2001.

² Ковалевская С.В. Воспоминания детства // Ковалевская С.В. Избранные произведения. — М., 1982.

³ Красноперов И.М. Записки разночинца. — М.-Л., 1929.

⁴ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. — М., 1958.

- ⁵ Кропоткин П.А. Записки революционера. — М., 1990.
- ⁶ Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. Т.2. // Воспоминания Л.П. Шелгуновой, М.А. Михайлова. — М., 1967.
- ⁷ Водовозова Е.Н. На заре жизни: в 2 т. — Т. 1, 2. — М., 1987.
- ⁸ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. — М., 2001.
- ⁹ Чарушин Н.А. О далёком прошлом. — М., 1973.
- ¹⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд: в 2 т. — Т. 1. — М., 1964.

А.Г. Ивлеев

Самарская гуманитарная академия

**УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ОСВОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН
В 1875-1878 гг.**

Исследование исторического прошлого балканских народов, зарождения и развития их многосторонних связей с Россией — тема, обладающая постоянной научной актуальностью. Важным ее аспектом является всестороннее изучение такого феномена, как всенародное патриотическое движение народов России, в том числе населявших Поволжье, в поддержку южных славян в борьбе против османского гнета, которое с особенной силой проявилось в период Восточного кризиса 1870-х гг.

Восточный кризис (1875 — 1878 гг.) стал важнейшим событием международной жизни Европы второй половины XIX в. Кризис был порожден усилением процесса внутреннего разложения Османской империи, широким развитием национально-освободительной борьбы балканских народов, обострившимися противоречиями между великими державами за влияние на Балканах. Начавшись восстанием славян против турецкого гнета в Боснии и Герцеговине летом 1875 г., кризис вступил в новую фазу в июне 1876 г., когда войну Турции объявили Сербия и Черногория. Следующий этап кризиса связан с началом в апреле 1877 г. русско-турецкой войны, окончившейся подписанием 19 февраля 1878 г. Сан-Стефанского мира. Завершением кризиса явился Берлинский конгресс (июнь 1878 г.), санкционировавший появление на карте Европы новых независимых государств — Болгарии, Сербии, Черногории и Румынии.

В сентябре 1875 г. с воззванием к русскому народу об оказании помощи славянам Боснии, Герцеговины и Старой Сербии (Косово и Метохии) обратился сербский митрополит Михаил.

Воззвание сербского митрополита нашло отклик и в Самарской губернии. Одними из первых денежных поступлений из Самарской губернии в пользу пострадавших славянских семей стали средства от литературно-музыкального вечера, устроенного в Самаре известными общественными деятелями П.В. Алабиным и Е.К. Рихтер, а также собранные у населения по подписке нотариусом Аляевым (всего 725 р.). В пользу братьев-славян повсеместно был развернут сбор пожертвований деньгами и вещами. В периодической печати губерний Среднего Поволжья тех лет, в архивных документах сохранилось много сведений о, подлинно всенародном характере сборов пожертвований для помощи южных славян. В сборе пожертвований в пользу славян активное участие принимали все народы Среднего Поволжья: русские, чуваша, татары, мордва.

Практически все слои населения Поволжья, будь то дворянство или крестьянство, рабочие или служащие, представители интеллигенции, школьники или студенты — никто не остался равнодушным к тому, что происходило на Балканах. Архивные документы свидетельствуют о многочисленных вещевых и денежных пожертвованиях волжан в пользу южных славян. Например, с начала событий на Балканах населением в Саратовской губернии к 31 декабря 1876 года в пользу южных славян было собрано более 50 тысяч рублей, в Казанской губернии к 1 декабря того же года — более 33 тысяч рублей, а в Самарской к 1 ноября — более 25 тысяч рублей. Все эти деньги буквально были собраны по копейкам. В основном жертвовал простой люд: крестьяне, служащие ремесленники, которые сами нуждались в помощи.

Нельзя без волнения читать письмо крестьян села Березовского Гая Николаевского уезда Самарской губернии, которое они прислали вместе с деньгами в Самару: “Знаем, не велика наша помощь, — писали они, — состоящая в 143 рубля, но она приносится от чистого сердца и посильных средств небогатых людей, и мужей и жен и даже детей бедного сословия... Примите и нашу посильную жертву в пользу южных славян”.

“Со всех концов России, — писали “Самарские губернские ведомости”, — приходят заявления, что наиболее щедр к пожертвованиям именно простой, бедный, неимущий класс людей. Рабочие на фабриках и заводах работают по праздникам и весь свой заработок отдают в пользу славян”.

Русская православная церковь также принимала весьма заметное участие в организации сбора пожертвований в пользу южных славян. Каждая из Поволжских губерний собрала от 30 до 50 тысяч рублей только денежных пожертвований за период осени 1875 — осени 1876 года. Кроме денежной, широкое распространение в Поволжье получил та-

кой вид помощи, как вещевые пожертвования на нужды сербской “славянской армии” под командованием генерала М. Г. Черняева.

С началом сербско-черногорско-турецкой войны 1876 г. на Балканы устремился поток российских добровольцев. Известно, что из Самары в Сербию отправились несколько отрядов добровольцев. Первый отряд волонтеров отправился 26 августа 1876 года, второй 29 августа того же года. Третий отряд отправился из Самары 5 сентября 1876 года в составе 28 человек (8 унтер-офицеров, 17 рядовых, 3 артиллериста). Среди них было два отставных чиновника, один фельдшер, два самарских мещанина, двадцать два отставных унтер-офицера, двадцать пять отставных рядовых, семь крестьян из села Майна Ставропольского уезда.

Отправка поволжан-добровольцев в Сербию началась почти с самого начала сербо-турецкой войны. Из отчета членов славянского комитета в Самаре видно, что самарцы снарядили и помогли отправиться в Сербию 72 добровольцам. Но это число добровольцев не полное, так как объединенная комиссия из членов славянских комитетов в Самаре учитывала только тех лиц, которые были отправлены в Сербию за счет пожертвований. Поэтому сюда не вошли волонтеры, которые отправились за свой счет. Например, сестра милосердия Осокина, отправленная в Сербию 31 августа 1876 года. По данным Московского славянского комитета, из Самары отправлена 31 августа сестра милосердия Александрова за счет комитета. Она также вошла в число 72 добровольцев. Кроме того, член особого комитета, образованного на заседании Самарской городской думы 5 июля 1876 года для помощи славянам, И. Плешанов на свои средства отправил 24 сентября из Ростова-на-Дону 14 добровольцев в Сербию. Итого число добровольцев из Самарской губернии составляет 88 человек. Когда провожали в Сербию отставного самарского поручика Уриилова, то провожавшие выразили уверенность в том, что если он вернется назад, то, без сомнения, с сербским крестом за храбрость. На это отважный офицер ответил: “Я буду счастлив, если заслужу крест деревянный за святое дело”. Другой доброволец, заведующий хирургическим отделением Самарской губернской земской больницы К. Догадкин обратился к губернатору П.А. Бильбасову с рапортом, в котором высказал желание послужить хирургом в одном из военных госпиталей или перевязочных пунктов в Сербии.

Архивные документы и материалы прессы свидетельствуют о глубоко патриотическом подъеме российского населения в связи с началом русско-турецкой войны. В частности, решение о вступлении России в войну с Турцией было радостно воспринято населением Самарского края. Представители самарского дворянства направили Александру II адрес, в котором выказали императору полную поддер-

жку и желание послужить на благо отечества. Подтверждением этому было среди прочего и то, что полицейский-мусульманин села Камышла Самарской губернии задержал турецкого агента. Невзирая на упреки турецкого шпиона, выразившиеся в призывах к единоверческой солидарности, он этапировал его в губернское жандармское управление. Казахи – мусульмане Саратовской губернии, как свидетельствуют документы, “показали себя достойными называться верноподданными русского белого царя пожертвовав на нужды настоящей войны 7 тысяч рублей, до 500 лошадей, 500 полушубков и несколько кибиток”.

Сразу же после объявления войны самарская городская дума постановила вручить одной из дружин Болгарского ополчения, входящего в состав действующей армии, знамя, заготовленное еще в 1876 г. для болгарских повстанческих отрядов. Для вручения его в г. Плоешти (Румыния) выехала делегация из Самары в составе городского головы Е.Т. Кожевникова и гласного самарской думы П.В. Алабина. 6 мая 1877 года в торжественной обстановке Самарское знамя как символ сочувствия русского народа болгарам было торжественно вручено 3-й дружине Болгарского ополчения. Вручая знамя, П.В. Алабин произнес: “Издалека, через всю русскую землю оно нами принесено к вам, как живое свидетельство того, что оно дается вам не одним каким уголком России, а всей русской землею...”.

Расквартированные в Среднем Поволжье военные части были отправлены в действующую армию: на Балканы 2-я и 3-я дивизии (в составе Калужского, Либавского, Ревельского, Эстляндского, Старо- и Новингерманландских полков) и на Кавказ 40-я дивизия (в составе Имеретинского, Кутаисского, Гурийского и Абхазского полков). В момент мобилизации эти части были пополнены уроженцами Поволжья (около 73 тыс. чел.).

Всего по неполным данным из Поволжья уехало в Сербию до 400 волонтеров, туда же было отправлено несколько санитарных отрядов, как, например, из Казани. Если учесть, что общее число российских добровольцев на Балканы составило около 6 тыс. человек, то следует заметить, что поволжские волонтеры составили довольно солидную их часть. Народ устраивал восторженные демонстрации на проходах отправляемых в Сербию добровольцев. На этих проходах обычно пели русские и сербские боевые песни, произносили торжественные речи и служили напутственные молебны. Добровольческое движение в Сербию показало южным славянам бескорыстную и братскую помощь русского народа в их борьбе за национальную независимость. Добровольцы-поволжане в этой освободительной борьбе занимали достойное место.

Успехи русского оружия поздней осени 1877 г. – падение Плевны и победа М.Д. Скобелева при Шипке-Шейново – отмечались всей

страной как национальный праздник. Документы говорят о всеобщем ликовании населения поволжских городов. Так, в Казани после получения известия о победе над Сулейманом-пашой и вступлении русских войск в Адрианополь, “город украсился флагами и вечером был иллюминирован; народ в восторге и ликовал на улицах”. В казанском соборе было совершено благодарственное молебствие. Александр II выразил благодарность всем сословиям и народам России за организацию медицинской помощи и сбор пожертвований в пользу больных и раненых русских воинов.

Однако радость по случаю победоносного завершения войны сменилась тревогой при известии о требованиях Англии и Австро-Венгрии пересмотреть условия Адрианопольского перемирия, а затем Сан-Стефанского мира. В совершенное уныние повергли российское общество решения Берлинского конгресса, ограничившего Болгарию Балканским хребтом и оставившего под властью Турции половину болгарского населения. Однако в действительности, хотя Берлинский конгресс значительно урезал размеры Болгарии, он не смог изменить главных итогов войны – благодаря победе русского оружия независимыми от Турции стали Румыния, Сербия, Черногория и Болгария.

Примечания

¹ Аксаков И.С. Сочинения. – Т. 1. – М., 1886.

² Аншаков Ю.П. Итоги и перспективы исследования темы “Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1878 гг.” // Славянский альманах. – М., 2005.

³ Аншаков Ю.П., Чернов О.А. Помощь народов Поволжья в освободительной борьбе южных славян. 1875-1878 // Вестник Самарского государственного педагогического университета. Исторические исследования. – Самара: Изд-во СГПУ, 2006.

⁴ Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877-878 гг. и освобождение Болгарии. – М., 1979.

⁵ Григорьев И.М. Помощь населения Самарской губернии повстанцам Боснии и Герцеговины в 1875-1876 гг. // Наш край. – Вып. 2. Научные труды Куйбышевского пед. ин-та. – Т. 165. – Куйбышев, 1975.

⁶ Григорьев И.М. Участие добровольцев Среднего Поволжья в национально-освободительном движении южных славян 1875-1876 гг. // Революционное движение в Среднем Поволжье и Приуралье. Научные труды Куйбышевского пед. ин-та. – Т. 183. – Куйбышев, 1977.

⁷ Кабытов П.С. Легендарный самарец П.В. Алабин. – Куйбышев, 1990.

⁸ Народы Поволжья и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1878 гг. // Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. – Самара, 2000.

⁹ Немирович-Данченко В.И. По Волге. – СПб., 1877.

¹⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. – Т. 1-3. – М., 1961-1967.

¹¹ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. – СПб., 1911. – Вып. 90. – Ч. 1.

¹² Студенский Н.Н. Организация Казанского санитарного отряда, бывшего в Сербии и его деятельность в г. Крагоевце. – Казань, 1877.

¹³ Яковлев Н.Н. Участие русского народа в освободительной борьбе балканских славян. 1876 – 1878 гг. – Автореферат. – М., 1964.

А.В. Дорофеева

Самарский государственный университет

ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1860-1910-х гг.

Русская историография второй половины XIX в. накопила большой материал по истории Польши, так как многие события польской истории тесно связаны с историей России. При этом, разделы Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. стали одной из “болевых точек” как европейской истории, так и российско-польских отношений.

В дореволюционной российской историографии разделами Польши основательно занимались С.М. Соловьев¹⁻², В.О. Ключевский, Н.К. Костомаров³, П.А. Александров, А. Брикнер⁴, Н.К. Шильдер и целый ряд других историков. По мнению современных российских историков (С.М. Фалькович, В.В. Кутявин) фундаментальные идеи российской полонистики окончательно оформились в 1860-х гг., они стали концептуальной базой для последующей историографии. В это время на изучение польской истории в России повлияли, по крайней мере, три фактора, значительных по силе своего воздействия:

1. меняющаяся под влиянием буржуазных реформ общественно-политическая ситуация в России; 2. оформление славистического комплекса наук с наметившейся дисциплинарной специализацией; 3. восстание 1863-1864 гг. в Царстве Польском, резко усилившее интерес к польской проблематике и надолго обеспечившее польскому вопросу острую общественно-политическую злободневность.

В сочинениях историков С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, Д.Д. Мордовцева, и др. наиболее полно изложены вопросы польской

истории XVIII в., и особенно проблема разделов Речи Посполитой. Необычайно популярной становится проблема национального характера поляков. В сочинениях историков достаточно распространенной была мысль об историческом превосходстве России над Польшей.

Интерес к польской истории подогревали планы российского революционного движения, видевшего в поляках союзников против царизма. Играла роль и сама острота польского вопроса, особенно после восстаний 1830 и 1863 гг.: она обусловила публицистический характер работ ряда историков. С 90-х гг., польский вопрос обернулся новой стороной: германская угроза требовала сближения русского и польского народов. Светлана Михайловна Фалькович, обращаясь к проблеме, отмечает, что “к этому времени появилось уже много значительных трудов по истории Польши”⁵. Она делит российских историков, обращавшихся к истории Польши, на консервативно настроенных и либералов. Консервативно настроенные историки: И.П. Филевич, П.Д. Брянцев, Д.И. Иловайский, Н.Я. Данилевский и др. Либералы и близкие к ним: В.А. Бильбасов, В.А. Мясотин, Н.И. Кареев, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, А.П. Погодин и др., некоторые из которых тяготели к народничеству. При этом четко просматривается, что среди консервативно настроенных историков преобладали идеи славянофильского духа, а либералами она больше склонна называть прозападнически настроенных историков.

В оценке причин разделов Польши и их последствий мнения историков разделились. Иногда сильнее звучит полонофобская формулировка, а в некоторых оценках преобладает позиция, которую можно назвать полонофильской.

С середины XIX в. основой подхода некоторых авторов к историческому анализу было славянофильство, опиравшееся на романтическую идею. Проблема польского вопроса нашла отражение в ряде трудов русских философов XIX-начала XX веков, в частности, у писателя-славянофила Н.Я. Данилевского. Исходя, из своей теории культурно-исторических типов автор считал, что славянской (русской) цивилизации принадлежит будущее. Данилевский отмечает, что “раздел Польши был делом совершенно законным и справедливым”⁶.

Иных взглядов придерживается С.М. Соловьев. В “Истории падения Польши” он выделил три фактора, три важнейших, как он считал, причины этих событий. “Привели дело к концу: 1) русское национальное движение, совершавшееся под религиозным знаменем; 2) завоевательные стремления Пруссии; 3) преобразовательные движения, господствовавшие в Европе с начала века до конца его”⁷.

Книга Соловьева, написанная в 1863 г., в целом отражала официальную точку зрения того времени, которая сводилась к тому, что разделы Польши были неизбежны, “вследствие безобразно односто-

ронного развития одного сословия, вследствие внутреннего беззари-
дья Польша потеряла свое политическое значение...”⁸.

Некоторые историки последующего времени были более катего-
ричны и винили в разделах Польши либо только самих поляков, либо
страны-участники разделов. Так или иначе, разделы Польши нега-
тивно сказались на развитии взаимоотношений между русским и
польским народами и на длительный период времени создали для
России серьезную политическую проблему.

Русские ученые исследовали, прежде всего, политическую исто-
рию Польши. Достижением для того времени было рассмотрение ими
всех главных событий польской истории XV–XVIII вв. (формирова-
ние шляхетского общественно-государственного строя, Люблинская
уния, разделы Речи Посполитой) как единого процесса, показ их свя-
зи и взаимовлияния.

Полонофобы связывали своеобразие государственного строя
Польши, его слабость и нежизнеспособность с влиянием “латинства”
и польской ментальности. Либералы дали ему определение “шляхет-
ской демократии” и даже отмечали идею политического равенства
внутри правящего сословия Польши как политический идеал для всей
Европы. Они доказывали, что шляхетская республика могла бы жить,
усилив исполнительную власть, и потому уделяли много внимания
проблеме реформ XVIII в. “Русские историки, в отличие от польских,
подчеркивали внутренние причины падения Речи Посполитой, а рас-
сматривая внешний фактор, возлагали основную вину за разделы
Польши на Пруссию”⁹.

Можно отметить явное желание русских историков – либералов
начала XX в. – Н.И. Кареева, В.О. Ключевского, А.Л. Погодина, и др.
понять национальные стремления польского народа. Погодин, Каре-
ев и др. выступали с требованием автономии Польши и русско-польско-
го сближения. Полонофильская позиция в историографии наиболее
последовательно была представлена в книге А.Л. Погодина “История
польского народа в XIX веке”. Рассматривая проблему разделов
Польши, Погодин отмечает: “Главным фактором, вызвавшим эту тра-
гедию, явилось соперничество двух держав, которые были разделены
Речью Посполитой: это были Россия и Пруссия...”¹⁰. Подобное пони-
мание главной причины разделов Речи Посполитой, так расходивше-
еся с господствующей в российской историографии традицией, ста-
новилось естественным и необходимым основанием для создания
позитивного образа Польши.

“Однако “золотая пора” русского полонофильства оказалась очень
короткой: уже осенью 1915 г. польские земли находились вне юрис-
дикции России, и это, естественно, резко снизило интерес к ним со
стороны правительства и российского общественного мнения”¹¹.

Примечания

¹ Соловьев С.М. История падения Польши. Восточный вопрос. – М., 2003.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. 13-15. – М., 1965-1966.

³ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. Собр. соч. – Кн.7. – СПб., 1905.

⁴ Брикнер А. История Екатерины II. – Т. 1, 2. – СПб., 1991.

⁵ Фалькович С. Польская проблематика в российской историографии // <http://www.google.ru/url?sa=t&source=web&ct=res&cd=1&ved=0CАсQFjAA&url=http%3A%2F%2Fjazon.hist>.

⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 2008. – С. 46.

⁷ Соловьев С.М. История падения Польши... – С. 9.

⁸ Соловьев С.М. История падения Польши... – С. 11-12.

⁹ Фалькович С. Указ. соч. – С. 1.

¹⁰ Погодин А.Л. История польского народа в XIX веке. – М., 1915. – С. 1.

¹¹ Кутявин В.В. Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны). Материалы межвузовской научной конференции. Самара 10-11 декабря 2004. – С. 147.

Е.С. Досекин

Самарский государственный университет

ЖУРНАЛ “МОСКОВСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК” В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Революция 1905-1907 гг. породила в России совершенно новую политическую атмосферу. Созыв весной 1906 г. Государственной думы, ослабление цензуры, публичное обсуждение самых острых политических вопросов – все это продолжило стремительную политизацию российского общества и готовило благодатную почву для образования все новых и новых политических партий¹.

Новой политической силой была партия мирного обновления, выделившаяся из стана кадетов. Печатным изданием, развивавшем идеи мирнообновленцев стал журнал “Московский еженедельник”, редактором которого был Евгений Николаевич Трубецкой.

Большую роль в становлении журнала сыграла Маргарита Кирилловна Морозова, состоятельная вдова промышленника мецената Миха-

ила Абрамовича Морозова. Обладая не только значительными денежными средствами, но и незаурядным умом, Маргарита Кирилловна была и спонсором, и музой-вдохновительницей Трубецкого.

Первый номер “еженедельника” вышел 7 марта 1906 г. В том же году Трубецкой писал Морозовой: “Вы вероятно, получили наш 12 номер, который запоздал на две недели из-за забастовки. Теперь наши дела, кажется, налаживаются и это, разумеется, всецело благодаря Вам.

Когда Вы у нас были, было 440 подписчиков. Теперь у меня полная надежда, что мы перевалим за 600, если правительство уйдет, и настанут былые мирные времена, то круг читателей расширится. Но в случае революции, мы, разумеется, успеха иметь не будем”².

Ориентация на мир, стремление вернуться в “мирные времена” ярче всего характеризует политическую позицию журнала, который отрицательно относился как к государственной реакции, порицая правительство за его грубые расправы и кровавые экспедиции, так и к революционному террору. Журнал, таким образом, занимал умеренно-либеральную сторону, выступая в роли “миротворца” в общественно-политической борьбе.

Вместе с тем, общественно-политическая позиция “еженедельника” подкрепляемая религиозно-философским осмыслением российской действительности была по-своему уникальна. Жорж Нива в одной из своих статей писал: “Московский еженедельник” был одним из самых ярких явлений, где русская мысль пыталась выработать нечто, что можно назвать либерализмом или либеральным образом мышления”³.

На протяжении нескольких лет в журнале выкристаллизовывались идеи русского религиозного демократизма. В программной статье “Московского еженедельника” Трубецкой развивал и обосновывал эти и другие мысли, разоблачая идеологический “максимализм” России, влюбленной в заглавного персонажа драмы Ибсена “Бранд”.

Трубецкой писал: “Русская интеллигенция, далекая от того, чтобы видеть в Бранде свое проклятие, видит в нем свое оправдание. Он мучил других и себя самого, ища добро и сея зло. Но он остался верен себе до конца, не отрекаясь от своего радикализма. И мы упорствуем в том же роковом духе”⁴. Русская интеллигенция, заключает он, отказывается от всякой деятельности, не занимается ни школами, ни сельским хозяйством, отрицает парламентаризм и самую жизнь, пока не восторжествует выведенная ею формула. Ее главный лозунг: “Все или ничего”. Ее цель не человек, ни счастье, ни польза, а формула.

В этом слепом преклонении перед некоей “формулой” Трубецкой видел не что иное, как языческое идолопоклонство. Он прямо указы-

вал на то, “что фанатизм русской интеллигенции тесно связан с ее бессознательной религиозностью”⁵.

Незаурядность позиции Грубецкого состояла в том, что он, отвергая деспотический гнет формулы, пытался вдохнуть в русскую политическую жизнь христианский дух свободы.

Актуальные проблемы, связанные с русской интеллигенцией также рассматривались в статьях В.В. Розанова и Н.А. Бердяева. В “Еженедельнике” как в интеллектуальной лаборатории, выкристаллизовывались основные идеи сборника “Вехи”. Так, с 1907 г. Бердяев развивал в журнале выдвинутые им положения о “психологии русской интеллигенции” как некоего “третьего элемента”, в котором сконцентрировались все грехи русского прошлого, вывернутые наизнанку. Бердяев призывал интеллигенцию к “рыцарству будущего”⁶.

Были и другие темы, обсуждаемые в журнале. “Еженедельник” горячо обрушивался на еврейские погромы, выступал против смертной казни и национализации земель.

В журнале велись плодотворные внутренние дискуссии. Так Павел Муратов писал о тяжести, неповоротливости русской провинции, некоем русском шовинизме в искусстве и его заметном влиянии на подбор коллекций в галереях и музеях Москвы. Отвечая Муратову, Бердяев пишет, что русские ошибаются, постоянно оглядываясь на мнение Запада и оставляя за ним последнее слово⁷.

В области искусства “Московский еженедельник” придерживался весьма интересной линии, свободно высказывая собственное мнение о спорах в стане символистов. Постоянную рубрику в журнале вел Александр Бенуа⁸.

“Еженедельник” активно искал пути для обновления. Грубецкой привлекал к публикациям новых людей, открывал новые рубрики. Тем не менее, в августе 1910 года издание было неожиданно прекращено якобы из-за финансовых затруднений. На самом деле Маргарита Морозова решила пожертвовать регулярными встречами с Грубецким, внешне обусловленными их работой в редакции “Еженедельника”, чтобы смягчить страдания Веры Александровны Грубецкой, давно понимавшей, что муж отдалился от нее не только по академическим и религиозно-общественным причинам.

Этот мотив проявляется в ее письмах к Грубецкому в августе-сентябре 1910 года: “Надеюсь что В. А. успокоило хотя бы известие о прекращении Еженедельника она поймет и поверит, что не на словах только, а на деле есть желание сделать все к лучшему”. И далее: “Нужно, чтобы В. А. убедилась, что ты проводишь с ней больше времени, чем со мной”⁹.

Грубецкой был также отягощен этими трудными взаимоотношениями. Обращаясь к Морозовой, Евгений Николаевич писал: “Полу-

чил письмо от Струве. Он пишет, между прочим: “обидно, что такой флаг, как “Московский еженедельник” оказался спущенным”. Мне не столько обидно сколько жалко: уж очень много хорошего связано для меня с этим флагом. Конечно, флаг не пропадет; но жаль целого доро, теперь оконченного цикла жизни”¹⁰.

Таким образом, “Московский еженедельник”, был по-настоящему значимым явлением в русской либеральной мысли. Здесь в оригинальной форме, через религиозно-философское мирозерцание рассматривались сложные общественно-политические вопросы.

Примечания

¹ Шевырин, В.М. Партия мирного обновления / В.М. Шевырин // Политические партии России: история и современность. – М., 2000. – С. 128-134.

² Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой лето 10.06.1906 г. // Взыскующие града [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/03_v/vzy/sk_06.html.

³ Жорж Нива. Либерализм и русская литература “Серебряного века” // Вестник Европы. – №1., 2001. – С. 30.

⁴ Трубецкой, Е. Н. Максимализм / Библиотека “ВЕХИ” [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/chart06.htm>.

⁵ Там же.

⁶ Жорж Нива, Возвращение в Европу // Жорж Нива [Электронный ресурс] – 2001-2006 – Режим доступа: <http://nivat.free.fr/livres/retour/10.htm>.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ М.К. Морозова – Е.Н. Трубецкому сентябрь 1910 г. // Взыскующие града [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/03_v/vzy/sk_10.html.

¹⁰ Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой сентябрь 1910 г. // Взыскующие града [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/03_v/vzy/sk_10.html.

АНТИБУРЖУАЗНЫЕ НАСТРОЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 г.

В 1917 г., период революционных преобразований в среде горнозаводских рабочих¹, определявших развитие крупнейшего промышленного центра страны – Урала, складывалась атмосфера нетерпимости, подозрительности.

В поколениях отраслевых рабочих горнозаводской промышленности (металлургов, металлистов, шахтеров) накапливался огромный потенциал ненависти к буржуазии. Их жажда мести и социального реванша посредством тактики социалистических партий и партийной прессы края в 1917 г. способствовали активизации приоритетности принципа “кто не снами, тот против нас”. Одним из типичных проявлений социально-психологического негативизма и политической нетерпимости рабочих стали антибуржуазные настроения.

Согласно воспоминаниям рабочих металлургических заводов, их окружение составляла “не так развитая”, “не культурная рабочая масса, забитая буржуазией”, которая боится, как бы не осердить своего буржуа – предпринимателя². В своих представлениях рабочие отождествляли буржуазию с заводской администрацией, заводоладельцами. Они были враждебно настроены к ним, потому что “эти буржуи хотят использовать завоевания революции в своих интересах”. А ведь завоеваниями революции могли пользоваться только сами рабочие³.

В борьбе против такого врага рабочие воспринимали своими союзниками социал-демократов, партийные позиции которых были привлекательны четким по определению отношения к классу собственников.

Пермская партия большевиков считала борьбу за свержение буржуазии своей конечной задачей. Работники, поддерживающие большевиков, прежде всего, обвиняли “кучку капиталистов” в том, что именно “ради их интересов ведется грабительская война”, т.е. первая мировая война⁴. Из выступления большевика Белобородова на собрании Лысьвенского завода беспартийные рабочие приняли утверждение, что буржуазия заручилась поддержкой контрреволюционных союзников и в период русской революции организовала против нее поход⁵.

Под влиянием социал-демократов в сознании рабочих закрепилось понимание вины буржуа в притеснении рабочего класса за то,

“что он силой заставил служить себе государственную машину, которую не дает ему те, кто до сих пор раболепствовал перед жандармским сапогом и начальническим виц-мундиром”. А “для борьбы со старыми хозяевами сейчас судорожно вцепился в свои сундуки, свою землю, свою собственность”⁶.

Для рабочих, разделяющих взгляды меньшевиков, сенью 1917 г. злейшим врагом пролетариата является капитал. Это исконный враг, которому противостоят будут рабочие⁷. Большевики определяли врагами революции тех, кто “пытается свалить ответственность за переживаемые народом несчастья” на рабочих, которые стремятся погубить народ, “совершивший величайшую в мире революцию”⁸.

Таким образом, “буржуй” для горнозаводских рабочих в 1917 г. явился не столько социальным типом, сколько общественно признанным символом всего негативного. Особенности отношения рабочих в 1917 г. к буржуа вытекали из той своеобразной ситуации, которая складывалась в условиях модернизации горнозаводской сферы начала XX века. Развитие их антибуржуазных предубеждений показывает действующие в сознании установки и стереотипы восприятия очевидцами, участниками событий 1917 г. в Пермской губернии.

Примечания

¹ Подробнее см.: Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала в 1900 – 1941 гг. – Екатеринбург, 2006.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК) – Ф. Р. – 732. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 1 Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). – Ф. 90. – Оп. 4. – Д. 1049. – ЛЛ. 1, 4.

³ Уральская правда (Екатеринбург). – 1917. – 24 августа. – С. 2.

⁴ Уральская правда. – 1917. – 30 июня.

⁵ ПермГАНИ. – Ф. 85. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 36.

⁶ Пролетарское знамя (орган РСДРП большевиков, Пермь). – 1917. – 10 декабря.

⁷ Пермская жизнь (орган РСДРП меньшевиков). – 1917. – 2 августа. – С. 3, 4.

⁸ Пермская жизнь. – 1917. – 18 июля. – С. 4.

САРАТОВСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ И ВЛАСТЬ В НАЧАЛЕ 1921 ГОДА

В годы гражданской войны Саратов оказался в достаточно сложном положении с военной и экономической точки зрения. В конце 1920 – начале 1921 года ситуация достигла особенной остроты. Перебои с продовольствием, экономическая политика советской власти, проблема бандитизма приводили к потере авторитета большевистской партии среди населения. В этой обстановке местная организация большевистской партии считала особенно опасной деятельность саратовских умеренных социалистов, чьи взгляды и лозунги могли в сложившемся положении найти активный отклик среди рабочих и других групп населения. Поэтому еще осенью 1920 года Губернская ЧК усилила контроль над деятельностью меньшевиков и эсеров, занятых в советских органах, что нередко приводило к арестам их лидеров¹.

Зимой 1921 года положение в Саратове продолжало ухудшаться, создавая реальную угрозу повсеместных волнений на территории губернии, которые могли принять открытый антисоветский характер. Поэтому на заседании президиума Саратовского Исполкома в конце января было решено временно отложить сокращение продовольственного пайка в связи с тем, что губерния находится в “неудовлетворительном политическом состоянии”².

Данная мера не соответствовала реальному экономическому положению. Уже в конце февраля Саратовским Исполкомом было заявлено о неизбежности сокращения пайка³. Городские партийные власти не могли не осознавать, какую опасность таит в себе подобный шаг, учитывая и без того плачевное положение большинства саратовского населения, в том числе, рабочей массы. Понимая, что катализатором для открытого проявления недовольства могут стать лозунги меньшевиков и эсеров, выявляющие недостатки большевистской политики в области экономики, саратовские власти санкционировали новый этап арестов умеренных социалистов. Зачастую задержание производилось без предъявления внятных обвинений, то есть главным основанием становились оппозиционные политические убеждения. Меньшевик Илья Гольц, вспоминал, что в тюрьме оказалась почти вся меньшевистская и эсеровская верхушка, Либер, Налетов, Винавер, Затонский⁴.

Первоначально подобные действия в отношении социалистов, судя по газетным статьям, власти старались не предавать огласке, по всей

видимости, опасаясь возможной негативной реакции общественности. Но, как справедливо полагает Дональд Рейли, подобные меры не могли предотвратить волнений, так как массовое недовольство уже стало приобретать политический характер⁵.

Апогеем данного процесса стала волна рабочих забастовок на предприятиях Саратова в марте 1921, поводом для которых стало уменьшение хлебного пайка. И если на первых порах происходило обсуждение продовольственного положения, то вскоре стали высказываться упреки в адрес советской власти и ЧК, требования перевыборов в Саратовский Совет, свободы слова и независимых союзов, освобождения политических заключенных.⁶ Подобные требования со стороны рабочих, которые традиционно считались социальной опорой большевизма, ясно говорили о непопулярности мер, предпринимаемых советской властью на местах и необходимостью кардинальных перемен в ее политике.

Но вместо эффективных действий, которые были бы направлены на улучшение положения рабочих, местные власти решили перенаправить недовольство населения в иное русло и одновременно покончить со своими политическими оппонентами в лице саратовских меньшевиков и эсеров. В послании Губкома в Москву утверждалось, что в возникновении политических требований в процессе забастовок виноваты саратовские меньшевики, кроме того, учитывая их влияние на рабочих некоторых предприятий, было заявлено о необходимости провести над ними показательный суд, чтобы дискредитировать их в глазах рабочих.⁷ Все это можно рассматривать как определенный политический ход, так как действия центральных и местных властей, ставшие основной причиной волнений, таким способом формально освобождались от критики.

Примечания

¹ ГАСО. — Ф. 456. — Оп. 1. — Д. 630. — Л. 10.

² ГАСО. — Ф. 456. — Оп. 1. — Д. 532. — Л. 16.

³ Там же. — Л.39.

⁴ См.: Гольц Илья. По дорогам и ухабам жизни (Последний меньшевик). — Иерусалим, 2003. — С. 101-102.

⁵ См.: <http://weblib.ssu.samara/DLib/vestnik/documents/2001109010.html>. Рейли Дж.Д. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны.

⁶ См.: Donald J. Raleigh. Experiencing Russia's Civil War: politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917-1922. — Princeton, 2002. — P. 388-289.

⁷ ГАСО. – Ф. 521. – Оп. 1. – Д. 633. – Л. 4. В июне ЦК было принято решение о командировании в Саратов Крыленко для проведения процесса меньшевиков и эсеров, но из-за его болезни эта поездка была отложена. Сведений о проведении подобного процесса в дальнейшем в архивных материалах пока не обнаружено. ГАНИСО. – Ф.27. – Оп. 2. – Д. 42. – Л. 37.

М.А. Белицкая
*Волгоградский государственный
педагогический университет*

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВУЗАХ СТАЛИНГРАДА В 1930-е ГОДЫ

В современных условиях развития высшего образования в России необходимо проводить анализ опыта научной деятельности высших учебных заведений, накопленный в 1930-е годы.

Обращение к опыту научной работы вузов непосредственно Сталинграда в 1930-е годы не случайно, так как именно в период индустриализации город обладал довольно высокими темпами промышленного и культурного развития по отношению ко всей стране. Столь быстрое развитие не возможно было без поддержки региональной науки, очагами формирования которой стали высшие профессиональные учебные заведения.

Для организации научной деятельности в вузах использовались различные формы работы. В частности, в рамках проведения ревизий по составу научных сотрудников и координации исследований, составлялись краевые списки преподавателей вузов, занимающихся наукой; рекомендовались темы диссертаций; постоянно осуществлялся строгий партийный контроль, а каждое исследование находило отражение в отчетах партийных комитетов разных уровней, где и получало дальнейшую путевку в жизнь.

Однако, при проведении столь масштабных экономических преобразований в стране средств, отпускаемых Наркомпросом на учебное и лабораторное оборудование, библиотеки формирующихся институтов явно не хватало. Данная проблема частично была решена введением платы за обучение¹, часть этих средств направлялась на развитие вузовского научного сектора. В Сталинграде были введены дополнительные меры по финансированию научной работы вузов, что объясняло их высокую роль в социально-экономическом развитии региона. До 1940 г. Нижневолжский крайисполком регулярно выде-

лял средства на дополнительное финансирование институтов из бюджета города. Наиболее весомую поддержку получил механический вуз, его производственной базой были закреплены заводы “Красный Октябрь” и тракторный завод. Существенную помощь оказывали институту рабочие и служащие промышленных предприятий, они создали из добровольных взносов специальный фонд для этого института. В первые годы существования вузов их руководство и общественные организации приложили немалые усилия для того, чтобы создать необходимую учебно-материальную базу для научно-исследовательской работы преподавателей и студентов.

В условиях отсутствия достаточного количества преподавателей, в технических вузах привлекались на работу сотрудники промышленных предприятий, им создавались благоприятные условия для научной деятельности. Сталинградский Крайком ВКП(б) оказывал существенную помощь при обеспечении жильем ученых, приглашавшихся на работу в вузы. Строились дома для научных работников. Молодым исследователям, готовящимся к сдаче кандидатского минимума и защите кандидатской диссертации, также была оказана поддержка, причем она проявлялась не только в обеспечении высокого уровня заработной платы, выделением льгот, но и в организации, поддержке научных кружков, мероприятий и т. д.²

Поощрялась практическая связь научных работников с промышленными предприятиями, учреждениями здравоохранения и образования, что позволяло на практике апробировать теоретические выводы, проводить эксперименты, вводить инновации в производство. Существовала система заказов разработки проектов с заводов, что частично материально обеспечивалось предприятиями путем финансирования научных исследований.

Развертывание системы высшего образования и постановка принципиально новых задач перед вузовской наукой имели особое значение в преодолении политической и культурной отсталости России периода модернизации. При этом можно с уверенностью говорить об исключительной значимости этого процесса непосредственно в отдельных регионах. Именно тогда происходило становление вузовской науки в Нижневолжском крае: от открытия большинства высших учебных заведений до создания новых направлений научных исследований в вузах и накопления исследовательского потенциала для решения новых задач.

Из рассмотренных выше особенностей расширения научной деятельности в вузах следует вывод, что развитие науки в Сталинграде способствовало повышению значимости региона, как промышленного центра на юге страны. Важным условием развития науки в вузах был всеобъемлющий контроль государства над системой образования, так как в зависимости от профиля вуза и перспективности разрабо-

тываемых в нем изобретений и научных знаний напрямую зависела реализация целей индустриализации и культурной революции в регионе.

В предвоенное десятилетие была построена научно-исследовательская работа вузов Сталинграда на принципиально новых структурно-организационных и методологических началах. Они стали крепкими научно-исследовательскими образовательными центрами со времени своего становления, что позволило им и получить высокий статус в новой системе образования, а также мощный толчок к дальнейшему развитию.

Примечания

¹ Сообщение секретаря обкома ВКП(б) об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в вузах. 4 января 1940 года // Государственный архив Волгоградской области (ГУ ГАВО). – Ф. 2115. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 147.

² Постановление бюро Сталинградского крайкома ВКП(б) “О культурном и материальном положении работников высших школ”. 5 сентября 1936 года // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ГУ ЦДНИВО). – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 155.

А.М. Вишнякова

Самарский государственный университет

АГРАРНАЯ РЕФОРМА П.А. СТОЛЫПИНА В СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 50-60-Х ГОДОВ ХХ ВЕКА

Исследования аграрной реформы Столыпина после Февральской революции и вплоть до 50-х годов сходились на одном тезисе “в действиях царского правительства в начале ХХ века проявилась логика классовых интересов помещиков... главное – надо было избежать революции”¹.

Основы такого взгляда на столыпинскую аграрную реформу были заложены в концепции В.И. Ленина². Вся история реформы П.А. Столыпина, которая писалась на основе трудов В.И. Ленина Институтом марксизма-ленинизма, продолжала исходить из того, что чувство самосохранения заставило царское правительство, прежде всего, добиться “успокоения” страны, под которым оно понимало “разнузданный террор”. Однако одними репрессиями правительство не могло надежно укрепить почву под ногами. Поэтому оно и пыталось провести некоторые реформы, прежде всего, в области поземельных отношений,

с тем, чтобы ослабить социальную напряженность в деревне, смягчить остроту противоречий между крестьянами и помещиками и создать себе новую социальную опору.

П.Н. Першин в работе “Аграрная революция в России: от реформы к революции” писал: “Помещичье правительство, подавив революционные восстания народа, пыталось осуществить объективно назревшие требования капиталистического развития путем сохранения землевладения крепостников, отдавая на разграбление кулачеству обширные наделные земли”³.

Таким образом, на первом этапе историографии столыпинской аграрной реформы взгляды историков были максимально зависимы от их политической принадлежности.

Однако, начиная с 50-х годов споры специалистов стали крутиться вокруг степени развития капитализма в России к началу XX века. Вставал вопрос о том, была ли аграрная реформа Столыпина объективно продиктована развитием экономики страны? В зависимости от ответа на этот вопрос делались выводы о результатах аграрных преобразований П.А. Столыпина.

Первый этап дискуссии по проблемам аграрной эволюции России начался на московской сессии Аграрного симпозиума, проходившей в декабре 1959 г. В докладах С.М. Дубровского, М.А. Рубача и А.М. Анфимова содержалась различная трактовка указанной проблемы. Между этими исследователями развернулась основная полемика в ходе заседаний Научного совета. Основу расхождений между исследователями составляет вопрос о степени развитости капиталистических отношений в аграрном строе страны. А.М. Анфимов признавал, что как направление развития капитализм победил, находя вместе с тем, что вплоть до 1917 г. капиталистические отношения в аграрном строе России еще не стали господствующими; С.М. Дубровский говорил о преобладании капиталистических отношений в аграрном строе страны, подчеркивая при этом, что капиталистические аграрные порядки окончательно еще не сложились. В соответствии с этим, выделяя преобладающие, с их точки зрения, черты, первый говорил о полукрепостном, а второй — о капиталистическом характере аграрного строя России начала XX столетия.

В работах советских историков вплоть до 60-70-х годов аграрная реформа Столыпина тесно переплеталась с расслоением крестьянства и классовой борьбой. Акцент исследователи делали, прежде всего, на негативные стороны реформы, игнорируя успехи. Правда, многие из них отмечали, что реформа была навеяна духом времени, развитием капитализма, все это требовало изменения землепользования. Дальше начиналась критика правительственного решения этой проблемы. В то же время мы можем наблюдать столкновение представителей

двух групп исследователей. Первые из них считают, что Россия к началу XX века достигла существенного уровня развития капитализма, другие напротив, считали экономику страны многоукладной, с большим преобладанием крестьянского сектора.

На рубеже 60-х годов встала задача подведения историографических итогов наступившего во второй половине 50-х годов периода бурного развития научной мысли.

Первым обобщающим итогом историографического анализа и синтеза социально-экономической проблематики истории России периода империализма стала монография К.Н. Тарновского “Советская историография российского империализма”⁴. Автор последовательно раскрывает как под воздействием вводимых в научный оборот исторических фактов и логики развития научной проблематики разрушалась навязанная в середине 30-х годов сталинская концепция о России как полуколонии Запада – концепция подсказанная не столько реальными фактами, сколько стремлением еще более возвеличить “великого вождя”, с именем которого произвольно соединялись все действительные и мнимые успехи.

Примечания

¹ Исторический опыт трех российских революций. – Т. 2. – М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1986.

² Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. – Т.3. – 5-е изд. – М.: Политиздат. - 1974.

³ Першин П.Н. Аграрная революция в России: от реформы к революции. – М.: Наука. – 1966. – С. 78

⁴ Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. – М.: Наука, 1964.

И.С. Аброскина

Самарский государственный университет

А.М. АНФИМОВ И “НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ” В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Вопрос о развитии аграрного капитализма в России занимает центральное место в отечественной историографии. Вокруг него всегда возникало много споров, порой настолько острых, что результаты сказывались на судьбах самих исследователей. На заре Советской власти молодая марксистская историография взяла на вооружение ленин-

ский тезис о борьбе двух путей буржуазно-аграрного развития в дореволюционной России – прусского и американского .

Новое поколение историков-аграрников, пришедшее в науку после Великой Отечественной войны, сумело в значительной мере преодолеть узкий схематизм концепций 30-х годов. Наиболее значительным его достижением следует признать прорыв в экономическую проблематику, хотя социально-классовые мотивы были по-прежнему сильны. Значительное влияние на первые исследования послесталинского периода оказал переживший нелегкие времена репрессий С.М. Дубровский. Он стремился как бы взять своеобразный реванш за поражение в дискуссиях 30-х годов и насадить в советской аграрной историографии тезис о повсеместном господстве прусского пути, с которым он связывал все социальные процессы в деревне начала XX века, в том числе и свой вывод о преобладании капиталистических отношений в аграрном строе страны в начале XX века. Среди оппонентов С.М. Дубровского выделялся А.М. Анфимов. Он отрицал абсолютизацию прусского пути, а также высокий уровень его развития. Анфимов попытался дать первый в советской историографии содержательный анализ “прусского типа” аграрно-капиталистической эволюции. Сопоставив аграрное развитие России и Германии, А.М. Анфимов отметил существенные различия стадийного характера: в Германии прусский путь победил и стал типом эволюции, в России же он не достиг такой высоты. Острая дискуссия между С.М. Дубровским и А.М. Анфимовым развернулась на второй сессии аграрного симпозиума, которая состоялась в Москве в декабре 1959 года, материалы которой вошли в сборник “Особенности аграрного строя России периода империализма”. Надо особо отметить, что после окончания дискуссии А.М. Анфимов приступил к изучению крестьянского хозяйства в годы первой мировой войны, после чего он существенно поменял свои концептуальные представления об аграрном строе. Одно из достижений дискуссии состояло в том, что в начале 60-х гг. оформилось “новое направление” в советской историографии. Взгляды А.М. Анфимова разделяли директор института истории СССР, главный корреспондент АН СССР П.В. Волобуев, известный специалист по истории советского крестьянства В.П. Данилов, научный сотрудник этого же института К.Н. Тарновский, а также М.Я. Гефтер. А.М. Анфимов выступил основным оппонентом С.М. Дубровского на конференции 1960 года, а затем существенно подкрепил свои тезисы монографическим исследованием “Крупное помещичье хозяйство Европейской России конца XIX – начала XX века” (М., 1969). Этот и другие труды А.М. Анфимова были положены затем в основу концептуальных построений “нового направления”, получив расширительное толкование в статьях и докторской диссертации К.Н. Тарновско-

го. Лидеры “нового направления” стремились доказать, что аграрный строй России был не просто недостаточно капитализирован, он был многоукладен, причем преобладающую роль в нем играли вовсе не буржуазные элементы, а докапиталистические. Поэтому тип аграрно-капиталистического развития он определял как “октябристско-пруссский”, то есть эдакий недоразвитый прусский, сочетающий в себе капиталистические и феодально-помещичьи формы эксплуатации крестьянства, а еще точнее – своеобразный российский путь, соответствующий странам “второго эшелона” мирового капиталистического развития.

Разным был и методологический инструментарий. А.М. Анфимов придерживался традиционных методов анализа документации. Это не позволяло решить некоторые наиболее сложные проблемы, которые он хорошо осознавал (например, проблему характера экономического строя помещичьего хозяйства), что придавало его работам некоторую описательность и фрагментарность, но в то же время оставляло свободу от априорных схем при оперировании фактом.

Исследователь стоял на марксистских позициях, точнее на почве ленинской концепции двух путей. И многоукладность, и стадийность были характеристиками одного и того же смыслового ряда, предполагающего конечную капитализацию русской деревни, распад крестьянства и формирование новых типов хозяйства, в том числе фермерских. Над истинностью самого ленинского тезиса о двух путях никто вообще не задумывался.

Анфимов А.М. относится к числу историков, которые попытались по новому представить наследие второй половины XIX-XX веков.

Изучая комплекс разнообразных источников, он уже в конце 50-х – начала 60-х пришел к выводу о том, что в аграрном строе преобладали “живые” остатки феодализма. Участие в дискуссиях стимулировали его научную деятельность. Он приступил к изучению рентных отношений, крупного помещичьего хозяйства. Выводы, полученные в этих исследованиях, подтвердили его правоту, но историографическая ситуация сложившаяся в 60-е годы, связанная с возвратом к сталинизму, вынудила его сформулировать заявление об ошибочности его концепции.

Это заявление оказалось вынужденным. По сути дела в 70-80-е годы Анфимовым был проведен комплекс исследований по истории крестьянского хозяйства пореформенного периода, в которых было убедительно доказано, что в российской деревне, особенно в “Великой России”, крепостничество продолжало сохранять свои позиции до 1917 года.

Научное наследие видного ученого представляет не только историографический факт, но содержит непреходящей ценности источ-

никовую базу, ценнейшие наблюдения, образцы методических подходов в использовании различных материалов. Нельзя пройти мимо тех новых тенденций, которые получили развитие в фундаментальных исследованиях видного историка-аграрника А.М. Анфимова.

Я.А. Голубинов

Самарский государственный университет

ДИСКУССИЯ О БЛАГОСОСТОЯНИИ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Среди общественных деятелей в 1914-1917 годы активно дискутировалась проблема влияния войны на экономическое положение российской деревни в целом и, в особенности, производящих регионов страны, таких, как, например, Среднее Поволжье. Основным пунктом разногласия был вопрос: “Богатеет ли деревня?”. Он появился и на страницах газет и журналов того времени¹. Можно привести в качестве примера две типичные статьи, представлявшие противоположные позиции, в журнале “Вестник пензенского земства”.

Одна из них была написана земцем Н. Езерским в середине 1915 г.² По его словам, обыкновенно причину возросшего благосостояния деревни видели в запрещении продажи водки, однако, оно лишь сберегло народу деньги. Но у крестьян появились и дополнительные источники дохода. В первую очередь это произошло оттого, что деревня меньше, чем город, страдала от дороговизны, а отчасти и выигрывала от нее. Поскольку деревня не так нуждалась в городских товарах, как город в продукции сельского хозяйства. “Ведь крестьянин привык сжимать свое потребление даже в существенном, по одежке протягивай ножки”. За хлеб, масло, яйца, мясо горожанам приходилось платить “бешеные” деньги.

Большой спрос на рабочую силу предъявлялся со стороны помещичьих экономий. Крестьянская семья как рабочая единица была универсальна: недостаток взрослых восполняли другие члены семьи. Помещику же восполнить недостаток рабочей силы было неоткуда, если не считать пленных, работа которых оказалась малопродуктивной. Потому недостаток рабочих рук повышал заработную плату до невиданных прежде размеров: уборка десятины местами доходила до 20 р.; мужик с лошастью легко зарабатывал 5 руб. в день одной вязкой снопов. Все, что было выплачено в виде заработка экономиями, явилось прибавкой к обычному бюджету деревни.

Наконец, в деревню прямо или косвенно текли казенные деньги. Во-первых, все солдатские семьи получили порядочные пайки. Ценность этих денег для деревенских семей, обладавших собственным двором, была гораздо выше, чем для городских. Во-вторых, наплыв беженцев в село обеспечил стабильный доход многим крестьянам, поскольку беженцы не ездили на городской базар и продукты, которые прежде приходилось отправлять вдаль, теперь продавались на местах без посредника. В-третьих, во многих селах были размещены лазареты. Значительная часть их содержания шла в пользу деревни, так как все съестные продукты персонал служителей закупал на месте. “Вот отчего деньги на селе накаплиются и кредитные товарищества не знают, куда девать вклады. Вот одно из глубоких коренных причин, почему деревня спокойно и твердо настроена; ... нет массового страдания, ужасной безысходной нужды”, — заключал Езерский.

Противоположная точка зрения представлена в написанном годом позже и опубликованном в том же журнале письме крестьянина В. Янина из с. Титово, Нижне-Ломовского уезда. По его утверждению, только те крестьяне, у которых еще оставались работники, и могли немного заработать на повышении цен на хлеб. Но даже они были вынуждены тратить деньги только на самые необходимые товары, которые теперь стоили значительно дороже, чем до войны. Значительная же часть вкладов в кредитных товариществах и сберегательных кассах принадлежала торговцам и лавочникам, которые, пользуясь благоприятным для них временем дороговизны, “дерут немилосердно за каждую пуговицу, запугивая несведущих покупателей и покупательниц”³. Но главными вкладчиками являлись жены призванных из состоятельных хозяйств. Выдававшиеся им пайки были во много раз ниже по ценности ушедшей рабочей силы. По уходе из хозяйства работника-мужчины, женщина не могла справиться со скотиной, а нанять стороннего помощника ввиду дороговизны было невозможно, и она решалась распродать всю свою скотину, оставив себе только корову (да и то не каждая хозяйка), а также сельскохозяйственный инвентарь, говоря: “зачем мне его беречь, он портится, да и соседи берут, рвут, ломают, лучше я его продам, деньги положу в кассу; придет хозяин, все купит”. Собранные таким образом несколько десятков, а то и сотен рублей, из которых только малая часть уходила на покупку более или менее дорогих товаров, клались в сберегательную кассу до прихода хозяина. “Приходит или придет хозяин, у его хозяйки 300-400 рублей в кассе, а ему нужно купить одну лошадь-работницу за 260-300 рублей”.

Мнение, что крестьяне стали носить дорогие платья и обувь, покупать дорогие конфеты и шоколад, Янин называл не соответствующим действительности. Если это и наблюдалось, то главным образом, сре-

ди крестьян-мастеровых, которые жили в городах. Сельское население вынуждено было, по его словам, ограничить себя в потреблении даже традиционных продуктов — каши, яиц, масла. Таким образом, Янин делал вывод: “крестьянство в массе своей беднеет”. Этот тезис полностью поддерживался оппозиционно настроенной частью политического истеблишмента, а потом стал традиционным для советской историографии.

Подобные публикации типичны для провинциальных, особенно земских, изданий. Анализ таких журналов, как “Вестник пензенского земства”, “Симбирский хозяин”, “Самарский земледелец”, показывает, что данный вопрос появился в 1915 г. и был очень актуальным на протяжении ряда лет. Но даже современники не пришли к однозначному ответу: была ли ситуация в деревне настолько хороша или настолько катастрофична. Решение его так и не появилось, а после Февральской революции 1917 г. данная проблема отходит на фоне революционных потрясений на второй план.

Думается все же, что ситуация с продовольствием в деревне все же не была такой критической, постоянно ощущался лишь недостаток фабричных товаров, главным образом, “мануфактурных товаров и... всякого рода железа”, но никак не продовольствия⁴. Крестьяне расчетливо старались придержать основные запасы хлеба для установления более выгодной цены и за годы войны накопили значительные излишки⁵. В Самарской губернии осенью 1914 г. население не так спешило с реализацией урожая, как это было в предыдущие годы. Осенью продали весь хлеб только те из крестьян, которых вынуждала к этому крайняя необходимость. Зерно стремились удержать до второй половины зимы, а более зажиточные — до весны и даже до выяснения видов на урожай летом 1915 г. Позднее, с установлением политики твердых цен и реквизиций, крестьяне еще более замкнулись в своем хозяйстве. Если политика твердых цен в принципе и одобрялась крестьянами, то они желали в первую очередь установления выгодных им твердых цен на фабричные и заводские бытовые товары⁶.

В сохранении деревней больших запасов хлеба сыграла свою роль крестьянская психология: удержать при себе как можно больше на “черный день”. Этому способствовало и то, что в деревнях остались женщины и старики, то есть самые консервативные группы населения. В отсутствие домохозяина в русской крестьянской семье, известной своей патриархальностью, женщины просто боялись распоряжаться хлебом, так как были к этому непривычны. К тому же желание обезопасить хозяйство в случае неурожая, особенно в малоурожайном 1916 г., толкало крестьян на естественную бережливость⁷. Хлеб был главным богатством крестьянина, и расстаться с ним последний мог только в случае крайней нужды.

Примечания

- ¹ См. Самарский земледелец. — Самара, 1916. — №7. — С. 221.
- ² Вестник пензенского земства. — Пенза, 1915. — № 49-50. — С. 858.
- ³ Вестник пензенского земства. — Пенза, 1916. — № 29-30. — С. 373.
- ⁴ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. В 3 ч. — Л., 1967. — Ч. 3. — С. 165.
- ⁵ Волобуев П.В. Хлебные ресурсы России в 1917 г. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. — М., 1961. — С. 410.
- ⁶ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. В 3 ч. — Ч. 3. — С. 174.
- ⁷ Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. — М., 1917. — С. 140.

А.М. Камина

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

ПОНЯТИЕ “НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ” В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Понятие национальная идея на протяжении последних десятилетий прочно укрепилось в теоретическом, эмпирическом сознании общества, в его политической повседневности. Предметом исследования выступают структура национальной идеи, способы и механизмы ее функционирования, а также аксиологическая и социо-культурная роли. Но на наш взгляд четко не определена сущность самого феномена национальной идеи.

Исследование данного понятия как научной проблемы — сложная и противоречивая задача в методологическом и теоретическом отношении. Понятие национальной идеи часто рассматривается в соответствии с такими категориями как “историческое сознание”, “политическая культура”, “национальный характер”, “ментальность” и другими. К тому же данная категория обладает яркой эмоционально-стилистической окраской и проецируема в будущее. Зачастую вместо критериев научности и рациональности современные авторы опираются на эмоциональную риторику, связанную с политической, экономической, нравственной целесообразностью национальной идеи.

Поэтому в каждой дискурсивной системе стремящейся к раскрытию сущности данного понятия целесообразно проводить демаркационную линию между научным пониманием национальной идеи и ненаучными, обусловленными политическими, религиозными, идеологическими формами ее восприятия.

В современном социальном познании появляются новые перспективы изучения феномена национальной идеи, а также способов и форм ее институционализации. В XXI веке в связи с процессом глобализации для постмодерна характерна проблема методологии универсального и уникального, национально-самобытного.

В русской философии всегда были актуальны вопросы национальной идентичности и национального самосознания. В. Соловьев замечает, что русская мысль не институциональна. “Русская мысль чаще всего строит изнутри себя самой, на своем собственном “мысленном” пространстве то, что западная мысль находит в формах общества и культуры”¹. В отечественной философской традиции давно сложилось понятие “русская идея”. На наш взгляд факт тождества понятия русской идеи и понятия национальной идеи (в классическом европейском понимании) достаточно спорен. И. Ильин замечает: “Русская идея — это не идея нации, а идея национального духовного характера, руководящая творческая идея”².

Под национальной идеей мы понимаем интеллектуальный продукт развития нации, выраженный в искусственно созданном конструкте идей, отдельные элементы которого взяты из политического, экономического и социо-культурного бытия конкретной нации.

Национальная идея формулируется всегда в контексте собственной истории, философии, политической мысли, поэтому данное понятие может быть адекватно реальности существования нации только при его анализе в национальной духовной традиции. Специфика русской философии заключается в выражении национализма путем истолковывания различных аспектов русской идеи в измышлениях философов. (Понятие национализм в данном контексте не носит негативной эмоциональной окраски.) Основания для формулировки национальной идеи, как и русской идеи, лежат в интеллектуальных основаниях отечественного философствования: феноменологических, экзистенциальных, онто-гносеологических.

Исследовательские и оценочные парадигмы национальной идеи порой настолько несоизмеримы, что часто делаются выводы о бесперспективности научного анализа данного феномена. Тем не менее, существует не только понятие “национальная идея”, но и сам феномен. Другое дело, что он строго не конституирован в обществе. Формы его институционализации различны в различных общественных системах. Причем данное понятие зачастую используется в политичес-

ких, экономических, идеологических программах, которые побуждают общество к конкретным социальным действиям. Для эффективного функционирования таких программ необходимо их осмысление не столько на уровне обыденного знания, сколько на уровне научного, категориального знания. Следовательно, и понятие “национальная идея” нуждается не только в расшифровке его смысловых значений, но и в более точном философском объяснении его сущности, т.е. в поисках его логических и онтологических оснований.

Примечания

¹ Соловьев В.С. Статьи и письма. К характеристике русского ума // Новый мир. – 1989. – №1. – С. 194 – 235. – С. 195.

² Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.info/statii/ilin_rusidea.html.

Н.В. Гильмутдинов

Казанский государственный университет

ИЗ ИСТОРИИ АДВОКАТСКОГО СОСЛОВИЯ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ: СОЗДАНИЕ СОВЕТА ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ (1904 г.)

В данной публикации я хотел бы остановиться на таком важном аспекте истории провинциальной адвокатуры в дореволюционной России, как формирование у адвокатского сословия Казанской губернии собственного сословного органа – Совета присяжных поверенных округа Казанской судебной палаты.

История региональной адвокатуры, к которой относится и казанская, – мало изученная тема. Историки и ученые-юристы создали немало первоклассных трудов¹, посвященных возникновению и эволюции адвокатуры в дореволюционной России, анализу профессиональной этики и корпоративной культуры представителей адвокатского сословия, но сюжеты, связанные с деятельностью региональной (в том числе и казанской) адвокатуры, к сожалению, по-прежнему остаются в числе маргинальных. До настоящего времени мы не имеем серьезных монографических исследований по истории казанской адвокатуры, а имеющиеся публикации посвящены лишь отдельным сюжетам в ее истории². По этой причине данная работа была выполнена преимущественно на основе архивных материалов, отложившихся в Национальном архиве Республики Татарстан (далее НАРТ)³.

Российская присяжная адвокатура (присяжные поверенные) была учреждена в соответствии с Судебными уставами 1864 года (19 октября 1864 года было утверждено Положение о введении в действие Судебных уставов), что произошло с некоторым запозданием, чем в европейских странах. Согласно уставным документам, присяжная адвокатура представляла собой корпорацию лиц свободной профессии — так называемое сословие присяжных поверенных, объединенных внутренним самоуправлением в виде выборных органов (Совета присяжных поверенных) и внешнего надзора судебных учреждений. Сословие присяжных поверенных стало активно развиваться сразу же после учреждения в 1864 г., но наиболее важные события в его среде происходили во второй половине XIX века. В Казань новая судебная система пришла лишь к 1870 году, однако в целом формирование казанской адвокатуры неразрывно связано с историей становления института присяжных поверенных в Российской империи.

В соответствии с законом создание адвокатами собственного корпоративного органа — Совета присяжных поверенных — допускалось лишь в том случае, если в округе Судебной палаты имелось не менее 20 присяжных поверенных. В Казани первоначально нужного числа адвокатов не набиралось. Когда же это препятствие стало преодолимым, возникли новые сложности: в декабре 1874 г. последовало Высочайшее повеление о временном приостановлении учреждения в империи новых Советов присяжных поверенных. Таким образом, казанские адвокаты оставались временно без собственного корпоративного института.

До образования Совета его функции мог осуществлять только Окружной суд. В Казани в отсутствие Совета сословная организация адвокатуры первоначально ограничивалась лишь общим собранием Комитета присяжных поверенных во главе со старшиной сословия. Следовательно, общее собрание Комитета играло роль представительного органа местной адвокатуры. Оно решало ряд важных вопросов, например, вопрос о пополнение рядов адвокатуры новыми членами. С 80-х годов XIX в. существовал следующий порядок избрания новых присяжных поверенных и их помощников: претенденты подавали необходимые документы в Казанский окружной суд. Председатель суда направлял на имя старшины сословия присяжных поверенных предложение суда об избрании новых присяжных и их помощников и просил дать свое заключение о нравственных качествах ходатайствующих. Лишь после того, как общее собрание присяжных поверенных давало свое заключение, суд принимал решение. Вступавший в адвокатуру давал присягу, которая принималась в здании Окружного суда в присутствии священнослужителя. Каждый присягал по правилам своего вероисповедания (православного, иудейского или мусульманского).

Как свидетельствуют архивные документы, общее собрание также рассматривало дела по жалобам и заявлениям о предосудительных действиях присяжных поверенных, возбуждало преследование против лиц, унизивших свое достоинство поведением на суде, выносило в соответствующих случаях осуждение или порицание, устанавливало правила поведения, вступалось за присяжных поверенных перед судом, и урегулировало конфликты, возникавшие между руководством Окружного суда и самими адвокатами, одним словом заменяло Совет⁴.

Конфликтные ситуации, вспыхивавшие между представителями Окружного суда и адвокатами, побуждали последних искать защиты своих интересов в сословных учреждениях. Поэтому в последней четверти XIX в. представители казанской адвокатуры неоднократно выступали с ходатайствами об открытии Совета. Однако до начала XX века ситуация была неблагоприятная, поэтому у казанских адвокатов не было официального (юридический закрепленного) корпоративного органа, а упомянутый выше Комитет просуществовал вплоть до учреждения в Казани Совета присяжных поверенных. Когда же в 1904 году в России началась либерализация внутривластного курса и после тридцатилетнего перерыва было вновь разрешено открытие Советов присяжных поверенных⁵, в Казани он был учрежден в числе первых.

10 ноября 1904 года было издано Высочайшее повеление императора Николая II об образовании Совета присяжных поверенных в округе Казанской Судебной палаты. С открытием Совета присяжных поверенных Комитет упразднился и в силу вступили общие положения *“Учреждения судебных установлений”* об избрании Советов присяжных поверенных и осуществлении ими соответствующих функций. Первое после открытия Совета общее собрание состоялось 8 мая 1905 г. и на нем присутствовало 50 адвокатов⁶. Возглавил Совет присяжный поверенный на первых порах Ю.М. Смелъницкий, в последующем его сменил Ф.А. Брокмиллер. Количество адвокатов с помощниками в округе Казанской Судебной палаты достигало до 150. За первый год своей деятельности Казанский совет рассмотрел 38 дисциплинарных дел, в 1909 году – 77 дел присяжных поверенных и их помощников. Много жалоб оставлялось без последствий из-за отсутствия доказанной вины адвокатов. Если же вина имела место, адвокату могли объявить выговор и в редких случаях – запретить практику вообще. Надзор за деятельностью присяжных поверенных со стороны Советов был гораздо строже, чем со стороны Окружных судов. К концу XIX века в округах, где действовали Советы (Московский, Петербургский и Харьковский), они рассматривали в среднем в год по 288 дисциплинарных дел на 915 адвокатов⁷. Но помимо дисциплинарных дел Советы занимались самыми разнообразными вопросами, на его за-

седаниях происходило обсуждение важных для адвокатского сословия вопросов (вступление в силу новых законов, различные прецедентные дела, вопрос об адвокатской этике, вопрос о допустимости в адвокатуру женщин и пр.). По ряду вопросов и проблем члены Совета вступали в конфликт с руководством Судебной палаты или же высказывали свое принципиальное несогласие с действиями последних (вопрос о сроках отстранения адвокатов-выборщиков от адвокатской практики и пр.).

Подводя предварительные итоги изучения дореволюционной казанской адвокатуры, можно сделать вывод, что к 1917 году в Казани сформировалось сословие адвокатов с определенными традициями и корпоративностью. В жизни адвокатского сословия были достижения и промахи, свои белые и темные страницы, свои “взлеты” и “падения”, но все же прогрессивного было больше.

Примечания

¹ Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. — СПб., 1875; Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. — СПб., 1893. Т. 1–2; Макалинский П.В. Санкт-Петербургская присяжная адвокатура. — СПб., 1889; Обнинский П.Н. Откуда идет демократизация нашей адвокатуры // Юридический вестник. — 1890. — № 8; Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы. 1866–1904 гг. — Тула, 2000; Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-е годы XIX в. — М., 1987.

² Усманова Д.М. Профессора и выпускники Казанского университета в думе и Госсовете России 1906–1917. — Казань, 2002; Долгов Е.Б. Присяжные поверенные // Татарская энциклопедия. — Казань, 2002; Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. История адвокатуры среднего Урала. — Екатеринбург, 1999.

³ НАРТ. — Ф. 51. — Оп.1. — Д. 99. Об открытии при Палате Совета присяжных поверенных; Там же. — Д. 240. Именные списки присяжных поверенных Казанской судебной палаты за 1890 год; Там же. — Д. 1461. Правила, условия и порядок принятия в помощники присяжных поверенных и др.

⁴ Учреждение Комитета присяжных поверенных при Казанском окружном суде. — Казань, 1899. — С. 3; НАРТ. — Ф. 41. — Оп. 1. — Д. 1433. — Л. 30.

⁵ История русской адвокатуры. — Том 1. Адвокатура, общество и государство / Под ред. И.В. Гессена. — М., 1914–1916. — С. 349.

⁶ Отчет Совета присяжных поверенных Казанской судебной палаты. Первый год. — Казань, 1906. — С. 1–3.

⁷ Арсеньев К.К. За четверть века (1871–1894). Сборник статей. — СПб., 1915. — С. 68.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА
В ОСВЕЩЕНИИ ЧЕШКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ
МЫСЛИ (ПО КНИГЕ Т.Г. МАСАРИКА “РОССИЯ И ЕВРОПА”)**

В творческом наследии известного чешского философа, социолога и историка, первого президента Чехословакии Томаша Масарика особое место занимает его книга “Россия и Европа”, впервые увидевшая свет на немецком языке в 1913 году¹. По разным причинам этот труд не дошел до русского читателя ни в Царской, ни в Советской России. Он был опубликован на русском языке только в начале XXI века и поэтому известен только узкому кругу специалистов. Эта книга о предвоенной царской России по широте охвата материала, глубине анализируемых в ней проблем не имеет аналогов в зарубежной литературе. Многие вопросы рассматриваемые автором не утратили актуальности и сегодня. В своем труде Т.Г. Масарик впервые ставит вопрос о политическом терроре в России, как проявлении кризиса революционного движения. Такая постановка проблемы достаточно интересна и сама по себе требует детального осмысления.

В начале XX века политический террор стал значительным фактором общественной и политической жизни. Еще в конце XIX террор стал предметом художественного и литературного осмысления. Современники политического террора отлично понимали его значимость как общественного явления². Современные историки определяют террор, как элемент политического воздействия. Для Т.Г. Масарика же террор – это больше проявление общественных умонастроений, чем политический инструментарий, направленный на физическое уничтожение отдельных лиц и дестабилизацию политической обстановки в целом. Такое понимание террора сложилось у Т.Г. Масарика под влиянием дистанцирования автора от предмета исследования. Чешский философ четко ставит цели своего исследования “моя настоящая цель – пишет он, просто раскрыть “Коня бледного”³, как свидетельство психологического кризиса, в котором находятся современные, в котором находятся современные революционеры– террористы”⁴. Такая постановка цели изначально указывает на субъективность, так как Масарик не учитывает двух основных факторов в процессе своего исследования: личность автора и время выхода повести. Борис Савинков – многогранная личность, отношение к жизни которого достаточно специфично и требует особого анализа с точки зрения психологии⁵. Поэтому важно дать хотя бы примерный портрет того человека, сквозь призму понимания мира которого исследует озна-

ченную проблему Т.Г. Масарик. Любопытно мнение самого чехословацкого президента о личности Бориса Савинкова. “Позднейшее развитие Савинкова – он даже служил Колчаку – показало его слабость – слабость террористического титана, ставшего Гамлетом.”⁶ Таким образом, Т.Г. Масарик косвенно подтверждает мнение А.В. Луначарского о надуманном трагизме в личности Савинкова⁷. Часто революционеры оценивали себя, как воинов, боевое братство, противостоящее царскому режиму, из чего следовало, что для революционеров логика войны обесценивает мораль, истоки которой пытается найти в произведении В. Ропшина Т.Г. Масарик. Отсюда следует, что вопрос о философских категориях, исследуемых Т.Г. Масариком, для Б. Савинкова является лишь литературным антуражем, своеобразной данью моде и времени. Данью символизму, как культурному явлению, к которому был близок Савинков. Масарик ложно полагает, что В. Ропшин признает пороки терроризма, но отказаться от него не может⁸. Более того, он “глубоко вник в проблему революции, затронув самую острую в плане этики сторону”⁹. В связи с этим нам видится ближе к истине утверждение Л. Троцкого¹⁰.

Другим субъективным фактором, является выход этого произведения Савинкова в свет. Это произведение вышло из печати в 1909 году почти одновременно с другим трудом Савинкова “Террор и дело Азефа”, излагавшая те же события только уже от лица непосредственного участника событий, лидера и идейного вдохновителя БО ПСР¹¹. Эти публикации вышли в период кризиса Б.О. когда произошло разоблачение Е. Ф. Азефа и временное свертывание официальной деятельности группы. Временные трудности в боевой деятельности наложили своеобразный отпечаток на текст повести, ставшей основным источником для Т.Г. Масарика.

Таким образом, кризис революционного движения в России для Т.Г. Масарика вытекает из кризиса Боевой организации Партии социалистов-революционеров в освящении Б.В. Савинкова, что само по себе является достаточно субъективным мнением.

Примечания

¹ Th. I. Masaryk. «Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie». Soziologische Skizzen. В. I, II. Verlegt bei Eugen Diederichs in Jena. 1913.

² В Думе: Запросы об убийстве Столыпина // Будущее (L’Avenir). (Paris). – № 3 от 5 ноября 1911. – С. 3.

³ Ропшин В. (Савинков Б.В.) Конь бледный // Русская мысль. – 1909. – Кн. 1.

⁴ Масарик Т.Г. Россия и Европа. – М., 2004. – Т. 2. – С. 478.

⁵ Подробнее о нем см.: Городницкий Р.А. Б.В. Савинков и судебно-следственная комиссия по делу Азефа // Минувшее. – М.; СПб., 1995. – Вып. 18.; Городницкий Р.А. Три стиля руководства Боевой Организацией партии социалистов-революционеров: Гершуни, Азеф, Савинков // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. – М., 1996. и др.

⁶ С. П. Мильгунов чешский патриот о войне и русской революции. Т.Г. Масарик и “Русская акция” Чехословацкого правительства. – М., 2005. – С. 250.

⁷ Луначарский А.В. Бывшие люди. – М., 1922. – С. 15.

⁸ Масарик Т.Г. Россия и Европа ... – С. 485.

⁹ Там же. – С. 486.

¹⁰ Троцкий Л. Россия и Европа. «Киевская Мысль» N 158, 2 июня 1914 г.

¹¹ Савинков Б.В. Террор и дело Азефа // Знамя труда. – 1909. – № 15.

А.Г. Мубаракшина

*Институт истории Академии наук
Республики Татарстан*

ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ “КАЗАНСКОГО ВОЛЬНОГО ПОЖАРНОГО ОБЩЕСТВА (1891-1917 гг.)”

По мере роста городов Российской империи и увеличение числа их жителей со второй половины XIX – начало XX века, все более острой становится проблема благоустройства. На протяжении всего существования Казанской губернии, вопросу развитию городской инфраструктуры городов придавалось серьезное значение.

Широкой известностью во второй половине XIX – начале XX века пользуются создаваемые пожарные общества, а в селах – пожарные дружины. Несостоятельность профессиональных пожарных подразделений, находившиеся в во ведении муниципальных органов и в ведении государственных органов (подчинявшиеся полиции), не могли справиться со своими прямыми обязанностями, что и вызвало к жизни создание вольных пожарных обществ и дружин¹.

Инициатором и основателем общества в Казани стал дворянин А.П. Энгельгард. Устав первого вольного пожарного общества был учрежден 25 ноября 1891 года. Целью нового общества стало “содействие тушению пожаров, изыскание средств к приобретению инструментов и огнегасительных снарядов и вообще заботится о предупреждении пожаров и об ограждений от них”². На первом этапе деятель-

ность общества ограничилась лишь созданием устава. Первые движения начинаются лишь летом 1894 года, когда в залах думских заседаний состоялось первое собрание членов, на котором и было решено открыть его действия³.

Участники добровольных обществ пожарных имели собственную особую иерархию: почетные члены, жертвователи, действительные и добровольцы – “охотники”. Права и обязанности первых категорий членов очевидны, почетные – лица, внесшие крупные пожертвования, жертвователи – небольшое, в тушении пожаров участия не принимают, действительные члены кроме участия в тушении пожаров, должны были платить членский взнос⁴. Особой привилегией почетных и действительных членов было право возглавлять пожарную дружину. “Охотники” составляли пожарную полувоенную дружину, которая делилась на отдельные отряды “лазальщиков”, “трубников”, “водоснабжателей”, “охранителей”, каждый из которых возглавлял командир. В основном они были сформированы из крестьян, мещан и ремесленников. Охранители являлись наиболее обособленной дружной. Их основной функцией было наблюдение за порядком во время пожаров, ограждения место происшествия и охрана спасенного имущества⁵. Они принимались исключительно из числа действительных членов, а это значит уплативших членский взнос. Потому “охранители” наиболее вероятно были представителями состоятельных слоев населения.

Работа пожарных начиналась с первых звонов колоколов, своеобразных призывов к тушению пожаров. Основной необходимый инвентарь общества находился в собственном депо, которые назывались “пожарные сараи”. Оно было открыто в 1897 году в Казани и в двух уездах -Тетюшском и Мамадышском. К тому же, по окраинам города было распределено 5 пожарных обозов, которые состояли из одной пожарной машины, двух бочек по 25 литров каждая⁶.

Наличие лиц разных сословий и различных профессий не всегда представляло возможным поддерживать строгую военную дисциплину в добровольных командах. Порядок нарушался из-за частых неявок членов пожарной дружины на место происшествия, к примеру, в Казанской слободе команда состояла из 21 человека, но “к месту происшествия ни один не явился, а ведь иногда достаточно стакана для предупреждения пожара”⁷.

Серьезная работа была проведена обществом в информировании населения, проводя встречи и беседы с населением. Грандиозным событием стала выставка, организованная обществом в рамках Всероссийской пожарной выставки. Посетителей на выставки было больше, чем, к примеру, в Нижнем Новгороде в 4 раза (если в Н.Новгороде – 130, то у нас 550).

Вторую жизнь, данная общественная организация вдохнуло лишь в 1903 году, тогда оно и становится более активным. 1 апреля 1904 года общество утвердило новый нормальный устав для городских пожарных обществ, утвержденный Министерством внутренних дел 23 января 1896 года⁸, взамен предыдущего. Усложняется экипировка членов-охотников, добавляются нарукавные знаки, обязательными становятся медные каски, открывается отдел общества в Адмиралтейской слободе⁹. Начинается профессиональная подготовка пожарных: устраивались маневры. Не имея собственного здания они проходили в разных, арендуемых обществом местах, также на собственной учебной башне – каланчи, сооруженной в 1904 году¹⁰. Средства общества с каждым годом росли, если к началу 1903 года их было 182 руб 83 коп., то к концу 1904 года они составили 2627 руб. 58 коп. Увеличивающиеся доходы сделали возможным решить давний вопрос, постройку собственного здания. Торжественная закладка произошла 15 июля 1907 года на Сошественской площади в Суконной слободе. Данная организация дала толчок к открытию обществ такого типа по всей губернии, по данным страхового отделения губернской земской управы на 1912 год в губернии было 39 пожарных обществ и 126 пожарной дружины¹¹, из них наибольшее количество было в Тетюшском (33) и Цивильском (22) уезде.

В условиях советской власти добровольные пожарные общества постепенно ликвидируются или реорганизируются, в мае 1919 года была прекращена деятельность главной организации всех пожарных обществ – Императорского пожарного общества.

Примечания

¹ Найджел Рааб. Формирование гражданской идентичности в общественных организациях России // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. – М., 2007. – С. 263.

² Устав Казанского добровольного пожарного общества. – Казань, 1891. – С. 1.

³ Казанский телеграф. – 1894. – № 360. – С. 2.

⁴ Устав Казанского добровольного пожарного общества. – Казань, 1904. – С. 3.

⁵ Инструкция о внутреннем устройстве казанского добровольного пожарного общества и о служебных правах и обязанностях членов его. – Казань, 1905. – С.17.

⁶ Казанский телеграф. – 1898. – № 1757. – С. 2.

⁷ Казанский телеграф. – 1898. – № 1757. – С. 2.

⁸ НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 987. – Л. 1.

⁹ НА РТ. — Ф. 1. — Оп. 3. — Д. 893. — Л. 111.

¹⁰ Отчет Казанского добровольного пожарного общества за 1904 год. — Казань, 1906. — С. 7.

¹¹ Казанский телеграф. — 1912. — № 5667. — С. 3.

А.П. Павленко

Уральский государственный университет

ОТНОШЕНИЕ А.В. КОЛЧАКА К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

В начале Революции 1917 г. вице-адмирал А.В. Колчак занимал должность командующего Черноморским флотом. Он говорил на допросе в 1920 г., что приветствовал революцию и признал новое правительство, которое надо было поддерживать всеми силами. Присягу Временному правительству А.В. Колчак “принял по совести”, считая его правительством, которое необходимо признать в данных обстоятельствах. При этом он заявил, что служил “не той или иной форме правительства, я служу Родине... и считаю необходимым признать то правительство, которое объявило себя тогда во главе Российской власти”¹. Слова, сказанные на допросе, он подтверждал своими действиями и выступлениями в начале революции. Например, по воспоминаниям В.К. Жукова, 5 марта на параде А.В. Колчак публично объявил себя сторонником нового правительства, как обещающего вывести страну из разрухи и довести войну до победы². Ему удалось сохранить дисциплину, и привести к присяге флот.

Но был ли А.В. Колчак, по выражению советских историков, “верным слугой Временного Правительства”? Здесь безусловный интерес представляет информация, приведенная М.И. Смирновым, соратником А.В. Колчака, о том, что в самом начале революции вице-адмирал поставил условия своего нахождения на посту командующего флотом. Во-первых, это отказ какого-либо корабля выйти в море или исполнить боевой приказ; во-вторых, смещение с должности без согласия командующего флота кого-либо из начальников отдельных частей по требованию подчиненных; в-третьих, арест подчиненными своего начальника³. Однако других источников, подтверждающих выдвигание условий, на данный момент не обнаружено.

В середине апреля 1917 г. А.В. Колчак посетил Петроград, где встретился с членами Временного Правительства. Он говорил, что это правительство состояло из людей искренних и честных, желающих принести пользу стране. “Они искренне хотели спасти положение”, но

опирались на нравственное воздействие. Характеризуя апрельский кризис, А.В. Колчак говорил, что у правительства было достаточно дисциплинированных сил, но желания применять их не было. Ему стало ясно, что это правительство совершенно бессильно⁴.

Интересно отметить, что во время апрельского кризиса было возможным назначение А.В. Колчака на пост морского министра. В документах Петроградского союза офицеров-республиканцев, связанного с Петроградским Советом, сохранился проект состава кабинета; в котором фигурирует имя А.В. Колчака⁵. Сложно сказать, согласился бы он на это назначение. В последствии, он расценивал перемены в правительстве после апрельского кризиса как ухудшение⁶.

В середине мая возник конфликт А.В. Колчака с Севастопольским Советом по поводу ареста последним генерал-майора Н.П. Петрова. Для разрешения ситуации Черноморский флот посетил военный и морской министр А.Ф. Керенский. Он выступил с речами перед моряками и постарался уладить конфликт. Выступления А.Ф. Керенского производят впечатление очень пафосных и многословных⁷, однако А.В. Колчак говорил, что было ощущение, что на команды его выступления впечатления не производят.⁸ Думается, командующий ожидал действий по наведению порядка, а вместо этого последовали слова.

В мае 1917 г. правительством была подписана “Декларация прав солдата”, которую А.В. Колчак характеризовал как “преступный правительственный акт”⁹. Он считал, что процесс дальнейшего развития революции и сопровождавшее его падение дисциплины нужно останавливать, а правительство для этого не делает ничего и даже способствует этому. По мере дальнейшего падения дисциплины и радикализации настроений команд, возник новый конфликт. Под давлением матросов 6 июля 1917 г. А.В. Колчак покинул свой пост¹⁰.

В столице, на заседании правительства, А.В. Колчак сделал доклад, обвинив правительство в деятельности, ведущей к разрушению вооруженных сил¹¹. После приезда в Петроград, А.В. Колчак в течение 1,5 месяцев оставался без дела. К этому времени относятся его контакты с организацией¹², спланировавшей силы для военного переворота. Очевидно, ее члены рассматривали вице-адмирала одним из кандидатов в потенциальные диктаторы (что признавал и А.Ф. Керенский¹³). Однако из этого ничего не вышло, так как А.В. Колчак вскоре уехал во главе военной миссии в США. Сам адмирал писал, что правительство охотно согласилось на эту поездку, желая избавиться от его присутствия, “усматривая в нем явную опасность”¹⁴.

В какой мере А.В. Колчак мог стать лидером этого выступления? К существующему правительству он относился отрицательно, А.Ф. Керенского в последствии характеризовал самым нелестным образом¹⁵. Вице-адмирал считал, что правительство, если бы хотело, могло

установить твердую власть в стране и навести необходимый порядок.¹⁶ Впоследствии он называл Л.Г. Корнилова символом попытки спасти государство.¹⁷ Однако у нас нет достоверной информации, подтверждающей участие А.В. Колчака в подготовке военного переворота, тем более что он покинул Россию в тот самый момент, когда шла подготовка выступления. Но если бы А.В. Колчак оказался в России в момент выступления Л.Г. Корнилова, то он бы его, несомненно, поддержал.

Таким образом, отношение А.В. Колчака к Временному правительству эволюционировало от безусловной поддержки до критики и обвинений в развале государства. Это было также связано и с изменениями в составе правительства. А.В. Колчак придерживался более консервативных (но не реакционных!) взглядов, и рассматривал дальнейшее развитие революции как процесс, ведущий к негативным последствиям для страны. Он хотел это предотвратить, а правительство не предпринимало тех мер, на которые он рассчитывал.

Примечания

¹ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января – 7 февраля 1920 г. // Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 10. – С. 211-212.

² Жуков В. Черноморский флот в революции 1917 г. // Пролетарская революция. – 1927. – № 8/9. – С. 149.

³ Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). – Париж, 1930. – С. 33.

⁴ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака... – С. 224-225.

⁵ Кожевин В. Л. Адмирал А.В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 г. // А.В. Колчак – ученый, адмирал, Верховный Правитель России. – Омск, 2005. – С. 53.

⁶ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака... – С. 225.

⁷ Речь. № 117 от 20 мая 1917 г.; № 118 от 21 мая 1917 г.

⁸ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака... – С. 230.

⁹ Автобиография Александра Васильевича Колчака // Источник. – 1996. – № 4. – С. 66.

¹⁰ Телеграмма командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака от 6 июня 1917 г. № 1256/оп. // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 1. – С. 24; Телеграмма командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака от 7 июня 1917 г. № 1239/оп. // Там же. – С. 25.

¹¹ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака... – С. 234-235.

¹² Там же. – С. 237.

¹³ Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. – М., 2005. – С. 265.

¹⁴ Автобиография Александра Васильевича Колчака. — С. 66.

¹⁵ Автобиография Александра Васильевича Колчака. — С. 65-66; Письмо Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака генерал-лейтенанту А.Н. Пепеляеву // Известия СО РАН. Сер. История, филология и философия. — 1992. — Вып. 3. — С. 12.

¹⁶ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака... — С. 240.

¹⁷ Автобиография Александра Васильевича Колчака. — С. 66.

С.В. Соколов

Уральский государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ “РУССКОГО КАГАНАТА” В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Образование Древнерусского государства и роль того или иного протогосударственного объединения в данном процессе привлекают к себе пристальное внимание историков, как прошлых веков, так и современных. К числу проблем, вокруг которых разворачивается острая полемика, относится и проблема “Русского каганата”, его места и роли в формировании Древнерусского государства.

Тема впервые начала разрабатываться З. Байером, который использовал “Бертинские анналы”, упоминавшие кагана росов, для доказательства тождества последних со шведами¹. Внимание на титул правителя русов обратил А.-Л. Шлецер, который, впрочем, объяснил его как неправильно понятое имя Након, распространенное в Швеции IX в.²

С 20-х годов XIX в. в отечественную историческую науку вводятся арабо-персидские источники, которые также сообщали о некоем народе ар-рус, управляемом хаканами. Арабо-персидских авторов, писавших о русах с хаканом во главе несколько, однако их сообщения восходят, несомненно, к одному общему источнику. С.А. Геденон, опираясь на арабо-персидские источники, локализовал русь в Поднепровье. Тюркский титул хакана был одним из основных его доказательств существования государства в Южной Руси до призвания варягов³. Д.И. Иловайский в ходе интерпретации сведений о “Русском каганате” использовал почти все письменные данные, которые используют ученые и сейчас. На их основании он предположил, что в IX в. между Доном и Днепром существовало независимое государство, против которого и была построена хазарская крепость Саркел⁴.

Период XVIII–XIX вв. можно назвать предварительным в разработке темы. Сведения о “Русском каганате” использовались историками инструментально, для подтверждения своей концепции формирования Древнерусского государства. Первые опыты более скрупулезного исследования можно найти у Д.И. Иловайского. Однако он использовал лишь письменные источники. Только с привлечением археологических источников, данных нумизматики, появлением новых источниковедческих методик аргументация исследователей стала более весомой.

Первое крупное исследование “Русского каганата” в XX в. провел Г.В. Вернадский. В его труде “Ancient Russia” изданном в 1943 г. в Нью-Йорке, предпринята попытка воссоздать историю “Русского каганата”⁵. Вернадский локализовал “Русский каганат” в Приазовье, однако связал его со шведами, которые, по мысли ученого, проникли в этот регион не позднее 739 г. Шведы развернули активную торговую и военную деятельность, вступили в союз с хазарским каганом. В 825 г. шведский правитель объявил себя независимым и принял титул “каган”. Крушение “Русского каганата” Вернадский связал с 839 г., когда, по его мнению, натиск Византии и хазар разрушил политическое образование русов. “Русский каганат” способствовал экономической активизации в Приазовье, а также в восточнославянских землях, был транслятором культурного влияния Халифата, Хазарского каганата и Византии.

В своем исследовании о хазарах 1962 г. М. И. Артамонова разобрала и сведения о русах с каганом во главе. “Русский каганат” он локализовал в Среднем Поднепровье, в земле полян, определяя его столицей Киев. Народ “русь” по Артамонову славяне, освободившиеся на рубеже VIII–IX вв. от власти хазар. “Русский каганат” начинает наступление на Византию и Хазарию. Первое государство восточных славян не прекращает своего существования в 882 г. с завоеванием Киева Олегом и убийством князей Аскольда и Дира (также титуловавшихся каганами). Олег и прочие русские князья по Артамонову используют титул “каган” вплоть до XII в.⁶

В 1970 г. А. Г. Кузьмин в своей статье “Варяги” и “Русь” на Балтийском море пытается доказать, что “остров русов” арабо-персидских источников и соответственно “Русский каганат” расположен на острове Рюген в Балтийском море. Основным занятием русов по Кузьмину являлась торговля. Существование “Русского каганата” ученый относит к 30–60-м гг. IX в.⁷

В 1998 г. свое исследование о “Русском каганате” опубликовал В.В. Седов. Опираясь на археологический материал, он выстраивает концепцию “Русского каганата” как протогосударства славян волыньцевской археологической культуры со столицей в Киеве. По мнению

В.В. Седова, “Русский каганат” образовался около 825 г. и находился в перманентном конфликте с Хазарией. Против “Русского каганата” Хазарский каганат строит Саркел и другие крепости по Дону. Варяги Аскольда и Дира в 862 г. захватывают Киев, однако “Русский каганат” сохраняется на днепровском левобережье, возможно, вступая в союз с варяжскими князьями, а, возможно, попадая в зависимость от Хазарии. Окончательно существование “Русского каганата” прекращается с завоеванием Киева Олегом.⁸

Исследование Е. С. Галкиной, появившееся в 2002 г., знаменательно в том смысле, что это была первая посвященная “Русскому каганату” монография⁹. Концепция Галкиной чрезвычайно оригинальна, однако с связана со большим количеством источниковедческих допущений. “Русский каганат” Галкина локализует в лесостепной зоне от Северского Донца до Днепра и относит возникновение каганата к рубежу VIII–IX вв. Русы по Галкиной – близкое к аланам североирранское племя кочевников, появившееся в донецко-днепровском лесостепье на рубеже VI–VII вв. Русы возглавили племенное объединение алан и праболгар, а впоследствии распространили свою власть и на славян волынцевской культуры. Славяне получили благодаря “Русскому каганату” передовые технологии кузнечного дела и керамического производства, арабское серебро и товары восточных рынков. На рубеже 30-х – 40-х гг. IX в. направляемые Хазарией мадьяры разгромили “Русский каганат”.

В целом, мы наблюдаем, что понимание роли “Русского каганата” в формировании Древнерусского государства зависит от позиции исследователя относительно этнической принадлежности племени “русь”. “Русский каганат” определяется либо как раннегосударственное образование восточных славян, либо иноэтничное по отношению к славянам образование, которое, тем не менее, способствовало экономическому росту и проникновению в восточнославянский регион культуры и технологии Византии и Хазарского каганата, что ускорило формирование Древнерусского государства. Как видно из анализа историографии, данная проблема не может считаться до конца решенной и нуждается в дополнительных исследованиях.

Примечания

¹ Татищев В.Н. История Российская. – Ч. 1 // Собр. соч. в 8 т. – Т. 1. – М., 1994. – С. 294-295.

² Шлецер А.-Л. Нестор. – Т. 1. – СПб., 1809. – С. 319.

³ Гедеонов С.А. Варяги и Русь: в 2 ч. – СПб., 1876. – С. 106.

⁴ Иловайский Д.И. История России. Начало Руси. – М., 1996. – С. 88.

⁵ Вернадский Г.В. Древняя Русь. – Тверь; М., 2000. С. 270–312.

⁶ Артамонов М.И. История хазар. – СПб., 2001. С. 491–495.

⁷ Кузьмин А.Г. Варяги и русь на Балтийском море // ВИ. –1970. - №10. – С. 28-55.

⁸ Седов В.В. Русский каганат IX в. // ОИ. – 1998. – № 4. – С. 3-15.

⁹ Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. – М., 2002.

А.К. Толстенко

Московский государственный университет

**ЛИБЕРАЛЬНЫЙ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ
К ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ П.Б. СТРУВЕ И М.О. МЕНЬШИКОВА)**

Темой данного доклада является сравнение концепций этнонационального развития России, предлагаемых П.Б.Струве и М.О.Меньшиковым в конце XIX – начале XX вв.

П.Б.Струве и М.О.Меньшиков были идеологами двух направлений русского национализма – либерального и консервативного толка. В русле этих направлений они предлагали свои программы.

К проблеме сущности этноса и нации Струве и Меньшиков подходили с точки зрения двух противоположных концепций – “почвы” и “крови” – соответственно. Этнос и нация образуются, по мнению Струве, на базе культурной общности; с точки зрения Меньшикова – на базе кровного родства. Все этнические процессы первый видел сквозь призму общекультурного процесса, тогда как второй – сквозь призму интересов русского этноса.

В своих теоретических рассуждениях Струве и Меньшиков ориентировались на западный опыт построения национального государства. Они осознавали, что преодолеть кризис начала века и сделать Россию достойным конкурентом великих держав будет возможно только при условии образования единой русской нации. В нации они оба видели прогрессивное созидательное начало.

Россию в будущем Струве и Меньшиков мыслили как “национальную империю” – русское национальное государство, в котором бы доминировали русский народ, язык и культура. Русский народ должен возглавить процесс постепенной этнической и культурной гомогенизации разноплеменного состава империи. Специфика их взглядов заключалась в разном понимании национального и имперского, а также в принципиально разной оценке ассимилирующего потенциала русского народа.

Струве мыслил русский народ в качестве ядра будущей империи, по аналогии с англосаксонским ядром в Северной Америке. Поскольку русской культуре, по его мнению, не было равных на территории империи (за исключением польской и финской), мощное русское культурное влияние будет способно скрепить в одно целое всех подданных Империи, независимо от их этнической, культурной или конфессиональной принадлежности. Свобода для Струве являлась одной из незабываемых ценностей, поэтому какие-либо преференции русским или дискриминация других народов были для него немыслимы.

Ключевым отличием меньшевиковской империи являлось господство русских на всей территории их государства. Следуя примеру Британии, Меньшиков пропагандировал введение особого статуса, исключительных привилегий и прав для русского народа. Оставляя за инородцами определенные гражданские права, он отказывал им в правах политических.

Во внешней политике Струве был свойственен экспансионизм и империализм. Поэтому он приветствовал присоединение новых территорий, а уже имеющиеся территории видел неотделимыми. Отделение имеющихся территорий он считал несовместимым с имперским статусом России.

Меньшиков выступал против активной внешней политики и новых территориальных захватов, ибо, с его точки зрения, они способствовали не мощи, а ослаблению страны. Более того, ради благополучия центральных районов он был готов предоставить независимость Финляндии и Польше.

Многонациональный состав Российской империи Струве считал преимуществом и благом для всех народов, как русских, так и “инородцев”; поэтому, в частности, он приветствовал процесс ассимиляции инородцев русскими. Меньшиков полагал, что сложный этнический состав государства затрудняет процесс управления, и к принципу ассимиляции относился не столь однозначно.

Струве и Меньшиков были сторонниками демократических преобразований в “национальных” интересах: введения ограниченной монархии, принципа представительства, обеспечения основных прав и свобод гражданам страны, предоставления широкой автономии окраинам. Особенность их видения составляло отношение к русской этничности и понимание термина “национальный”: если Струве под национальными подразумевал интересы, объединяющие все сословия и классы, то Меньшиков подлинно национальным признавал только интерес русского народа.

СЕКЦИЯ “РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ”

Ю.А. Однодворцева

Самарский государственный университет

РАЗВИТИЕ ВЫГОВСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА В КОНЦЕ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII вв.

Старообрядческое освоение Выговской пустыни началось еще в последней четверти XVII в. Начинаясь с отдельных монашеских келий, затерянных в глухих лесах, Выговское общежитие, благодаря усилиям и талантам своих основателей стало крупнейшим центром поморского согласия (умеренного крыла беспоповщины), его высшим авторитетом и местом паломничества.

Выговцы видели свое историческое предназначение в сохранении “древлеотческого православия” в условиях, когда от истинной веры отступились официальная церковная иерархия и государственная власть. Беспоповство не изменяет традиционного православного отношения к церкви и царской власти в принципе и не отрицает их необходимости. Но идеальное гражданское устройство общества для них находилось в прошлом. Выговцы восприняли от мятежных Соловков догмат немоления за государя-никонианина¹. Этим догматом они демонстративно разрывали связь с миром антихриста, т. е. с настоящим своей страны, ее государственностью, институтом церкви и мирянами – приверженцами “никонианства”.

Вплоть до конца XVII в. старообрядцы подвергались открытым преследованиям. Существование старообрядческих поселений в Выговской пустыни не могло не беспокоить власти. Предпринимались различные действия по поимке старообрядцев, а также разорению их поселений.

Источники свидетельствуют о готовности первых выговцев к активному сопротивлению в том случае, если государственная воинская команда доберется до их глухих поселений. Для этого они имели оружие и “запасной план” – самосожжение².

При Петре I отношение государства к неприемлющим церковную реформу изменилось. Петр I, который в своей политике руководствовался, прежде всего, соображениями пользы, решил отказаться от невыгодной политики своих предшественников по отношению к старо-

обрядцам и начал использовать принцип веротерпимости для государственной пользы и пополнения казны.

В ходе реформ Петра РПЦ была превращена в структуру государства, зависимую от него экономически, управленчески и идеологически. Выговское общежитительство, как и прочее старообрядческое население страны, также стало компонентом государственной системы. Общежитительство приобрело официальное положение в государстве, определенный правовой статус, разрешение соблюдать старые обряды в обмен на исполнение государственной трудовой повинности. Таким образом, Выг в определенной степени стал частью Российской Империи, а его обитатели включились в остальное население страны, зажили с ним общей жизнью — впервые со времени начала раскола в русской церкви.

Замкнутая община на Севере России не могла собственными силами прокормить себя. Первые десятилетия были очень трудными для Выгореции: длительные неурожаи и голод³, постоянная угроза доноса, карательных мер со стороны властей и закрытия общежитительства.

Пришлось думать, как войти в контакт с греховным внешним миром для выживания и сохранения общины. Особый статус Выговского общежитительства во взаимоотношениях с властями давал возможность представителям Выга заниматься торговлей. Развитие хозяйственных связей с “никонианами” представляло собой тот компромисс, с помощью которого община получала возможность обезопасить себя от бедствий суровой северной природы. Смысл ведения торговли у старообрядцев никак не был связан с принципом личного обогащения. Богоугодна только торговля для братии, а не для себя⁴.

Другим важным событием на пути компромиссов с миром была отмена догмата немоления за царя под давлением деятельности правительственной комиссии О.Т. Квашнина-Самарина (с 1737 по 1744 г.) и теоретическое обоснование этого выговскими наставниками.

Часть непримиримых противников богомолия за “государя-никонианина” во главе со старцем Филиппом в 1737 г. покинула Выговскую пустынь, образовав самостоятельное течение в беспоповщине — филипповское.

Уход Филиппа из общины выражал неприятие части членов общины политики выговских “отцов”, их тактики приспособления “к миру”, тактики компромисса, поклонения антихристу⁵.

Не проявлявшие лояльность по отношению к власти течения старообрядчества, в том числе и филипповцы, не сумели достичь тех хозяйственных успехов, на которых покоилось духовное и культурное процветание крупной, хорошо организованной выговской общины.

Сохранить такую крупную общину, какой была Выговская пустынь, при полном неприятии мира “никониан” оказалось невозможным. Выговцам была необходима прочная и стабильная экономичес-

кая основа и лояльное отношение со стороны царских властей, чтобы иметь возможность сохранить истинную веру. Пойдя по пути компромисса, они смогли найти свое место в изменившемся мире, эффективно использовать его себе во благо. Такую возможность им предоставила уже петровская эпоха, имевшая со старообрядцами гораздо меньше общего, чем прежняя, допетровская Россия.

Примечания

¹ Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. – Новосибирск, 1988. – С. 114.

² “Расспросные речи” шунжанина Терешки Артемьева в Олонецкой губернии приказной избе 20 апреля 1695 г. // Демкова Н.С. О начале Выговской пустыни. Малоизвестный документ из собрания Е.В. Барсова // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 243.

³ Филиппов Иван. История Выговской пустыни // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России / Отв. ред. и сост. А.М. Пашков. – СПб, 2003. – С. 292.

⁴ Расков Д. Е. Принципы ведения торговли у старообрядцев на материалах Выговской пустыни // <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/87-1-0-662>.

⁵ Демкова Н. С., Ярошенко Л. В. Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. “История пострадавших отец Филиппа и Терентия” // Рукописное наследие Древней Руси (по материалам Пушкинского дома). – Л., 1989. – С. 176.

А.И. Натаров

Самарский государственный университет

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИБИРСКА, КАК ВАЖНЕЙШЕЙ КРЕПОСТИ СИБИРСКО-КОРСУНСКОЙ ЗАСЕЧНОЙ ЛИНИИ

Совершенно новым явлением в военно-инженерном искусстве средневекового Московского государства было создание взаимосвязанной системы оборонительных сооружений вдоль всей линии фронта с кочевниками. В XVII вв. это привело к сложению сплошного оборонительного рубежа на южной и юго-восточной русской границе – единой засечной черты. Юго-восточный фланг этого рубежа на

правобережье Волги защищала Симбирско-Корсунская линия. Ее строительство обеспечило заселение всего Правобережья Симбирского Поволжья и способствовало быстрому включению территории региона в экономическое и политическое пространство страны. Крупнейшей среди крепостей этой линии была Симбирская. По своим фортификационным особенностям и вооружению Симбирская крепость вполне могла обезопасить окружающую местность от внезапных и быстрых нападений татар.

Умение русских градодельцев выбирать места для строительства поселений было отличительной особенностью их творчества. Эти места, как правило, были не только хорошо защищены самой природой, но и удобны, красивы, выгодны в стратегическом отношении. Еще восточные славяне для своих городищ выбирали вершины холмов, излучины рек, острова и другие выразительные в эстетическом отношении участки местности¹. Конечно важнейший укрепленный пункт Симбирско-Карсунской засечной линии не стал исключением.

Симбирская крепость располагалась в самом узком “горловом” месте Волго-Свияжского водораздела и прочно закрывала ногайский шлях, используемый кочевниками для набегов внутрь страны. Волга надежно прикрывала город с востока. На западе серьезным препятствием была Свияга. К ней примыкала восточным концом засечная черта. На юге кроме склонов горы подступы к городу затрудняли обширные заливные луга с большим количеством болотистых мест, стариц и озер. К северу находились глубокие овраги и речка Синбирка².

До настоящего времени ученые не пришли к единому мнению о размерах Симбирского кремля. При этом большинство исследователей конца XIX – XX веков ссылаются либо на данные Т.Г. Масленицкого и маршрут крестного хода, который ежегодно проводился в Симбирске “вокруг города”, либо на мнение К.И. Невоструева. Т.Г. Масленицкий застал в Симбирске “остатки пяти деревянных с таковыми же стенами башен и со рвом бывшей деревянной четырехугольной крепости...”³, “длина оной крепости 200 сажен и столько же ширины, в окружности до 800 сажен”. Ж.А. Трофимов пишет, что эти данные основаны на визуальном наблюдении Т.Г. Масленицкого, на старинном труде “О построении города Симбирска”, а также на рассказах местных старожилов⁴.

Крепость представляла собой в плане четырехугольник, по форме близкий к квадрату, из восьми башен две были проезжими. С целью получения ярусного огня в стенах и башнях были устроены так называемые бои подошвенные, средние и верхние. Подошвенные и средние бои представляли собой отдельные казематы, называвшиеся печурами и вооружавшиеся каждый одним орудием; печуры эти располагались по высоте не одна над другой, а в шахматном порядке. Верхние бои предназначались преимущественно для стрелков⁵.

Практически полностью можно восстановить состав артиллерии крепости по так называемому “Расписному списку Симбирска 1670 г.”⁶. Как писал историк русской артиллерии генерал-майор Н.Ф. Бранденбург: “Наша древняя артиллерия XVI–XVII столетий состояла из железных, чугунных и в значительной степени преобладавших медных орудий (пищалей), имевших всевозможные виды, наименования, размеры и калибры. Определенной взаимной зависимости разных конструктивных данных или какой-либо регламентации, видимо, не существовало, и каждый пушечный мастер поступал по собственному усмотрению, назначая длину, толщину, наружные очертания, украшения и т.п. для изготавливаемых ими изделий. Отсюда бесконечное множество всевозможных вариантов, нередко поражающих своей аномалией в дошедших до нас памятниках; отсюда бесконечная номенклатура самих орудий, их прозвища разными собственными и нарицательными именами и т.д.”

Несмотря на эти слова маститого историка, согласно сохранившимся источникам преобладали в Симбирской крепости все-таки железные орудия. Всего на вооружении крепости стояло три медных и восемнадцать железных пушек, пять затинных пищалей. Из них: 2-пудовых – 2; 27-пудовых – 4; 28 – 4; 61-пудовая – 1; 64-пудовая – 1; 66-пудовая – 1; 72-пудовая – 1; 74-пудовая – 1; 76-пудовая – 2; 79-пудовая – 1⁷. Номенклатура боеприпасов была невелика: ядра весом 2, 3 и 8 гривенок. Исключение составляли вестовая медная пушка – 6 гривенок и железная пушка на средней башне от Волги – 9 гривенок. Т.е. защитники крепости не испытывали особых проблем с разнотипностью орудий.

Наибольшее количество артиллерийских стволов защищало угловую башню у Мясного ряда (пять), наименьшее – среднюю от Свяги (две). В двух наиболее важных местах оборону усиливали еще три пушки, установленных на стенах крепости.

Трудно сказать каково было число пушкарей и затинщиков (служилые люди, которые действовали затинными пищальями⁸) в Симбирске. За пятнадцать лет до строительства города Пушкарскому приказу было подчинено в 82 городах 3573 человек, собственно пушкарей и затинщиков 2264, из них в Москве 318⁹. В среднем на один город, не считая Москвы, приходилось около 25 таковых служивых людей.

В Симбирске острогом именовалось не стоящее отдельно крепостное сооружение, а укрепление посада (“большого города”). Об этом свидетельствуют данные “записных книг отводным дворовым местам” за 1674 год, в которых записано, что “... от старого острогу до Стрелецкой новой слободки вверх по ключу...”¹⁰.

Таковыми представляются особенности фортификации и вооружения Симбирской крепости в середине – второй половине XVII века.

Примечания

¹ Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М., 1988. – С. 3.

² Масленицкий Т.Г. Топографическое описание Симбирской провинции. 1785. // ГАУО. Библиотека, машинописная копия подлинника, хранящегося в ЦГВИА.

³ Там же.

⁴ Трофимов Ж.А. Первоначальный вид города // Симбирск и симбиряне: Исторические и литературные поиски. – Ульяновск, 1997. – С. 21.

⁵ Яковлев В.В. История крепостей. – М., 2000. – С. 76.

⁶ Гуркин В.А. Симбирская черта. – М., 2000

⁷ Там же. – С.41 – 45.

⁸ 500-летие русской артиллерии (1389 – 1889). – СПб., 1889. – С. 21.

⁹ Там же. – С. 22.

¹⁰ Невоструев, К.И. Историческое обозрение города Симбирска от первых времен его до воздвижения на степень губернского города. – Симбирск, 1909. – С. 26.

Е.Ю. Федорова

Самарский государственный университет

ПЛАНЫ ПЕРЕУСТРОЙСТВА ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИССИИ ДЛЯ УСТРОЙСТВА ГОРОДОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

Крупные изменения государственного устройства, происходившие в первой половине XVIII столетия, внесли свои перемены в градостроительное искусство, тогда как вторая его половина стала поистине исключительным периодом в истории русского градостроительства¹.

Во многом произошедшим изменениям способствовала деятельность учрежденной Комиссии для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы **12 декабря 1762 года**². Первоначально сфера ее деятельности не распространялась дальше, чем создание генеральных планов двух столиц. Однако после пожара в Твери в 1763 году было издано постановление, согласно которому Комиссия обязывалась создать план застройки Твери, а также и другим городам³.

Следует отметить, что отечественная историография изобилует работами, посвященными русскому градостроению, тогда как деятель-

ность интересующей нас Комиссии рассмотрена весьма скудно. Именно поэтому наша работа будет носить в большинстве своем источниковедческий характер. Основным источником по данному вопросу для нас послужат доклады членов Комиссии на высочайшее утверждение⁴, а также планы разрабатываемых ею городов⁵.

В работе Комиссии можно выделить несколько этапов. Так, в первые годы члены Комиссии лишь только вырабатывали основополагающие принципы переустройства, а превалирующее значение в это время имело переустройство столицы (с 12 декабря 1762 года до начала 1770-х). Переломным моментом можно считать проведение губернской реформы в 1775 году, по результатам которой количество губерний в России увеличилось с 20 до 50, а все города были разделены на три категории – губернские, уездные и периферийные. Все это привело к тому, что бывшие сельские центры должны были стать не только в административном плане городами, но и в плане внешнего облика.

Первый опыт городского переустройства был связан с перепланировкой города Твери. Этот первый опыт показал, что, не зная истинного положения дел в том или ином городе, члены Комиссии не могли проектировать города “набело”. Именно поэтому деятельность Комиссии в отношении провинциальных городов проходила в своем развитии три этапа. Первый был связан с разработкой плана на месте. В этом случае в ней принимали участие губернатор, местные землемеры, архитекторы или топографы Комиссии, в исключительных случаях, таких как, например, при переустройстве Москвы – создавались отделения Комиссии на месте⁶.

На втором этапе план отправлялся в центральное отделение Комиссии, где план рассматривался, дорабатывался, оформлялся и подавался на утверждение Сената и самой императрицы. В случае удачного решения вопроса план снова отправлялся на место, где его должны были воплотить в жизнь. Комиссия разрешала *“если в натуре чего исполнить в нем можно, то... поправить не выходя из... настоящего плана”*. В случае если жители города не были удовлетворены поправками, процедура перепланировки проходила по второму кругу, как было, например, в случае с Астраханью⁸.

Таким образом, специфика происходящих процессов в то время состоит в централизованном руководстве проектированием городов при активном включении в этот процесс и местных сил⁹.

Как правило, основными причинами многоразовой перепланировки становилась нехватка денег у местного населения или невозможность воплощения задуманного Комиссией в реальных условиях города. Стоит отметить, что изначально Комиссия занималась преимущественно перепланировкой погоревших городов.

Зачастую из-за этих поправок приходилось годами решать вопросы переустройства. Ярким примером здесь выступает Тверь (споры о перепланировке велись с 6 июня 1763 года¹⁰ до 19 июля 1777 года). Этому факту есть свое объяснение, Тверь рассматривалась как место соединения Петербурга с транспортным движением по Волге, поэтому внешний облик этого города обдумывался особенно тщательно, свою роль здесь также сыграл тот факт, что это был первый опыт переустройства.

К этому времени сформировались уже и некоторые особенности в организации работы Комиссии. Так, например, если ранее члены Комиссии рассматривали план каждого города в отдельности, то к середине 70-х годов стали рассматривать планы городов в совокупности по губерниям. Почти во всех городах применялся принцип деления городского пространства на кварталы, впервые апробированный в Твери¹¹, на тверской же почве были разработаны пять типов обывательских домов и три типа зданий для ведения торговой деятельности¹². Однако скудное состояние обывателей городов заставило членов Комиссии в 1780-х годах разработать еще три типовых деревянных дома.

Еще одной проблемой провинциальных городов было отсутствие как таковой базы строительных материалов, поэтому и была разработана программа по организации кирпичного производства. Таким образом, ссуду местному населению давали не в виде денежного обеспечения, а столь необходимыми строительными материалами общую стоимость которых жители должны были возместить в десятилетний срок¹³.

Немаловажным элементом города признавались площади. В основном в русском городе преобладали площади трех типов: административные, культовые и торговые. В крупных городах каждая площадь имела свое функциональное предназначение, тогда как в малых городах они могли совмещать в себе два или три признака¹⁴.

Таким образом, в силу особенностей проводимых мероприятий порой трудно понять, где проводилась реконструкция города, а где проводилось фактически новое строительство.

Однако не все задумки Комиссии удалось реализовать до момента ее упразднения **21 декабря 1796 года**¹⁵. Планы многих городов так и остались только на бумаге, потому как были настроены на “перспективу”. Еще один негативный момент был связан с тем, что, так как контроль за предписаниями Комиссии был довольно слабым, то между ее предписаниями и выполнением нередко существовала ощутимая разница.

Тем не менее, работа Комиссии – важный этап в истории отечественного градостроительства. Она выработала рациональные методы проектирования городов, механизм взаимодействия между учрежде-

ниями центра и периферии и внедрила идею градостроительной дисциплины. Позже все эти идеи развивались в градостроительстве первой половины XIX столетия.

Примечания

¹ Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А. История градостроительного искусства. – М. 1989. – С. 100.

² Об учреждении Комиссии для устройства Санкт-Петербурга и Москвы // ПСЗ. – Т. 16. – СПб., 1830. – С. 128.

³ О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов во каждой губернии особо // ПСЗ. – Т. 17. – СПб., 1830. – С. 823.

⁴ Полное собрание законов Российской империи / под ред. М.М. Сперанского. – СПб., 1830.

⁵ Книга рисунков и чертежей / Под ред. Сперанского. – СПб., 1839.

⁶ Об учреждении специального департамента под ведомством главнокомандующего в Москве о сочинении генерального плана и проекта об улучшении строения в Москве // ПСЗ. – Т. 19. – СПб., 1830. – С. 931.

⁷ Бунин А.В. Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма. В 2 т. – Т. 1. – М., 1979. – С. 173.

⁸ О постройке домов на погоревших и порожжих местах города Астрахани и о суде тамошних обывателей деньгами // ПСЗ. – Т. 18. – СПб., 1830. О правилах для производства строения в городе Астрахани // ПСЗ. – Т. 18. – СПб., 1830.

⁹ Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX века / под ред. Гуляницкого. – М., 1995. – С. 73.

¹⁰ О способах к поправлению жителей города Твери, потерпевших от пожара // ПСЗ. – Т. 17. – СПб., 1830. О плане о построении города Твери // ПСЗ. – Т. 19. – СПб., 1830. О плане домов, выстраиваемых в городе Твери по эту сторону Волги // ПСЗ. – Т. 19. – СПб., 1830.

¹¹ Применялись выработанные на плане Твери прямоугольные кварталы шириной от 20 до 25 саженей, разбиваемые на участки с размерами их по улице от 10 до 15 саженей.

¹² Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX вв. – М., 1987. – С. 70.

¹³ О строительстве каменных домов в городе Казани по вновь спроектированному плану // ПСЗ. – Т.18. – СПб., 1830. – С. 58.

¹⁴ Пыляев М.И. Старый Петербург. – М., 2008. – С. 97.

¹⁵ Об упразднении Комиссии о строении Санкт-Петербурга, Москвы и других городов, Комиссии о Коммерции и Комиссии о дорогах в государстве, также и особых дорожных экспедиций, находящихся при некоторых казенных палатах // ПСЗ. – Т. 24. – СПб., 1830. – С. 247.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА XVIII-XIX вв.

Проблема сохранения архитектурных памятников никогда не теряла своей актуальности. Но к этому аспекту на определенном историческом этапе подходили и подходят по-разному. На сегодняшний день состояние архитектурных памятников русской культуры находящихся в границах РФ и на территориях бывших союзных республик сообщает нам серьезное опасение за их судьбу.

В настоящее время печальные факты уничтожения архитектурных памятников г.Уральска (Казахстан) лишь еще раз свидетельствует о том, что отсутствует полноценное понимание значения исторического наследия прошлого. В советское время было уничтожено не малое количество зданий: Казанская и Николая Чудотворца (единоверческие), Петропавловская, Успенская, Крестовоздвиженская церкви, Александро – Невский Собор; арка цесаревича, железнодорожный вокзал и т.д.

“В новейший период в охранной зоне архитектурного ансамбля уже полностью уничтожено пять, искажено и обезображено более 20 исторических зданий. В 2005 году варварски взорвали уникальный... памятник промышленной архитектуры – пятиярусную паровую мельницу купца Ф.И. Макарова”¹.

Абсолютно новым этапом проблемы актуальности сохранения архитектурных памятников представляется в таком явлении современной реставрации как “Новоделы”. Под этим следует понимать то, что архитектурные памятники восстанавливаются до неузнаваемости с исторической точки зрения. Например, совсем оригинально “отреставрировали” дом купца Хохлачева; “обшили сайдингом... не восстановив второй мансардный этаж, внутри сломали все перегородки и открыли компьютерный клуб”².

История создания архитектурно-исторического комплекса Уральска начинается с начала XVIII века. “Но современная правильность улиц усовершенствовалась уже после пожара в 1821 году”³. Когда, после многочисленных пожаров Оренбургский губернатор Волконский приказал построить Уральск по новому плану. В первой половине XIX века город обретает регулярную планировку улиц.

Сохранившейся старинной постройкой считается Михайло-Архангельский собор (Старый Собор), посвященной архангелу Михаилу, который являлся покровителем казачьего войска. По сведениям Са-

вичева собор был построен в XVII веке⁴. В 1741-1747 гг. он был переделан (церковь стала каменной) и расстроен (добавлены новые пределы). “Строился собор руками самих казаков, под присмотром одного зодчего, имя которого осталось неизвестным”⁵. Здание было представлено в Псковско-Новгородском стиле. “В 1773 году вокруг собора была выстроена крепость, в которой комендант Симонов с гарнизоном и частью казаков оборонялся от Е.И. Пугачева”⁶.

В 1859-1862 гг. была возведена единоверческая церковь Николая Чудотворца. “Церковь была построена из красного кирпича, украшенного белыми пилястрами и арками”⁷. Церковь Святого Николая Чудотворца (1897г.) была построенная по инициативе полковника И. Хорошкина на месте прежней церкви Николая Марликийского. “При церкви была организована бесплатная приходская школа, работала библиотека с книгами религиозного содержания”⁸. В память 300-летия службы Уральского Казачьего Войска уральцы задумали возвести Храм Христа Спасителя (1891-1907 гг.). “Храм был заложен Его Императорским Величеством”⁹, будущим Николаем II. Строительство шло в новомосковском стиле на Иканской площади. “Автором проекта был архитектор из Санкт-Петербурга В.Н. Чагин”¹⁰.

Спасо-Преображенская церковь (1886 г.) уникальна тем, что никогда не закрывалась и не использовалась по другим нуждам. В ее воздвижении участвовали представители почти всех сословий Уральского войска: генерал-майор Н.Н. Шипов (выбрал проект), купец Ф.И. Макаров (руководитель постройки), а верующие собирали пожертвования. В 1888 году “...епископ Макарий осветил церковь как кладбищенский храм”¹¹.

На “... средства богатых староверов А.В. Симакова, Усовых, Дмитриевых”¹² была выстроена церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1888г.). Церковь отличается от других тем, что она принимала старообрядцев австрийского согласия.

Памятниками архитектуры являются также купеческие дома, дома видных чиновников. До наших дней сохранилась ротонда в центре Столыпинского парка, которая находится в ветхом состоянии под угрозой сношения.

Часто уральцы среднего положения “...пренебрегали новизной из-за привязанности к старине...”¹³. Некоторые сооружения отражали Псковско-Новгородский стиль, другие – новомосковский. Определенная часть зданий была построена в стиле эклектики: сочетание классицизма либо с итальянскими мотивами, либо с восточными. В целом город построен в европейском стиле русского классицизма XIX века. Следует знать и помнить объекты культуры историко-патриотического значения. И делать все, чтобы однажды не сказать: “перед вами фото старинного Уральска, которого – нет”.

Примечания

¹ Куликов В. Юдоль старинного Уральска // Экспресс-К. – 2008.- № 29.

² Архитектурные памятники уральского казачества. URL: <http://www.yaik.nichost.ru/forum/showthread.php?t=99>.

³ Савичев Н.Ф. Уральская старина. Рассказы из виденного и слышанного. – Уральск, 2006. – С. 410.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 411.

⁶ Мухин Г.Л. Лицо Старого Уральска. Издание 4-е с изменениями и дополнениями. – Уральск: Издательство ТОО “Оптим”, 2006. – С. 19.

⁷ Там же. – С. 45.

⁸ Там же. – С. 48.

⁹ Протопопов С. Государь в Уральске // Оренбургский листок. – 1898. – № 34. – С. 2-3.

¹⁰ Мухин Г.Л. Указ. соч. – С. 73.

¹¹ Там же. – С. 49.

¹² Там же. – С. 47.

¹³ Савичев Н.Ф. Указ. соч. – С. 433.

И.О. Липский

Самарский государственный университет

ОБРАЗ ДРУГОГО: КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИЯН И АНГЛИЧАН В XIX в.

Англо-русские противоречия, начиная с первой половины XIX в. и в особенности во второй половине XIX в., порождали в отношениях между обеими странами взаимное недоверие и подозрительность. В Англии усилению этих чувств способствовала деятельность небольшой, но весьма активной группы политиков и публицистов, которые были убеждены, что русский царизм стремился полностью подчинить себе Турцию и весь Средний Восток и, дойдя до границ Индии, изгнать оттуда англичан. Страх перед наступлением России приобрел в некоторых английских кругах навязчивый характер: антианглийские замыслы российского правительства мерещились на каждом шагу. Русофобия, будучи в первой половине XIX в. бледным призраком, во второй половине века приобрела плоть и кровь.

Под русофобией имеется в виду нагнетание враждебности в отношении России в государственной, политической и общественной

жизни Англии. Россия в выступлениях министров, членов парламента, общественных деятелей, печати изображалась как крайне агрессивное государство, целью которого является завоевание или подчинение себе иным путем ряда стран Европы, Ближнего Востока, Азии, а по утверждению некоторых наиболее рьяных русофобов – даже Северной Америки. Так создавался, как теперь любят говорить, образ врага Англии в лице России¹.

Стереотип врага относился не только к российскому царизму, его администрации, внешнеполитическим акциям России, хотя эти аспекты и были центральными в принятой схеме. Он включал и оскорбительно-отрицательную характеристику народов России, которые квалифицировались как крайне отсталые, одержимые дикими инстинктами, чуждые цивилизованности и неспособные к ее восприятию вообще.

Первая, наиболее яркая, вспышка русофобии в Англии относится к началу 1830-х гг., и вызвана она была выходом России к черноморским проливам (1833). Николай I, зная о реакции Лондона, пошел на значительные уступки, пообещав не ратифицировать заключенный в 1833 г. русско-турецкий Ункяр-Искелесийский договор, русское правительство предоставило Британии большие льготы в ведении торговых операций на территории империи. Однако к началу 1850-х гг. русофобия вновь захлестнула Англию и подтолкнула ее к войне с Россией².

Антирусская кампания имела крайне вредные последствия для англо-русских отношений. Нападки на Россию порождали реакцию недоверия и подозрительности: в той или иной неудаче русской политики нередко стали усматривать происки англичан, всюду подозревали присутствие английских агентов, сеющих вражду к России³.

Что касается России, то в первой половине XIX в. можно говорить не об англофобии, а скорее наоборот – об англomanии. В XIX в. в России внимательно следили за жизнью Англии, во многом стараясь копировать английские манеры. Вслед за поэтом Байроном русские модники стали носить сорочки с широкими отложными воротничками, пришедшие на смену наглухо застегнутым рубашкам со стоячими воротничками. Евгений Онегин был “как денди лондонский одет”, а Павел Петрович Кирсанов уже казался законченным англomanом. Особую любовь к Англии среди русских воспитывала и могучая английская литература XIX в.: почти сразу же после издания знаменитых произведений английских авторов у них на родине наши соотечественники получали возможность познакомиться с этими работами в переводах.

Англичане в России воспринимались как передовая, прогрессивная нация. Неизменным успехом пользовались британские товары.

В богатых домах всегда можно было увидеть роскошные сервизы из английского фарфора, английское столовое серебро и многое другое.

В целом, в русском сознании XIX. в. Британия – великая, достойная восхищения страна⁴.

Преображение Англии в “коварный Альбион” произошло не сразу, а в результате многочисленных мелких и частных поправок, вносившихся в прежний образ страны. Эти поправки, накапливаясь, в конце концов изменили и самый образ Англии. Она предстала как страна, которая в погоне за политическими выгодами игнорирует все моральные принципы, не гнушаясь ничем. Эту мысль и должно было выразить наименование “коварный Альбион”⁵.

После Крымской войны 1853-1856 гг. отзывы об Англии стали гораздо более резкими. До середины 1820-х гг. британцы воспринимались в России как дружественная нация. Но значительное военно-экономическое развитие Российской империи в правление Николая I, обострение Восточного вопроса, начало российско-британского противостояния в Средней Азии к середине века привели к кризису в отношениях двух стран, который в 1854 г. перерос в открытый конфликт⁶.

Но нужно заметить, что антианглийские чувства в России никогда не достигали такого размаха и влияния, как антирусские настроения в Англии. Это объясняется просто: в России не было такой сплоченной и активной группы, которая вела эту кампанию в Англии. Имело значение также отсутствие массовой прессы. Поэтому антианглийские настроения разделялись отнюдь не всеми слоями населения. Неприязнь к Англии не получила массового распространения. О нем можно говорить только к концу века, что явилось результатом долгой серии политических столкновений и воздействия широкой массовой печати⁷.

Примечания

1. Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. – М., 1993. – С. 211.

2. Бурова И.И. Две тысячи лет истории Англии. – СПб.: Бельведер, 2001. – С. 456-457.

3. Там же. – С. 455.

4. Луцкий А.Н. В глубь русско-английских отношений // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. – 2003. – № 5. – С. 15.

5. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. – М., 1982. – С. 291.

6. Там же. – С. 294.

7. Луцкий А.Н. Указ. соч. – С. 20.

В.В. СТАСОВ КАК ТЕОРЕТИК ИСТОРИЧЕСКОГО ЖАНРА В ИСКУССТВЕ

Вопрос об исторической памяти остается актуальным во все времена, т. к. имеет неразрывную связь с культурой любого человеческого общества. Исторический опыт показывает, что в определенную эпоху в литературе, музыке, изобразительном искусстве возникают исторические образы, которые подобно зеркалу отражают настроения общества данной эпохи и его устойчивое образно-символическое представление о прошлом (при рассмотрении искусства как формы хранения исторической памяти). Поэтому без знаний о прошлом, которые живут в исторической памяти общества, воплощенной в образной форме, невозможно самосознание общества.

В контексте данной проблемы — для понимания исторической памяти второй половины XIX века, одним из важнейших моментов является рассмотрение исторической живописи “первым специально художественным русским критиком”¹ этого времени — В. В. Стасовым.

Для России вторая половина XIX века была временем стремительных социальных перемен, поэтому и была отмечена повышенным интересом образованного общества к истории, к историческим сюжетам. Рефлексия над пройденным историческим путем должна была помочь преодолеть кризис идентичности, определить исторические перспективы. В прошлом своей страны видели ключ к пониманию ее настоящего².

Одним из проявлений таких попыток рефлексии было рождение так называемой “новой” (или реалистической) исторической живописи, которая делала попытки изобразить подлинное, реальное прошлое своего Отечества, раскрыть реальные события истории и, зачастую, посмотреть на них критически.

Грань между академической и реалистической исторической живописью можно обнаружить в картине Константина Флавицкого на чрезвычайно знаменитый сюжет русской истории “Княжна Тараканова”. Картина основывается на реально произошедших событиях, изображает глубоко психологический портрет погибающей в Петропавловской крепости во время наводнения княжны Таракановой. Но все же, по мнению В.В. Стасова “несмотря на присутствие разных, очень реальных подробностей, мышей, бегающих по кровати, кружки с водой, соломенного повидерганного матраца и тому подобного картина была все-таки мелодраматическая и идеальная и явилась последней отрывкой брюлловщины”³. Этим Стасов показывает, что в исторической

живописи намечается перелом, переход от идеализированных форм к более реальным содержательным сюжетам.

Иные суждения были сделаны в печати по поводу исторических картин Вячеслава Григорьевича Шварца. Печать, как и Стасов, признавала его основателем русской исторической живописи, одновременно видя “археологический характер”⁴ его картин. С этим категорически не соглашался Стасов. Он считал, что Шварц одарен способностью к “историчности”, что в то время было исключением для художников. “Его картины — не плод изучения, не плод археологии и костюмного знания, ...каждая его картина и рисунок доказывают свободное могучее творчество, никакой потугой и стараниями не вымученный полет фантазии”⁵. Фантазия Шварца, переносившая в Россию за 300 лет назад и принесшая оттуда “новые образы, правдивые типы и физиономии”⁶, по Стасову побудила и фантазию зрителя. “Это способен сотворить только истинный, могучий, в самом деле “исторический” талант”⁷.

Немного с других позиций В. В. Стасов оценивает картины “Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе” Н.Н. Ге и “Царевна Софья” Ильи Репина. Он не может причислить их к истинным историческим художникам и причина этому кроется в натуре их таланта. Стасов высказывает мнение, что в своей картине Ге посмотрел “на отношение Петра I к его сыну — только глазами первого, а этого еще мало”⁸. Важно учитывать так же и взгляд истории, потомства. Стасов выступал за изображение в исторических полотнах ярких натур в крайних эмоциях и в критических ситуациях. Поэтому считал, что “средняя нота”, которую живописец придал Петру, не соответствует его натуре и характеру. Репин же был глубоко реальным талантом, неразрывно связанным с современностью, с тем, что сам видел собственными глазами, поэтому исторические картины ему не удавались. Стасов отмечал театральность и искусственность позы Софьи, которая увидела в окне повешенных стрельцов, возмущался ее спокойствием. “Для выражения Софьи, этой самой талантливой, огненной и страстной женщины древней Руси, для выражения страшной драмы, над нею совершившейся, у г. Репина не было нужных элементов в художественной его натуре”⁹.

Последователем Шварца в деле “историчности” являлся, по мнению Стасова, Василий Суриков, который сделал громадный шаг вперед в своей картине “Боярыня Морозова”. В ней проявился уже совсем иной взгляд на понимание истории и исторических задач. Его картина в оценке В. В. Стасова явилась наивысшей точкой в развитии русской исторической живописи. “Сила правды, сила историчности, которыми дышит новая картина Сурикова, поразительны”¹⁰. Главным достоинством этой картины Стасов считает ее массовость, народность:

“Какое во всем тут богатое разнообразие характеров, чувств, настроений, какая рознь умственного развития. Истинная толпа народная, истинная великая масса людская, с сотней душевных оттенков и способностей”¹¹. Общий же колорит картины передает нам образ бедной, старой, скорбящей, угнетенной Руси.

Итак, В. В. Стасов считал, что дар историчности, способность к изображению исторических личностей и событий не результат, приобретенного мастерства, изучения, археологических изысканий, а совершенно исключительный и специальный дар, который дается от рождения. Истинным даром историчности обладали, по мнению Стасова из выше упомянутых художников В. Г. Шварц и В. И. Суриков. Все остальное — было лишь пробой, попытками на пути к истинной реалистической исторической живописи. Стасов выступал за изображение сильных, энергичных и могучих натур. Он глубоко сопереживал, понимал и восхищался людьми, которые шли против существующей власти и порядков, отстаивая свои идеалы. Такими являлись, по мнению критика, царевна Софья и боярыня Морозова. Напротив, неоднозначно он оценивает фигуры Алексея Михайловича и Петра I. Хоть ему импонирует сила духа, твердость характера Петра, но он считает, что не стоит поступаться всем (а в данном случае жертва — сын) ради власти. Резко отрицательные оценки он дает Ивану Грозному, обвиняя его в животном равнодушии и разнузданном зверстве. Не питал Стасов ни малейшей симпатии также к патриарху Никону и его церковной реформе. В его образе Никон — деспот, насилующий старые русские формы. Из оценок В. В. Стасова и интерпретации определенных событий русской истории художниками новой исторической живописи мы можем понять некоторые образы, сложившиеся во второй половине XIX века в исторической памяти. В картинах того времени искали исторические корни народного духа и они, в силу стремительных социальных перемен, воспринимались как призыв к решительным действиям, или даже как скрытый протест против существующей власти.

Примечания

¹ Бенуа А. История русской живописи в XIX веке. — М.: Республика, 1998. — С. 222.

² Леонтьева О.Б. “Возрождение Московии” в исторической памяти пореформенной России // Известия Самарского научного центра РАН: Т. 8. — Самара, 2006. — № 3. — С. 712.

³ Стасов В.В. Передвижная выставка 1878 г. // Избр. соч. в 2 т. — Т. 1. — М.-Л.: Искусство, 1950. — С. 93.

⁴ Стасов В.В. Тормозы нового русского искусства // Избр. соч. в 2 т. — Т. 1. — М.-Л.: Искусство, 1950. — С. 575.

⁵ Стасов В.В. Собр. соч. 1847-1886. — Т. 2: Художественные статьи. — СПб.: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1894. — С. 553.

⁶ Там же. — С. 554.

⁷ Там же. — С. 555.

⁸ Стасов В.В. Передвижная выставка 1871 года // Н.Н. Ге. Письма, статьи, критика, воспоминания современников. — М.: Искусство, 1978. — С. 95–96.

⁹ Стасов В.В. Художественные выставки 1879 г. // Избр. соч. в 2 т. — Т. 1. — М.-Л.: Искусство, 1950. — С. 122.

¹⁰ Стасов В.В. Выставка передвижников // Избр. соч. в 2 т. Т. 1. — М.-Л.: Искусство, 1950. — С. 220.

¹¹ Там же. — С. 221.

И.Л. Хохлова

Самарский государственный университет

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Вопрос о педагогической нагрузке учителей российской классической гимназии второй половины XIX — начала XX веков до настоящего момента ни разу не ставился исследователями как самостоятельный, несмотря на то, что сформулированный вопрос мог быть предметом внимания двух отраслей научного знания: истории и педагогики. Историк он интересен как минимум для создания полной характеристики различных субъектов школы и для понимания социально-экономического положения российского учительства рубежа веков; в педагогическом аспекте — предметом является содержание самого понятия “педагогическая нагрузка” и его эволюция.

В работах по истории образования проблема педагогической нагрузки не получила широкой разработки. Тем не менее, лишь один аспект понятия (учебная нагрузка) неоднократно использовался или при сравнении учебных программ гимназии на разных этапах ее истории¹ или при изучении особенностей профессиональной подготовки народного учителя². Таким образом, можно говорить о том, что определенную долю разработки получили вопросы, касающиеся учебного плана гимназий и, соответственно, общего объема учебной нагрузки. При этом учебный план не рассматривается комплексно, не исследуются виды учительской нагрузки и, следовательно, невозможно сделать вывод о занятости педагогов.

В статье речь пойдет о классической гимназии, созданной Уставом 1864 года. В ней полагалось семь классов с годичным курсом для каждого класса. По штату в классической гимназии должно было быть 11 педагогов, при этом предметы разделялись между штатными педагогами (к ним относились учителя законоучителя, учителя наук и языков и учитель чистописания, черчения и рисования) и лицами, обучающими по найму (учителя пения и гимнастики). Первые считались лицами на государственной службе. В состав штатных должностей входили, также, должности директора и инспектора гимназии.

Понятие “педагогическая нагрузка” – понятие очень широкое. Уже в это время оно предполагало осуществление трех видов деятельности: учебной, воспитательной и административной. Классическая гимназия базировалась на их разделении. Согласно “Устам” 1864 и 1871 годов учебную нагрузку несли учителя-предметники, воспитанием занимались классные наставники (воспитатели), административная нагрузка лежала на плечах директора и инспектора.

Такое положение дел имело как положительные, так и негативные последствия. С одной стороны, предметники получали больше свободного времени для самообразования и подготовки к занятиям, но, с другой, они не могли, а некоторые и не хотели знать своих учеников, их особенности. Доказательства этому можно найти в художественной литературе – рассказы А.П. Чехова “Человек в футляре”, “Учитель словесности”.

Директор должен был управлять гимназией, корректировать процесс “обучения и воспитания” (формулировка “Устава”) с помощью распоряжений, педагогических советов, осуществлять контроль за ходом учебного процесса. В случае нарушения педагогами дисциплины и режима работы директор подавал рапорт попечителю учебного округа. Примером может служить рапорт директора Елабужской гимназии о том, что преподаватель одноименной гимназии С. Попов допустил девятидневную просрочку возвращения из отпуска. К сожалению, дальнейшая судьба Попова не отражена в документах³. Также в обязанности директора входило информировать попечителя учебного округа о смерти педагогов и, следовательно, о появлении вакантных должностей⁴.

Инспектор был помощником директора по учебной и воспитательной части, а также осуществлял фискальные функции. В должностные обязанности инспекторов гимназий входило ежегодное представление отчета попечителю своего учебного округа. Содержание отчета охватывало все сферы жизни школы – от численности учащихся и педагогического коллектива до состояния хозяйственной базы школы.

Директор и инспектор могли преподавать один из учебных предметов, не получая за это плату. В случае отсутствия директора, инспектор выполнял его функции, обратной взаимозамены не происхо-

дило. Можно сделать вывод о том, что директор обладал меньшей свободой действий в гимназии чем инспектор. Даже вопрос о приеме и увольнении педагогических кадров директор не мог решить самостоятельно, требовалась санкция попечителя учебного округа.

Также административно-хозяйственным органами являлись педагогические советы гимназий, но их решения утверждались попечителем округа.

В каждой гимназии полагалось по два воспитателя (для низших и для высших классов); в прогимназии – по одному. Основными функциональными обязанностями воспитателей были: надзор за учащимися во время перемен, а также за успехами и нравственностью учеников. То есть не формирование личности согласно целям гимназического образования, а контроль за результатами и их проявлением (поведением). В случае отсутствия учителей воспитатели могли их замещать за “особое вознаграждение” (плату); обязанности воспитателей также могли разделяться между штатными преподавателями за соответствующее вознаграждение.

Нельзя сказать, что такое совмещение было системой. К нему прибегали лишь в экстренных случаях, поэтому можно говорить о том, что такая практика вполне устраивала весь персонал гимназии.

Как и в настоящее время, продолжительность рабочего дня учителя не регламентировалась. Помимо проведения уроков, педагог должен был заниматься подготовкой к урокам, проверкой тетрадей. По времени эти действия никак не ограничивались.

Согласно Уставу 1864 года в столице и на местах штатное расписание гимназий было абсолютно одинаковым. На деле часто выходило так, что в регионах часть преподавательских должностей оставалась вакантными.

В заключении можно сказать, что три направления деятельности сотрудников гимназии были самостоятельными, так как функции были закреплены за определенными лицами. Совмещение функций не было систематическим, носило ситуативный характер. Следовательно, возникает вопрос – была ли гимназия воспитательным учреждением, таким, каким его видели просветители XVIII века. Фактически не была, хотя в законодательном уровне гимназия декларировалась как воспитательное учебное заведение.

Примечания

¹ Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России. – М., 1950.

² Сумбурова Е.И. Подготовка педагогических кадров в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Самара, 2004;

Чеков М.О. Частные школы Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. – Самара, 1999.

³ НАРТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 17425. – Л. 1.

⁴ См. например: НАРТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 20531. – Л. 1– 4.

А.В. Шевченко

Тольяттинский государственный университет

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В России тесная взаимозависимость между государством и церковью сложилась исторически. Становление свободы совести в стране имело свою специфику и определялось, прежде всего, условиями эволюции государственного строя, общественными отношениями, и другими факторами.

Одним из таких факторов, явилось появление в России немецких колонистов, привлеченных лучшими условиями жизни и благосклонностью правительства. Традиционной конфессией для большинства из них было христианство протестантского толка.

На всем протяжении XIX в. удельный вес немецкого населения в России значительно вырос (начиная с 1763 г. в 9 раз)¹, что было связано с привилегированными условиями, в отличие от местного населения, в которых находились колонисты (большие земельные наделы, налоговые льготы, отсутствие рекрутской повинности)². Отношение верховной власти к нетрадиционным конфессиям колонистов зависело как от внешнеполитических факторов: исторически сложившимся противостоянием власти папы и постепенному сближению с Германией; а так же внутренних: католическая пропаганда среди православного населения велась более агрессивно, чем протестантская. Исходя из этого, политика государственной власти была более благосклонна к протестантам, чем к католикам, что особенно проявилось в 60-70е года XIX в., когда из-за восстания в Польше, часть католических приходов была передана протестантам³.

Изменение политики правительства на рубеже XIX-XX вв. было обусловлено обострением отношений между Россией и Германией. Стоит так же отметить, что вместе с развитием панславистских идей, в русском обществе стали нарастать антинемецкие настроения⁴.

Усиление роли Священного Синода в конце XIX в. и ухудшение отношений православной и протестантской церковью, вызванное всплеском активности последней⁵, привели к ужесточению церковного законодательства: более жесткими стали требования в отношении “по-

рядочности” пасторов. В отношении заключения межконфессиональных браков преимущественно господствовал насильственный характер православизации лютеран и католиков. Присоединение к православию носило ярко выраженную политическую окраску. Обращение в протестантизм резко пресекалось⁶.

Манифест “Об усовершенствовании государственного порядка” от 17 октября 1905 г., впервые в истории страны предоставил россиянам свободу совести. Данными правами воспользовались протестантские общины. По всей стране создаются многочисленные, в том числе и политизированные, лютеранские общества⁷.

В связи с началом Первой мировой войны и антипротестантской кампании протестантские общества были запрещены. Помимо националистических настроений открыто демонстрируемых рядом общественных групп, важную роль в данном вопросе сыграла политика российского государства, связанная с разработкой и реализацией так называемого “ликвидационного” законодательства⁸. Всего за период с 1915 по 1917 гг. было разработано несколько ликвидационных законов, ограничивавших права лиц немецкой национальности на владение недвижимостью и землей, а также ограничивающих личные права немцев-протестантов – ограничения на свободное использование немецкого языка, запрещение проведения собраний, закрытие немецких религиозных изданий, корректировка немецкого религиозного образования⁹.

В тоже время, отсутствие четких инструкций придавало многим из принятых решений значительную степень декларативности. В результате их реализация зависела от позиции губернского руководства, которая в свою очередь определялась их личным отношением к колонистам и “немецкому вопросу” в целом¹⁰. Показательно, в данном случае письмо протестантской общины г. Самары в Министерство Внутренних дел, с просьбой дать разъяснения по поводу закона “о ликвидации недвижимого имущества”, т.к. “местная власть не может развеять наши сомнения”¹¹.

Жесткая декламация П.Н. Милюкова выражала настроения большей части общества: “Мы должны разделаться с немцем внешним и покончить с немцем внутренним”¹² и еще более усугубило отношение к русским немцам. Приход к власти Временного правительства, провозглашал отмену вероисповедальных и национальных ограничений, но распространение закона на немецкое – колониальное население было приостановлено на период войны¹³.

Таким образом, можно сказать, что формальное положение протестантской церкви на территории Российской империи было целиком подчинено внешнеполитической обстановке, а так же зависело от позиции главенствующей православной церкви и ее взаимоотношениям с протестантской.

Примечания

¹ Кабузан, В. Население Приволжского федерального округа РФ в XVII-XIX вв. в его современных границах // <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a119.htm>.

² Лиценбергер, О. А. Евангелическо-Лютеранская церковь в российской Империи (XVI-XX вв.). – М., 2004. – С. 78.

³ Лиценбергер О.А. Правовое положение Римско-католической церкви в России: истоки ограничений и притеснений. // Религия и право. – 2002. – № 2. – С. 30.

⁴ Курило О.В. Лютеране в России XVI-XX вв. – М., 2002. – С. 179.

⁵ ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. За. – Д. 1555. – Лл. 1-3.

⁶ Лиценбергер О.А. Восприятие немцев-лютеран и католиков русским обществом и Православной церковью: конфессиональный аспект // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII-XXI вв.). Материалы XI международной научной конференции. – М., 2006. – С. 15.

⁷ Деннингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. – Саратов, 2008. – С. 59.

⁸ Там же.

⁹ Решетов, Д.Г. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое развитие немецких колоний Нижнего Поволжья. // <http://www.rusdeutsch.ru/biblio/?name=107&avtor=362>.

¹⁰ Деннингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. – С. 159.

¹¹ ГАРФ. – Ф. 1788. – Оп. 4. – Д. 5. – Л. 1-4.

¹² Там же.

¹³ Воронежцев А.В. Немецкие колонисты в Поволжье в годы первой мировой войны. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871-1941. – М., 2002. – С. 89.

А.В. Макарова

*Самарский государственный
экономический университет*

ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ПРОЖИВАНИЯ НЕМЦЕВ В ПОВОЛЖЬЕ

Основу немецкого этноса составили древне – германские племенные объединения франков, саксов, баваров, алеманов и др., смешавшихся в первые века н. э. с романизированным кельтским населением на Юго-Западе и Юге Германии и с гетами в Альпах. По свиде-

тельству историка Н.М.Карамзина, немцы появились на территории современной России в конце первого тысячелетия нашей эры. В XVIII–XIX вв., благодаря миграциям немцев из Германии, сложилась этно-территориальная общность немцев Поволжья.

Данная работа посвящена этнотерриториальной группе поволжских немцев, чья история и культура тесно связана с социально–экономическими процессами Российского государства. Актуальной проблемой на сегодняшний день является восстановление исторической справедливости и реабилитация статуса российского немца. Источниками представленной работы послужили немногочисленные публикации XIX в.: Я. Дитца, К. Клауса, как этнических немцев и жителей немецкой колоний под Саратовом; И. М. Красноперова – самарского краеведа и очевидца того, что им описано; записки путешествия академика Фалька.

Немцы появились в Москве пятьсот лет назад при царях Иване III и Василии III. Царь Иван III писал своему посланнику в Германию, что ему нужны специалисты умеющие стрелять и лить пушки. В конце XV века на правом берегу Яузы, появились надель, которые бесплатно отдавались немецким поселенцам, которые там селились без всякой пошлины и с хорошей заработной платой. Первая депортация немцев была произведена в Прибалтику после победы Ивана Грозного в Ливонской войне в 1564 году и три тысячи немецких рыцарей были пригнаны в Москву. Первый погром немецкой слободы состоялся в 1578 году. Слобода выстояла и дала отпор, а в это время Русь потерпела поражение в Ливонский войне и немцев объявили предателями и шпионами.

Исходным моментом массового появления немцев в России, в том числе и в Среднем Поволжье, послужили указы Екатерины II от 1762 и 1763 годов. По указам Екатерины II немцы получали льготные условия переселения: гарантия свободы вероисповедания, бесплатные земельные надель до тридцати десятин на семью, освобождение от воинской повинности на неограниченный срок, а от налогов – на тридцать лет. Большие кредиты, оплата проезда и содержания в пути, невмешательство местных чиновников в юрисдикцию колоний привели к интенсивной колонизации южных окраин России, в том числе и Поволжья.

В конце XVIII века в Самарскую губернию переселились 25 тысяч немцев из Вюртемберга, Бадена, Пруссии, Баварии, Саксонии, Швейцарии. Они основали 36 колоний. В конце XIX века в России насчитывалось 190 колоний с населением 407 тысяч человек. На мигрантов не распространялось крепостное право, они были свободны в вопросах принятия российского гражданства или сохранения подданства по “крови” (по национальной принадлежности) выезда – въезда

в Россию и компактного проживания колониями на основе местного самоуправления и российских законов, но без права на национально-государственное самоопределения. Первые поселенцы появились в Поволжье с целью поднятия сельского хозяйства.

Из истории Поволжья мы можем проследить, что немецкие переселенцы многое сделали для развития социально-экономического и культурного развития региона. Так Константин Карлович Грот (1853-1860) – второй Самарский губернатор. При его участии в Самаре открыли мужскую гимназию, духовную семинарию, женское училище, театр на 550 мест, филармоническое общество, сберкассу, военный госпиталь, телеграфную контору, уличное освещение, публичную библиотеку, губернский статистический комитет. Он активно занимался претворением в жизнь указа об отмене крепостного права (1862 года). Немцы оставили свой заметный след и в истории Самары. Бурное экономическое развитие Самары со второй половины XIX в. предопределил тот факт, что с 1851 г. она стала центром вновь созданной одноименной губернии. Заметную роль в этом процессе играли немецкие предприниматели. С конца XIX в. появляются крупные семейные предприятия немцев механический завод Бенке, пивоваренный завод А. фон Вакано, торговые дома Клодтов, Кеницеров и др. Авторитетом и уважением пользовались врачи академик Штром, И. Акерблом, влиятельный адвокат и общественный деятель К. Позерн. В Саратове располагались известные в Поволжье табачные фабрики, среди них фабрика А. Штафа.

В 1941 году после начала Великой Отечественной войны, многие немцы были кадровыми военными и служили на западных границах нашей страны. Именно они приняли первый удар фашистской Германии на себя. Но все изменилось, после принятия декрета о депортации немцев от 28 августа 1941 года. Президиум Верховного Совета СССР, в своих документах выдвинул обвинения в адрес немцев Поволжья в пособничестве фашистской Германии. Началась депортация немцев, часть из них погибла в плену. Но оставшимся в живых немецким колонистам приходилось доказывать, что они не имели никакого отношения к фашизму. Немцы были выселены из родных сел, их имущество было конфисковано, а республика немцев в Поволжье была ликвидирована. Более одного миллиона немцев было депортировано в районы Сибири и Казахстана. Спустя многие годы, лишь 26 апреля 1991 года был принят закон “О реабилитации репрессированных народов”, в котором было выражено признание российским государством вины перед немецким народом.

На основе проведенного научного исследования можно сделать вывод о том, что в период проживания на Волге немецкие колонисты значительно “обрусели”. Однако немцам Поволжья до сих пор удалось сохранить язык в его первоизданном виде. Об этом свидетельству-

ет фактический материал, найденный у жителей Самары, выписывающих немецкую газету “Фюрс Хаус”. Найденная газета уникальна тем, что в начале XX века издавалась с готическим немецким шрифтом. Выписываемая из центрального издания, как домашняя газета, она сохранила в себе особенности культуры и языка этого народа. В настоящее время остается открытым вопрос о возвращении поволжских немцев вернуться на историческую родину. Миграционный контроль Германии заинтересован лишь в тех эмигрантах, которые смогут приумножить богатство свое страны.

Д.В. Егоров

Чувашский государственный университет

ЗНАКИ СОБСТВЕННОСТИ ЧУВАШЕЙ*

Обычно-правовые нормы регулировали важнейшие стороны общественной жизни чувашского крестьянства дореволюционной эпохи. Их стойкое функционирование в сфере имущественных отношений свидетельствует об огромной значимости неписаных правил в крестьянском правосудии. Обычное право во многом явилось результатом народного творчества, сложившегося под влиянием целого ряда объективных факторов.

В целях защиты частной и коллективной собственности от посягательств чуваша выработали особые отметки и знаки отличия. Для разграничения и опознания земельных участков, наделных границ, отдельных частей мостов, закрепленных за каким-либо хозяйством, опознания домашних животных и др. чувашские крестьяне использовали семейные знаки собственности (“тамги”). Они представляли собой изображения в виде различных сочетаний черточек, кружков, “гусиных лапок”, крестов, овалов, различных предметов и явлений¹. С помощью отметок общего характера учитывалась засыпка зерна в магазине, велся учет скота пастухами, проводилась жеребьевка при переделах земли и др. Отметки разной высоты, сделанные на палке, указывали меру сданного зерна. Учет велся на двух палках: одна хранилась у охранника, другая — у старосты или десятника. Знаки отличия применялись и при жеребьевках. Распределение земельных наделов происходило путем вытягивания липовой палки толщиной в палец, на которой делалась пометка, указывающая местоположение надела². Кроме того, знаками собственности помечали деревья и бревна в лесу, домашнюю утварь, сбрую, одежду и т. д. Главной целью обо-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 09-01-22700 е/В.

значения ими широкого круга предметов являлась быстрая поимка вора в случае совершения имущественных преступлений³.

Сборщики податей все полученные деньги от погоняльщиков (их помощников) отмечали на обтесанной липовой палочке. На одном конце этой палочки особыми знаками обозначалось количество душ, на другой стороне того же конца – количество подлежавших с души денег, а на противоположном конце палки – деньги, полученные от погоняльщиков. Названный конец откалывался и выдавался помощнику сборщика податей⁴. На этих бирках вырезались римские цифры или прямые линии. Копейки вырезались иногда на другой стороне четырехгранной палки⁵. Денежные суммы на бирках, по свидетельству Е.Т. Соловьева, изображались следующим образом: копейка – вертикальной чертой, полкопейки – половиной той же черты, каждые десять копеек – наклонной чертой или крестиком, рубль – квадратным пятном или просто квадратом либо кругом, полтина – полукругом или наклонной чертой, или чертой, противоположной стороне, показывающей десятки копеек, каждые десять рублей – косым крестиком, сто рублей – косым крестиком, заключенным в круг, тысяча рублей – десятью последними знаками, из которых каждый означал сотню. Вышеописанные знаки были распространены как среди “инородцев” (чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы и др.), так и среди русских⁶.

Пастухи и сторожа также имели специальные палки (бирки), на которых с помощью ножа делали отметки соответственно количеству скота каждого крестьянского хозяйства, пасущегося в общественном стаде. Бирки представляли собой длинные палки четырехгранной формы от 1,5 до 2 аршин (1 аршин = 0,71 м). Отметки располагались в порядке размещения домохозяйств. Один двор от другого отделялся короткой чертой. Взрослое животное обозначалось целой чертой (“черед”), а молодое – половиной черты. Уплата за пастьбу скота отмечалась срезом с ребра бирки⁷.

Крестьяне знали юридические знаки каждого из своих соседей, так как они из года в год повторялись⁸. Знаки собственности подвергались изменениям в случае продажи, дарения и обмена какого-либо имущества. Новый владелец ставил свой собственный знак⁹. Как правило, при аренде имущества знак не менялся, исключение же составляла аренда пахотной земли¹⁰. Следует отметить, что семейные знаки собственности подвергались изменениям и в том случае, если пресекался род или кто-либо из членов семьи выделялся в новую ячейку общества. Однако основа знака оставалась неизменной, менялись лишь второстепенные детали, поэтому всегда можно было узнать, из какой семьи вышел отделившийся член. Чувашская семья при выделе к углу знака собственности прибавляла черточку. В случае нового выхода

(из второй семьи) добавлялась новая черточка снизу либо три черточки сбоку; в сферическом углу ставились две параллельные черточки, а сам угол не замыкался. Иногда к этому углу сбоку прибавлялся крест¹¹. Зять, принятый в дом своей супруги, приобретал новый семейный знак собственности¹². При наследовании юридический знак менялся лишь тогда, когда наследственное имущество переходило в другой дом, например, дочери, вышедшей замуж¹³.

Народные знаки собственности заменяли собой юридические акты. Не только крестьяне и сходы, но и волостные суды использовали их в качестве доказательства принадлежности собственности какому-либо лицу. Если у пастуха украли овцу, корову или иное животное, то он являлся главным свидетелем на суде, доказывавшим принадлежность найденного у какого-либо крестьянина чужого животного известному домохозяину, путем определения его меты. Если скотина пала или была зарезана кем-либо, пастух в доказательство своей правоты представлял владельцу шкуру и уши животного, где чаще всего и находился знак отличия¹⁴.

Знаки собственности были известны и многим другим этносам: русским, татарам, удмуртам, марийцам, мордве и др.¹⁵ Названные народы, как и чуваша, в силу своей неграмотности, вместо подписей к приговорам, распискам, различным договорам и сделкам, прошениям и жалобам, подаваемым в органы юстиции, ставили знаки собственности¹⁶. Судя по этническим воззрениям, самовольная замена и порча знаков собственности являлись преступлением¹⁷. У финно-угорских народов Поволжья это правонарушение приравнивалось к воровству и жестоко наказывалось¹⁸.

Значение знаков собственности, как актов укрепления прав на имущество, было огромным. Согласно этническому правосознанию, они были равносильны официальным юридическим актам. Благодаря им уменьшалось количество гражданских и уголовных дел. Знаки собственности оказывали благотворное влияние на решение немало-го числа судебных процессов, ибо служили неопровержимым доказательством принадлежности имущества какому-либо лицу.

Примечания

¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). — Отд. I. — Ед. хр. 381. — Л. 354 об.; — Ед. хр. 383. — Л. 122-124; — Ед. хр. 174. — С. 137; Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. — Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1935. — Вып. IX. — С. 86.

² Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья.

Историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). – Казань: Издательство Казанского университета, 1973. – С. 56; НА ЧГИГН. – Отд. I. – Ед. хр. 215. – С. 267; Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1950. – Вып. XVII. – С. 319.

³ НА ЧГИГН. – Отд. I. – Ед. хр. 285. – С. 326; Ед. хр. 174. – С. 290.

⁴ Магницкий В.К. Этнографический очерк преступлений... – Л. 363.

⁵ НА ЧГИГН. – Отд. I. – Ед. хр. 147. – С. 42; Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. – Вып. XVI. – С. 98; Соловьев Е.Т. О тамгах или знаках собственности... – С. 135.

⁶ Соловьев Е.Т. О тамгах или знаках собственности... – С. 138.

⁷ Соловьев Е.Т. О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. Археологический очерк. – Казань: Типография губернского правления, 1885. – С. 139-140; Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Указ. соч. – С. 56.

⁸ Соловьев Е.Т. О тамгах или знаках собственности... – С. 95.

⁹ НА ЧГИГН. – Отд. I. – Ед. хр. 285. – С. 326; Соловьев Е.Т. О тамгах или знаках собственности... – С. 97.

¹⁰ Соловьев Е.Т. О тамгах или знаках собственности... – С. 97-98.

¹¹ Там же. – С. 96-97, 99.

¹² Там же. – С. 97.

¹³ Там же. – С. 98.

¹⁴ Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. – Казань: Типография губернского правления, 1893. – Вып. II. – С.44-45; Соловьев Е.Т. О тамгах или знаках собственности... – С. 96, 126.

¹⁵ Соловьев Е. Т. О тамгах или знаках собственности... – С. 65, 193-194; Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е.В. Указ. соч. – С. 56; Татары Среднего Поволжья и Приуралья / под ред. Н.И. Воробьева и Г.М. Хисамудинова. – М.: Изд-во “Наука”, 1967. – С. 221-222; Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – С. 85; Евсеев Т. Е. Важнейшие моменты правового быта и обычного права марийского народа // Марий Эл. – 1928. – № 5-6. С. 65; Мокшина Ю. Н. Брачно-семейные отношения в обычном праве мордвы конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2003. – С. 23; Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы / под ред. В. А. Юрченкова. – Саранск, 2007. – С. 27.

¹⁶ Соловьев Е.Т. О тамгах или знаках собственности... – С. 109.

¹⁷ Там же. – С. 98.

¹⁸ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография народов Среднего Поволжья. – Казань: Издательство Казанского университета, 1984. – Ч. I. – С. 62.

САТИРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА КАК ХРОНИКА ГОРОДСКОГО БЫТА

В перечне маркеров обыденной жизни познесоветской эпохи значится пока непродолжительный список: потребительская революция, вещизм, дефицит, двойная мораль¹. Не сложно заметить, что кроме ограниченности такого подхода, имеются и внутренние противоречия, не позволяющие ставить первый и третий параметр в один смысловой ряд.

Поэтому более глубокое изучение повседневных практик “застойного” этапа крайне важно. В условиях временной близости периода особо привлекательным видится обращение к методам устной истории. Но в непосредственном контакте с современниками исследователь рискует попасть под влияние такого явления как ностальгия по советским временам. Это ставит задачу нахождения альтернативных источников. На наш взгляд сатирические издания могут быть не бесполезны в этом отношении. Имея в качестве интересующего нас предмета повседневную жизнь Казани, мы остановились на коллекции журнала “Чаян”².

Учитывая, что в изображениях заметен “дух” времени³, была сделана ставка на визуальные источники, позволяющие представить дома горожан, обрисовать жизненное пространство и окружение, а вернее проблемы, связанные с этой стороной жизни. Вспомогательную роль в понимании эмоционального посыла образов сыграли подписи и фрагменты диалогов, являющиеся частью карикатур. Редкость комментария “Без слов” объясняется вероятностью неправильного понимания картинки читателем или, что еще страшнее, появления ненужных ассоциаций. Более крупные тексты в виде заметок, рассказов и фельетонов, публикуемые в журнале, пока не рассматривались, хотя в дальнейшем исследование может быть расширено за счет их обработки.

Естественно, что сатирический яд был заготовлен для внешнеполитических тем (и здесь идеология проявила себя максимально). Однако были и рисунки, осуждающие внутренние недостатки. Главными персонажами в них становились неспособные директора колхозов и овощных баз, незадачливые строители и хулиганы. Почти “вечными” героями были пьяницы, а алкогольный контекст проявлялся в любом тематическом повороте.

В одной из редакционных колонок отмечено: “У советского человека всегда найдутся теплые, волнующие слова о том, что зовет вперед. Но есть у них и другие слова — острые и гневные, которыми они разоблачают <...> невежд, кумушек и обывателей”⁴. Поэтому обращение к карикатуре как источнику сведений об обыденной жизни впол-

не возможно. Немногочисленность зарисовок в свою очередь позволяет провести более качественный анализ.

Как уже отмечалось бытовая карикатура жанр не самый многочисленный. Но в “Чаяне” работал целый ряд авторов, практиковавших смешные многофигурные изо-истории на бытовые темы. Среди них были В. Игнатьев, Э Дышаев, И. Рахимов и Л. Бочкова.

Характеризуя сотворенные ими образы, в первую очередь хочется остановиться на домах, в которых они размещали своих героев. Это “шедевры” типовой застройки, где соседи могут почесать друг другу спины сквозь стены⁵ или с легкостью улучшить жилищные условия, передвинув стены в отсутствие соседей⁶. Внутренне обустройство этих домов позволяет подтвердить тезис о вещизме. Чего стоит изображение барышни, вешающей третий ковер на стену в комнате, где все уже завешено, но в углу стоят еще два неразвернутых ковра и подпись – обращение к мужу: “А ты говорил: “Места не найдется!””⁷.

Привычный круг домохозяев представлен как семейный конвейер, передающий малыша от мамы к папе, от него к бабушкам и дедушкам⁸. Значительность связи поколений обыграна и в сцене со строгой учительницей, заявляющей, что если отец и дальше будет плохо воспитывать своего сына, придется вызвать его отца⁹.

Карикатуры дают возможность производить анализ социальных связей и норм коммуникации, распространенных в изучаемое время. Вполне хлестко они выписаны на фоне первомайской демонстрации, в сцене, когда малыши, восседающие на плечах пап, с укоризной от-

мечают: “Смотри, куда его папа по благу устроил!”, глядя на карапуза, едущего на фургоне “Мороженное”¹⁰.

Фактически каждый визуальный текст представляет собой многослойную и искреннюю историю. В нашем коротком обзоре карикатурных тем не нашли место многие мотивы, но мы надеемся, что перспективность избранного источника мы подчеркнули.

В результате обработки образов в перечень характеристик эпохи можно добавить такую категорию как семейственность.

Среди образов, созданных карикатуристами, был обнаружен визуальный синоним, характеризующий отноше-

— А говорили, что здесь невозможно поставить ванну?..¹¹

ние к бытовым трудностям. Учитывая, что иногда лучше один раз увидеть, мы решили привести его как пример неимоверной находчивости, присущей времени.

Примечания

¹ Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской–Смирновой и П. Романова. – М. : Вариант, 2008. – С. 13.

² *Чаян (Скорпион)* – сатирический журнал, издается в Казани с 1923 (один из старейших советских сатирических журналов). С 1955 года – двухнедельник (24 номера в год). В изучаемый период объем номера составлял 12 страниц с многоцветными иллюстрациями. С 1956 года журнал выходит на татарском и русском языках. Тираж 30 тысяч экземпляров на каждом. Составлено по данным: Стыкилин С. Сатира советской эпохи 1917–1963: Справочник URL: <http://www.books-classic.ru/publications/view/2/page/258>, свободный. – Проверено 12.10.09.

³ Шмитт Ж.-К. Историк и изображения // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 2002. – С. 10.

⁴ Будем знакомы! // Чаян. – январь 1973. – № 1. – С.2.

⁵ Ардашев В. Чудеса строительной техники [Карикатура] // Чаян. – 1967. – февраль № 3 (672). – С. 5.

⁶ Хвitem М. В крупнопанельном доме [Карикатура] // Чаян. – 1968. – май № 10 (703). – С. 7.

⁷ Чаян. – 1983. – май № 5. – С. 12. [Карикатура]

⁸ Игнатъев В. Семейный конвейер / В. Игнатъев [Карикатура] // Чаян. – 1964. – январь № 2 (599). – С. 6.

⁹ Чаян. – 1966. – январь №2 (647). – С. 4. [Карикатура]

¹⁰ Чаян. –1966. – октябрь № 20 (665). – С. 4. [Карикатура]

¹¹ Чаян. – 1966. – март № 5 (650). – С. 7. [Карикатура]

А.Н. Ерендеева

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

БОРЬБА С СОЦИАЛЬНЫМИ БОЛЕЗНЯМИ В 1920-х гг. В ДОКУМЕНТАХ ГОСАРХИВОВ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

К исследованию такого междисциплинарного феномена как социальные болезни 1920-х гг. в советский и постсоветский периоды историографии неоднократно обращались историки, а также специалисты в области истории медицины, социальной медицины, медицины тру-

да, социологии медицины, медицинской психологии, психиатрии, юридической психологии, криминологии и многие другие. На рубеже XX-XXI вв. появилось новое проблемное поле исследования – “история повседневности”, акцентирующее внимание на изучении обычных явлений, связанных с революцией и гражданской войной, хозяйственной разрухой и голодом, разгулом преступности, в число которых входят катастрофические размеры заболеваемости населения.

В местных государственных архивах – Центральном Государственном архиве Самарской области и Самарском областном государственном социально-политическом архиве сосредоточены документы, позволяющие изучать тему на материалах Самарской губернии 1920-х гг. Объектом анализа являются материалы двух фондов ГУСО “СОГАС-ПИ” и девяти фондов ГУСО “ЦГАСО”. Указанные фонды содержат, главным образом, законодательно-нормативную, делопроизводственную и статистическую документацию. Каждый из видов источников дает ценную информацию как по интересующей нас проблеме в целом, так и по ее отдельным аспектам.

Законодательные и нормативные документы (постановления, приказы, распоряжения, положения, циркуляры и др.) Самарского губернского и городского исполнительных комитетов, губернского комитета ВКП (б), губернского отдела здравоохранения, губернской чрезвычайной комиссии (ГУСО “ЦГАСО”. Ф. Р-56, Ф. Р-81, Ф. Р-158 и др.) позволяют получить представление о содержании и эволюции политики местных органов власти, направленной на устранение последствий голода в крае, санитарную очистку, ликвидацию опасных заболеваний (холера, тиф, оспа, малярия), улучшение противоэпидемической ситуации в регионе (приказы о прививках населения). Данный вид источников в совокупности с делопроизводственной документацией дает также информацию о структуре Самарского губернского отдела здравоохранения, подведомственных ему медицинских учреждений, финансировании мероприятий, связанных с борьбой с социальными болезнями.

Значительный интерес для изучения проблемы представляет разнообразная делопроизводственная документация организационного, распорядительного, протокольного и отчетного характера, отложившаяся в фондах Самарского губернского отдела здравоохранения (ГУСО “ЦГАСО”. Ф. Р-158), профессионального союза работников медико-санитарного труда (ГУСО “СОГАСПИ”. Ф-9492), Самарского боевого эпидемического отряда коммунистов (ГУСО “ЦГАСО”. Ф. Р-2871), медицинских учреждений – областного кожно-венерологического диспансера (ГУСО “ЦГАСО”. Ф. Р-2256), малярийной станции (Ф. Р-3002) и других.

Наиболее содержательную информацию дают отчеты Самгубздрава и его отделов, позволяющие охарактеризовать санитарно-эпиде-

миологическое состояние губернии, работу эпидемиологических служб, дезинфекционных и прививочных отрядов, исследование очагов заболеваний, состояние аптечной, городской и сельской медицинской сети, санаторного дела в 1920-х гг. Протоколы и проекты заседаний губернского отдела здравоохранения включают данные о положении лечебного дела и санитарном просвещении на территории нашего края после окончания гражданской войны. Дополняют социально-медицинский портрет губернии изучаемого периода данные о работе санитарных надзорных органов, обследовавших источники местного водоснабжения, загрязнение почв, места общественного пользования и свалки, условия появления и степень распространения отдельных социальных болезней.

Документы местных медицинских учреждений дают определенное представление о развитии диспансерного строительства в губернии, о конкретных мероприятиях, в том числе и профилактического характера, по борьбе с туберкулезом, малярией и трахомой, венерическими заболеваниями в Самаре и уездах.

Ценную информацию о степени распространения социальных болезней, вспышке тех или иных эпидемий, о способах лечения и предупреждения заболевания, количестве заболевших по возрасту содержат статистические источники, представленные в отчетах местных исполнительных органов власти, Самгубздрава, городского санитарно-эпидемического надзора, медицинских учреждений. Особый интерес представляют ежемесячные ведомости движения заразных заболеваний, дающие представление о динамике заболеваний, сравнительно-сопоставительные данные по годам и месяцам.

Разумеется, что представленный краткий обзор источниковой базы по истории борьбы с социальными болезнями в Самарской губернии в 1920-х гг. не носит исчерпывающего характера. Данные архивных источников существенно дополняют, в некоторых случаях и корректируют материалы опубликованных сборников документов, статистических изданий, в том числе и медицинских, местной периодической печати. В дальнейшем предполагаем расширить источниковую базу по теме исследования за счет включения документов органов внутренних дел, судебно-следственной документации, сводок ОГПУ-НКВД и других.

В целом, имеющиеся группы архивных и опубликованных источников позволяют, на наш взгляд, выявить особенности политики местных властных и партийных органов в сфере защиты населения от социальных болезней в 1920-е гг., проследить механизмы решения поставленных вопросов в отношении предотвращения и ликвидации очагов опасных заболеваний, сформировать представление об отношении общества к этим проблемам, а также ответить на вопрос о степени эффективности предпринятых действий в рассматриваемый период нашей истории.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПАРТОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1920 – 1930-е гг.

О Комиссии по истории партии и Октябрьской революции ЦК РКП(б) – ВКП(б) сказано достаточно много. В рамках отечественной историографии была освещена деятельность некоторых региональных испартов¹. Данная статья посвящена анализу издательской деятельности испартов Среднего Поволжья.

В начале 1920-х гг. испарты уделяли большое внимание сбору воспоминаний партийных работников, которые принимали участие в деятельности нелегальных кружков, Октябрьской революции и Гражданской войне. На основе мемуаров Самарское бюро испарта опубликовало три выпуска журнала “Красная быль”². Основу каждого номера составляли воспоминания видных деятелей партии, а в приложении публиковались документы РСДРП(б), конспект-минимум для составления мемуаров, анкета по истории Октябрьской революции и Гражданской войны в Самарской губернии.

Во второй половине 1920-х гг. испарты Среднего Поволжья публиковали книги, приуроченные к двадцатилетней годовщине первой российской революции, десятилетию Октябрьской революции³.

Юбилейные издания испартов Среднего Поволжья

Пензенский испарт	1. Никитин П.О. 1905 год. Очерки по рабоче-крестьянскому движению в Пензенской губернии. – Пенза, 1925.
Самарский испарт	1. Кураев В.В. Октябрь в Пензе. – Пенза, 1927.
2. 1905 год в Самарском крае / под ред. Н.Н. Сперанского. – Самара, 1925
2. Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. – Самара, 1927. – Т.1.
Ульяновский испарт	1. 1905 год в Симбирске. Сборник по истории революционного движения в губернии в 1905-1906 гг. – Ульяновск, 1925.
2. Два года борьбы. 1917-1918 гг. – Ульяновск, 1927.

В 1925 году испарт опубликовал брошюру и несколько статей в газете “Коммуна”, посвященных самарскому периоду жизни В.И. Ленина и его семьи⁴.

В мае 1928 года Самара стала центром Средневожской области, в которую вошли Оренбургская, Пензенская, Саранская, Самарская и Ульяновская губернии. Истпарт ЦК ВКП(б) принял решение упразднить губернские истпарты (кроме ульяновского), создав в 1928 году Средневожскую комиссию. Благодаря увеличению географических границ области истпарт смог расширить тематику публикаций. Усилиями двух научных сотрудников А.Д. Демидова, Ф.Г. Попова и заведующего В.В. Троцкого Средневожский истпарт продолжил издавать хронику революционных событий края, доведя изложение до 1920 года⁵. Истпарт провел большую научно-исследовательскую работу по изучению истории революционного движения Среднего Поволжья и местных комитетов партии⁶. К изучению истории Среднего Поволжья были привлечены независимые исследователи. Так, при участии Самарского, а потом и Средневожского истпартов вышли работы И.А. Колесникова “Военные действия на территории Самарской губернии в 1921–1923 гг.”, “1918 год на Родине Ленина” под редакцией Б.Н. Чистова, И.Т. Стрельцова “В центре голода” и др.⁷

Сотрудники Истпарта внесли свой вклад в выпуск многотомного сборника “История Гражданской войны в СССР” под редакцией М. Горького, собрав воспоминания красноармейцев и документы по истории Среднего Поволжья, а также подготовили несколько статей: “Борьба за Волгу и образование Восточного фронта”, “Октябрь в Средневожском крае”⁸.

В связи с образованием Куйбышевского края в 1935 году Средневожский истпарт был переименован в Куйбышевский. В 1936 году истпарт выпустил сборник документов и воспоминаний о В.В. Куйбышеве под редакцией И.Х. Циммермана, а так же ряд других публикаций⁹. В 1937 – 1938 гг. Куйбышевский истпарт планировал издать несколько работ по истории местной партийной организации, но творческим замыслом не суждено было сбыться. В середине 1930-х гг. идеологические кампании и политические репрессии отодвинули проблемы истпарта в партийном комитете Куйбышевской области на второй план. В июне 1937 года Куйбышевский истпарт был ликвидирован, а все материалы переданы партийному архиву.

Таким образом, в большинстве случаев, публикации истпартов Среднего Поволжья были приурочены к юбилейным кампаниям или посвящены видным деятелям партии большевиков. Наибольшую издательскую активность проявил Средневожский истпарт, т.к. именно в это время в его штате работало три сотрудника. Преемник Средневожского, Куйбышевский истпарт развернул большую издательскую работу, которая не была завершена из-за начавшихся в СССР политических репрессий.

Примечания

¹ Кабытов П.С. Деятельность Самарского и Средневожского испартов по изучению первой русской революции // Большевистские организации Поволжья в революции 1905-1907 гг. – Куйбышев, 1977; Кабытов П.С., Шестаков В.А. Организации и деятельность Самарского и Средневожского Испартов по изучению Октябрьской революции в крае // Трудящиеся Поволжья в борьбе за власть Советов. – Куйбышев, 1981; Калинин Е.А. Комиссии по истории Октябрьской революции и коммунистической партии на Южном Урале в 1920-1939 гг. – Автореф. дисс. к.и.н. – Челябинск, 2009; Муравьева Л.В. Становление советского архивного дела и испартов в Сибири (1919–1925 гг.). Дисс. к.и.н. – Томск, 1973.

² Красная быль. – Самара, 1922. – №1.; Красная быль. – Самара, 1923. – №2.; Красная быль. – Самара, 1923. – №3.

³ СОГАСПИ. – Ф. 3500. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 93.

⁴ Блюменталь И.И. В.И. Ленин в Самаре. – Самара, 1925; Сводка деятельности местных испартов. Самарский испарт // Пролетарская революция. – 1925. – № 2. – С. 242.

⁵ Троцкий В.В. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Хроника революционных событий. – Самара, 1929. – Т. 2; Троцкий В.В. 1919 год в Средневожском крае: хроника революционных событий. – Самара, 1932; Троцкий В.В., Демидов А.Д. 1920 год в Средневожском крае: хроника революционных событий. – Самара, 1934.

⁶ Троцкий В.В. Самарская организация ВКП(б) в годы войны и Октябрьской революции (1914-1918 гг.). – Самара, 1927; Троцкий В.В. Революционное движение в Средневожском крае. – Самара, 1930; Троцкий В.В. Первая русская революция в Среднем Поволжье. – Самара, 1931; Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская Учредилка. – Самара, 1932; Попов Ф.Г. Поезд смерти. – Самара, 1933; Попов Ф.Г. Дутовщина. – Самара, 1934.

⁷ Колесников И.А. Военные действия на территории Самарской губернии в 1921-1923 гг. – Самара, 1927; Стрельцов И.Т. В центре года (1921-1923 гг.) Пугачевский уезд. – Самара, 1931; 1918 год на Родине Ленина / под ред. Б.Н. Чистова. – Самара, 1934.

⁸ СОГАСПИ. – Ф.3500. – Оп. 1. – Д. 51. – Л. 38; – Д. 58. –Л. 19; – Д. 61. – ЛЛ. 11, 13, 53.

⁹ В.В. Куйбышев в Среднем Поволжье / Ред. И.Х. Циммерман. – Куйбышев, 1936; 1905 год / Ред. А.А. Кузнецов. – Куйбышев, 1936; Попов Ф.Г. Хроника революционных событий в Самарской губернии (1902–1917 гг.). – Куйбышев, 1936.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА (1945-1964 гг.)

Изучение “культуры советского детства” в отечественных гуманитарных науках ведется сейчас в двух ракурсах. С одной стороны, это исследования, посвященные идеям и практикам воспитания и образования детей советского периода, а с другой – рецепции и трансляции этих идей и практик детьми тогдашними (и нынешними взрослыми). Исследования первого типа появились в 1990-е годы и, прежде всего в литературоведении, искусствоведении и социальной истории¹. Исследования, сфокусированные на рецепции, постепенно и мучительно добивались права голоса и на данный момент именно с ними связываются надежды на прорыв в изучении “советского ребенка”.

Сейчас начинается новый этап изучения “детского мира”, когда культура детства рассматривается как некая целостная система. Вслед за сменой объекта открылась “бездна источников полна”. А вместе с ней и коварность объекта исследования – *культуры* детства. Сложность работы с источниками по “культуре детства” не только в их количестве, но и в разнохарактерности. Источниковая база моего исследования ограничена с одной стороны, доступными видами детского вербального текста, отраженного в таком периодическом издании как “Пионерская правда”. К этой группе относится и детский фольклор, частично опубликованный в исследовании Борисова Сергея Борисовича², а также сборник рассказов 10летней школьницы 1950 г.р., предоставленный мне одной из респонденток. Необходимо отметить, что источники, созданные детьми, всерьез не принимались либо игнорировались. Соответственно не предпринималось особых усилий по собиранию “детских” источников. Кроме того, общественный механизм их сохранения отсутствовал, они были безвозвратно утрачены. В дальнейшем большее внимание мы будем уделять именно этой группе источников, ведь когда речь идет о функционировании и бытовании детского мира “изнутри”, на первое место выступают не официальные документы, а источники личного происхождения, где “личная” жизнь каждого ребенка складывается в “общую” “детскую” жизнь эпохи. Но следует отметить, что источники этой группы в большинстве своем являются “провоцированными”, т.е. составленными не по собственной инициативе детей, а зачастую – при прямом вмешательстве взрослых. Нами использовались и официальные документы: Ус-

тав общеобразовательных школ, директивы и документы по истории пионерского движения³. Кроме того, нашими источниками являлись детская литература и кино. По каким-то из них можно реконструировать рецепцию, по каким-то идеологическую прагматику, или и то и другое одновременно. Все эти источники, являют собой перспективную область для интерпретации. Другой род источников (удаленный во времени) — интервью. Однако следует иметь в виду качественную противоположность воспоминаний взрослых о детстве и воспоминания детей. Воспоминания взрослых, как правило, идеализированы. Дети же смотрят на свой мир более объективно и привычно.

Под возрастной категорией “детства”, мы, солидаризируясь с казанским историком А.А. Сальниковой, понимаем период с 5 до 16 лет⁴. В дальнейшем, в связи с особенностями изменения психологического развития ребенка, мы будем вводить дифференциацию по возрастам: дошкольный, младший школьный и старший школьный возраст. В рамках же данного исследования возрастное ранжирование нами не проводилось.

Разнообразные явления детской советской повседневности образуют полицентричную систему. Думается, что на данном этапе изучения советского детства весьма плодотворным может оказаться принцип антиглобализма: от частного к общему, а не наоборот. Идти в изучении “культуры советского детства” не от сущностей, а от явлений. Кроме того, когда-то известный медиевист Граус сказал, что “историк находится в плену своего собственного менталитета”⁵. Наша задача сводится к тому, чтобы на основании современных “рудиментов” былой советской эпохи, сохранившихся в таком социальном институте как “школа”, и, забыв собственную современную психологию, погрузиться, в советское послевоенное детство и понять его этическую рефлексию. “Ребенок растет в культуре, где он или она просто впитывает социальную реальность как данную”⁶. Следует определить, что в детской ценностной системе шло от окружающего мира, а что оставалось независимым детским “царством”. Для того, чтобы из действительности, окружающей детей, выявить именно ценности, т.е. согласно определению Гусейнова и Апресяна, то, что дорого для человека, имеет для него значение⁷, мы пошли несколько необычным путем. Взяли сборник стихов Алана Милна “Мы с Вини Пухом” и позаимствовали оттуда некоторый ценностный ряд⁸. Мы видим, что к так называемым “общедетским” ценностям относятся “дом”, “взаимоотношения с родителями”, “материальные ценности”, “праздники”, “красота” и др. Также мы выделили ценности, не свойственные детству в целом, но которые были актуальны для советского детства: “спорт”, “знания”, “труд”. На основе проведенного нами контент-

анализа ценностей мы можем говорить, что те ценности, которые выделялись как главенствующие для советского ребенка (дружба, труд, знания и спорт) высоко оценивались как детьми, так и респондентами. И наоборот (материальные ценности, страх наказания, одежда) оценивались довольно низко. Поэтому, мы можем говорить, что идеологическая машина действовала довольно эффективно.

Таким образом, те ценности, которые государство ставило на первый план, сами дети не воспринимали как нечто навязанное извне. Время ребенка было занято учебной, кружками, общественно-полезным трудом, речевками, песнями, патриотическими фильмами. С другой стороны, были, безусловно, универсальные детские ценности, связанные с гедонизмом: красивые вещи, вкусная еда, развлечения, но все это было чрезвычайно скудно и дозировано. Несмотря на то, что государство определяло ценности ребенка, штамповало его внутренний мир, у советских детей было тяжелое, но счастливое детство, своего рода советская эвдемонистическая этика создавала культурный миф и маленьких человечков с мифологическим мышлением.

Примечания

¹ Шведов С. Сталинский букварь и воспитание советского человека // Сюжет и время. Сб. научных трудов к семидесятилетию Г.В. Краснова. Коломна. 1991. — С.56-61; Притуленко В. Адресовано детям // Кино: политика и люди (30-е годы). — М., 1995. — С. 100-110.

² Борисов С.Б. Рукописный девичий рассказ. — М., 2004.

³ Директивы и документы по вопросам пионерского движения. — М., 1959.

⁴ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. — Казань, 2007.

⁵ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. — М., 1996 // <http://www.knigivinternet.ru/kniga/HISTORY/mental/4.html>.

⁶ Серл Р. Дж. Конструирование социальной реальности. — М., 1999. — С. 3.

⁷ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. — М., 1999. — С. 228.

⁸ Милн А. Мы с Винни Пухом. — М., 1994.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ “ЗНАНИЕ”(1948-1956 гг.):
РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАДАЧ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Возникновение сталинградской общественной организации “Знание” относится к первым послевоенным годам, когда наша страна с большим напряжением залечивала раны, нанесенные войной. Организация “Знание” тогда имевшая название “Сталинградское Отделение по распространению политических и научных знаний”, за многие годы своего существования превратилась в крупную организацию по распространению научных и политических знаний, непрерывному образованию граждан и стало важным источником расширения их кругозора.

Проблемы пропагандистской и агитационной деятельности общественной организации “Знание”, формы и методы лекционной пропаганды исследовались в многочисленных статьях и диссертациях (А.Л. Задорожный, А.Ф. Криворотов, В.А. Лушников и др.) Однако специальных исследований, посвященных работе сталинградской организации “Знание”, практически не проводилось. Поэтому для изучения ее деятельности в 1948-1956 гг. были использованы делопроизводственные документы, планы лекций, отчеты о проделанной работе организации, которые содержатся в фонде №Р-6533 Центра Документации Новейшей Истории Волгоградской Области (ЦДНИВО).

Целью данного исследования является выявление роли сталинградской общественной организации “Знание” в реализации задач идеологической и культурно – просветительской политики. Хронологические рамки – 1948-1956 гг. – это время создания и становления организации, формирования ее структуры, материальной базы и лекторского состава.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время особое внимание уделяется просветительским организациям, которые способствовали повышению уровня образования советского человека. В связи с этим опыт работы такой разветвленной и массовой организации, как Общество “Знание”, включающее такое крупное его отделение, как Сталинградское, представляет особый интерес.

12 мая 1947 года в Москве состоялось первое заседание организационного комитета Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, на котором было принято решение создать республиканские общества и их отделения в крупнейших цен-

трах страны¹. Это и послужило толчком к созданию Сталинградского оргкомитета по распространению политических и научных знаний.

В послевоенные годы Советское государство стремилось ликвидировать неграмотность народа через развитие различных форм самообразования, через пропаганду политических и научных знаний, проводить широкую идеологическую работу.

Первое заседание Сталинградского оргкомитета состоялось 17 марта 1948 г., на нем были сформулированы цели на ближайшее время²: обеспечить дальнейшее развертывание пропаганды истории и теории большевизма среди широких масс трудящихся, укрепить уже существующие лектории и принять меры к организации колхозных лекториев с циклом лекций по сельскому хозяйству и др.

В целях ликвидации неграмотности и сплочения Советского народа в г.Сталинграде и области проводились лекции и публичные выступления по разнообразным темам, большинство из которых были посвящены роли вождя в развитии Советского Союза, а также³: в обл. философии — “Ленинизм — высшее достижение русской и мировой культуры” (М.Я Бромберг), экономика и техника — “Роль Сталина в развитии современной техники и технической нации” (П.В. Милентьева), с/х — “Великий Сталинский план преобразования природы” (Н.Д. Рыжutiна).

Важно подчеркнуть, что сталинградская организация “Знание” организовывала большое количество лекций, посвященных памятным датам. Так, в апреле 1948 года был утвержден план публичных лекций, организуемых в связи со столетием со дня смерти В.Г.Белинского⁴. В план лекций были включены показы кинофильмов (художественных и документальных).

Важно подчеркнуть, что за 1954-1955 гг. значительно расширился состав организации, которая к 1955 г. включала 3 418 человек⁵.

Необходимо отметить, что за 1955-1956 гг. план по прочтению платных лекций был выполнен на 102%⁶, как свидетельствуют материалы отчетов членов общества. Это говорит об активной работе организации.

Сталинградская общественная организация “Знание” вела энергичную издательскую деятельность. Так, в течение 1956 г. было издано 13 книг-брошюр в помощь лекторам районных отделений, были проведены разнообразные семинары с лекторами — международниками и лекторами — историками. Использовались такие формы лекций, как лекции-консультации, лекции-демонстрации, научно-производственные конференции⁷.

Т.о., необходимо отметить, что в 1948-1956 гг. организация “Знание” играла важную роль в реализации задач идеологической и культурно — просветительской политики, содействовала мобилизации трудящихся на выполнение задач хозяйственного и культурного строи-

тельства, приобрела огромное значение в жизни жителей Сталинграда и области и являлась одним из важных источников знаний.

Примечания

¹ Лушников В.А., Подкорытов Э.М. Общество “Знание”. Вчера, сегодня, завтра... — Челябинск, 2007. — С. 128.

² Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). — Ф. Р-6533. Волгоградская Всесоюзная организация Общества “Знание”. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 18.

³ Там же. Л. 25

⁴ Там же. Д. 7. Л. 36

⁵ Аргинский Н.С. Сталинградская областная партийная организация в борьбе за подъем культурного уровня трудящихся (1951-1955 гг.): дис. ... канд. ист. наук. — С. 286.

⁶ ЦДНИВО. — Ф. Р-6533. Волгоградская Всесоюзная организация Общества “Знание”. — Оп. 1. — Д. 17. — Л. 43.

⁷ Там же. — Д. 13. — Л. 63.

А.В. Липатов

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СТАЛИНГРАДА В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х — НАЧ. 1960-х гг.

Государственная политика в области культуры в СССР предполагала проведение практических мероприятий для усовершенствования культурного пространства и обогащения духовного мира советских людей, в рамках существовавшей идеологии. Деятельность учреждений культуры была направлена на повышение образовательного и профессионального уровня людей для удовлетворения потребности советского общества в квалифицированных рабочих, участвующих в реализации задач народно-хозяйственного строительства. Важным участком работы было также политическое просвещение и идеологическое воспитание народных масс.

Основными направлениями работы учреждений культуры Сталинграда, находившихся в подчинении у городского управления культурой во второй половине 1950-х — нач. 1960-х гг. были такие, как *агитация и пропаганда* социалистического строя и задач построения ком-

мунизма; *естественно-научное образование*, предполагавшее формирование атеистической картины мира; *культурно-просветительская деятельность*, заключавшаяся в распространении научных знаний, профессиональной и общественно-политической литературы, произведений советских авторов и поэтов; *организация досуга* рабочих заводов и строек Сталинграда и *приобщение к ценностям культуры* социалистического общества.

XX съезд КПСС (14-25 февраля 1956 г.), провозгласивший новые задачи для советского народа в коммунистическом строительстве и дальнейшее укрепление социалистического строя, также определил направления развития культуры и искусства в СССР и деятельность учреждений культуры по повышению культурного уровня советских граждан. В дальнейшем коллективы учреждений культуры Сталинграда при планировании своей деятельности опирались на материалы съездов КПСС, приказы Министерства культуры РСФСР, инструктивные письма Сталинградского обкома КПСС, что позволяет анализировать роль партийно-государственного аппарата и решающее значение его политики в культурно-политическом просвещении и воспитании народа.

Библиотеки Сталинграда во второй половине 1950-х – нач. 1960-х гг. должны были стараться повышать интерес горожан к актуальным вопросам марксизма-ленинизма, распространять политические и научные знания, повышать интерес к политике КПСС. Определенная борьба проводилась по ликвидации негативных последствий культа личности И. В. Сталина и возвращению к “ленинским принципам” общественного устройства, за счет увеличения распространения общественно-политической литературы руководителей КПСС и союзных коммунистических партий. Так, библиотека № 1 пополнила свой фонд новыми книгами-воспоминаниями о В.И. Ленине, справочной литературой по народному хозяйству страны и области. В дни 40-летия Октябрьской революции в городских библиотеках проводились читательские конференции по произведениям советских авторов, встречи со свидетелями событий, связанных с красным Царицыным и приходом в городе советской власти¹. В целях культпросветработы активно организовывались передвижные библиотеки на заводах города, открывали пункты выдачи книг.

В наглядной агитации городского сада в 1956 г. появились стенды, отражающие перспективу реализации планов XX съезда КПСС – “Наш город в шестой пятилетке”, “Большая Волга”. В парке культуры “Бакалде” за р. Волгой в этом же году были установлены стенды: “Дружба народов”, “Это будет в шестой пятилетке”. В 1958 г. коллективы горсада и парка культуры и отдыха поставили задачу проводить не только пропаганду политики КПСС, но и “распространять техниче-

кие знания, опыт новаторов промышленности и сельского хозяйства”² в целях трудового воспитания жителей Сталинграда.

В 1957 г. служащие музея обороны Царицына-Сталинграда, как и все работники учреждений культуры, провели большую работу, связанную с подготовкой и проведением 40-й годовщины Советской власти, и 15-й годовщины Сталинградской битвы. В этом же году была подготовлена новая экспозиция по теме: “Борьба царицынских большевиков за установление Советской власти в Царицыне”³. В связи с реализацией решений XXI съезда КПСС и Сталинградского горкома КПСС от 28 ноября 1958 г. “О работе музея” вся работа данного музея была направлена на повышение идейно-политического уровня экскурсионно-массовой работы⁴, для формирования патриотизма к Советской России и активной гражданской позиции у людей.

В начале 1960-х гг. Сталинград вступил на путь “борьбы трудящихся за город высокопроизводительного труда, образцового порядка и высокой культуры”. Вследствие этого во многих домах и дворцах культуры, клубах, кинотеатрах, библиотеках проводились вечера, беседы по темам: “Береги честь своего города”, “Тунеядцев в коммунизм не возьмем”, “Город вступает в будущее”⁵, способствующие формированию у людей чувства уверенности в правильно выбранном пути социалистического развития государства.

Документы свидетельствуют, что культура была сферой государственного управления и контроля в СССР. Учреждения культуры не только повышали образовательный и профессиональный уровень населения, но и являлись сектором “идеологической обработки”. Реализация основных компонентов культурной политики библиотеками, садами и парками, музеями и домами культуры во второй половине 1950-х — нач. 1960-х гг. Сталинграда показывает насколько культурная и досуговая жизнь населения была зависима от партийно-государственной системы и ее политико-идеологических установок.

Примечания

¹ Отчет о работе городской библиотеки № 6 Краснооктябрьского района Сталинграда. 10 января 1958 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). — Ф. 6019 (Сталинградское управление культуры). — Оп. 2. — Д. 116. — Л. 88.

² Отчет о работе Сталинградского городского сада и парка культуры и отдыха за летний сезон 1958 г. // ГАВО. — Ф. 6019. — Оп. 2. — Д. 136. — Л. 6.

³ Справка о работе Городского Управления культуры (материалы к пленуму ГК КПСС). 21 февраля 1958 г. // ГАВО. — Ф. 6019. — Оп. 2. — Д. 136. — Л. 75.

⁴ Отчет о работе государственного музея обороны Царицына-Сталинграда за 1959 г. // ГАВО. – Ф. 6019. – Оп. 2. – Д. 153. – Л. 49.

⁵ Справка о состоянии и мерах улучшения работы культурно-просветительных учреждений по коммунистическому воспитанию трудящихся. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 71 (Волгоградский городской комитет КПСС). – Оп. 37. – Д. 17. – Л. 268.

А.В. Ермошин

*Татарский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

МАНИФЕСТ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ 1905 ГОДА И ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕДОМСТВА

Манифест о веротерпимости 17 апреля 1905 г. поставил вопрос о пересмотре прежнего порядка отношений государства и Православной Церкви в Российской империи. В соответствии с ним должны были быть внесены коррективы во многие аспекты церковно-государственных отношений, в том числе в вопрос о присутствии элементов религиозного образования в общеобразовательной школе (как известно, предмет “Закон Божий” входил в учебный план российских гимназий и прогимназий, училищ, институтов, и др.). В 1907 г. выйдут новые “Правила о преподавании Закона Божия”, предусматривающие, в частности, необязательность данного предмета. Но насколько церковное сообщество накануне издания этих новых правил было готово к изменениям такого рода? Осознавалась ли сама возможность вытеснения (не радикального, а постепенного) религии из общеобразовательной школы?

Годы первой русской революции примечательны еще и началом подготовки к Поместному Собору Православной Российской Церкви, который по различным причинам открылся лишь в 1917 г. Но уже в 1905-1906 гг. Св. Синод начинает сбор мнений с мест по вопросам, обсуждение которых предполагалось вынести на предстоящий Собор. Они нашли отражение в отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе (поданных как единолично, так и вместе с епархиальными съездами), ныне опубликованных¹.

Хотя проблема преподавания Закона Божьего в светской школе не вошла в круг поднятых вопросов, некоторые из предлагаемых проектов реформирования духовной школы в определенной степени отра-

жают взгляды церковных деятелей на эту проблему. В качестве одного из направлений в ряде отзывов предлагается отделение школы общеобразовательной от школы специально-богословской, причем первая “должна состоять из семи классов, из них низшие четыре класса сделать соответствующими прогимназиям, а весь курс семи классов поставить в соответствие с курсом светских учебных заведений: гимназий и реальных училищ, как в отношении программ по общеобразовательным предметам, так и в отношении прав, так, чтобы переход из духовных училищ в гимназии и обратно был свободный, равным образом — чтобы и права на поступление в высшие учебные заведения Министерства народного просвещения окончивших курс такой семиклассной духовной школы были сравнены с правами окончивших гимназии и другие <...> светские учебные заведения...”². Такие 7-летние гимназии духовного ведомства предлагалось создать в каждой епархии³. Некоторые предложения, при сходстве в главных идеях, разнятся в деталях (например, введение 8-летнего курса обучения⁴).

Таким образом, речь идет о предложении создать общеобразовательные школы духовного ведомства параллельно с аналогичными школами ведомства Министерства народного просвещения, в которых предполагалось преподавание по одинаковым с министерскими гимназиями программам⁵. Но, видимо, предвидя возможность сокращения преподавания религиозных дисциплин в светских учебных заведениях, авторы предлагают “отвести более видное место преподаванию Закона Божия”⁶ в гимназиях духовного ведомства. Некоторые из них указывают, что речь идет не о простом уравнивании со средними светскими школами, а именно о создании особого типа общеобразовательной школы, ибо “одной средней школы теперь нет, а есть школы классические и реальные, следовательно — в настоящее время нельзя и говорить о приравнении общеобразовательного духовно-учебного курса к курсу средней школы вообще”⁷.

Что касается открытости этих “церковных гимназий”, то в части проектов прямо говорится об их предназначении для детей духовенства, но без задачи подготовки к пастырству⁸; в большинстве же, что доступ в них должен быть открыт для всех желающих⁹, т.е. они должны стать всеобщими¹⁰.

Разными виделись и источники финансирования подобных школ. Одни считали, что они должны содержаться за счет духовенства и казны, т.е. государства¹¹, другие — на средства самих учащихся¹². Но были и совершенно особые суждения на этот счет: “...если духовные училища <...> будут обращены в гимназии, то какое же основание оставаться им в Духовном Ведомстве? Почему не быть им в ведении Министерства народного просвещения? И если так много и теперь говорят о кастовой обособленности духовенства, то что же <...> будет <...> когда духовенство будет иметь <...> свои особые мужские

и женские гимназии, ничем не отличающиеся от министерских? Ни одно сословие этого не делает. С другой стороны, какое же основание расходовать на эти гимназии церковные суммы?”¹³ Т.е. задача Церкви авторами некоторых проектов виделась в создании средних школ, которые по отделении от специально-богословских учебных заведений должны перейти в ведение государства.

Итак, содержащиеся в “Отзывах” предложения о создании средних общеобразовательных учебных заведений Православной Церкви в Российской империи, при всех различиях, свидетельствуют о понимании многими представителями тогдашнего церковного сообщества грядущих перемен в присутствии Церкви в светской школе. Один из респондентов кратко, но емко выразил цель создания этих православных общеобразовательных школ: “Церкви нужны не только священники, ей нужны и верующие; чтобы иметь хороших священников, она должна <...> воспитать хороших христиан”¹⁴.

Примечания

¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 2 ч. — М.: Общество любителей церковной истории; Издательство Крутицкого подворья, 2004. — Ч. 1 — 1031 с. Ч. 2 — 1056 с.

² [Отзыв] Преосвященного Вениамина, епископа Калужского, от 9 ноября 1905 г. — Протоколы заседаний комиссии по разработке вопросов, предложенных к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви (протокол №6) // Там же. — Ч. 1. — С. 70-71.

³ См. [отзыв] Олонецкой духовной консистории от 9 января 1906 г. // Там же. — Ч. 2. — С. 362.

⁴ См. [Отзыв] Преосвященного Иннокентия, епископа Тамбовского, от 10 января 1906 г. // Там же. — Ч.2. — С. 459.

⁵ [Отзыв] Преосвященного Кирилла, епископа Орловского, от 22 ноября 1905 г. // Там же. — Ч. 1. — С. 577-578.

⁶ Там же. — Ч. 1. — С. 71.

⁷ [Отзыв] Преосвященного Анастасия, архиепископа Воронежского, от 25 ноября 1905 г. — Соображения особого совещания по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви // Там же. — Ч. 1. — С. 192.

⁸ [Отзыв] Преосвященного Стефана, епископа Могилевского, от 26 ноября 1905 г. // Там же. — Ч. 1. — С. 136; Ч.2. — С. 459.

⁹ Там же. — Ч. 1. — С. 71.

¹⁰ Там же. — Ч. 2. — С. 362. Впрочем, некоторые предлагали, чтобы при смешанном составе учащихся дети духовенства имели право преимущественного поступления и освобождались от платы за обучение (см.: [Отзыв] Преосвященного Серафима, епископа Полоцкого, от 28 ноября 1905 г. // Там же. — Ч. 1. — С. 216).

¹¹ Там же. — Ч. 2. — С. 362.

¹² [Отзыв] Преосвященного Петра, епископа Смоленского, от 30 декабря 1905 г. // Там же. — Ч. 2. — С. 192.

¹³ [Отзыв] Преосвященного Иакова, архиепископа Ярославского, от 1 марта 1906 г. // Там же. — Ч. 2. — С. 987.

¹⁴ [Отзыв] Преосвященного Филарета, епископа Вятского, от 21 декабря 1905 г. (с приложением записки преподавателя семинарии А.Красовского) // Там же. — Ч. 2. — С. 117.

А.С. Кузнецова

Уральский государственный университет

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУГА УРАЛЬСКИХ ГОРОЖАН В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

История повседневности понимает историю как многослойный процесс, который воспроизводится и трансформируется теми, кто является одновременно и объектами истории, и ее субъектами. Повседневность охватывает всю жизненную среду человека, включая сферу досуга. Досуг горожан отражает их ценностные ориентиры, вкусы, установки и изучение данного явления является необходимым для понимания исторической эпохи в целом.

Слово “досуг” первоначально означало “умеющий, знающий свое дело”. Современное значение развилось из предыдущего позднее, когда слово “досуг” стало означать “отдых”. В отечественной художественной литературе термин фигурирует впервые в повести И.С. Тургенева “Два помещика” (1847 г.)¹. В.И. Даль определял “досуг” как “свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дела, забава, занятия для отдыха, безделье”². В дореволюционный период еще не сложилось четкого понимания досуга. Для наименования свободного времени на протяжении кон. XVIII — нач. XX в. использовали понятия “общественные развлечения”³, “увеселения”⁴, современный термин нередко употребляли во множественном числе — “Он свои досуги проводит дома” или “В их семье были в обычае музыкальные досуги”⁵. В советское время под данным термином подразумевали часть внерабочего времени, оставшуюся у человека после исполнения им непроизводственных обязанностей⁶. Для исторического исследования как нельзя лучше подходит определение досуга социологов, которые понимают досуг как систему различных видов человеческой деятельности, ориентированную на реализацию разнообразных потребностей людей и осуществляемая в свободное время индивида⁷. Т.о. досуг

и свободное время не тождественные понятия. Свободное время необходимо, чтобы досуг мог существовать. Досуг – это занятия, которым люди посвящают себя в свободное время ради развлечения или самосовершенствования.

На основании свидетельств современников можно выделить следующие виды проведения уральцами свободного времени: гостевые, посещение праздничных обедов, балов, маскарадов, театральных, цирковых представлений, также прогулки в общественных садах и бульварах, катание с горки и на коньках, игры в карты, чтение, посещение музеев и библиотек, рыбалка и охота⁸.

Для описания всего многообразия культурной деятельности уральских горожан необходима четкая классификация форм реализации досуга. В основном авторы исторических работ, где досуг выступает предметом исследования, дают обзор видам досуговой деятельности горожан и подробное описание отдельных ее форм⁹. Попытки классификации видов и форм проведения досуга приводились лишь условно. Так, например, Е.И. Кузьмина, описывая досуг жителей Пермской губернии, выделяет массовые (вечера, балы), единоличные (посещение театров, библиотек, ресторанов), семейные, активные (участие в маскараде) и пассивные (посещение спектакля) формы организации досуга. Авторы монографии о повседневной жизни уральского города подразделяют досуг на семейный и общественный, при этом они рассматривают близость того или иного вида досуга к народной культуре¹⁰. Для представления наиболее полной картины досуга в уральском городе, необходимо обратиться к классификации, представленной в БСЭ. Так, одну большую группу видов досуга будет составлять самообразование и различные формы освоения культуры (посещение публично-зрелищных мероприятий и музеев, чтение книг и периодики). Другую же группу видов представят различные формы любительской и общественной деятельности: самостоятельные занятия и увлечения (хобби), физкультура и спорт, туризм и экскурсии¹¹.

Таким образом, в вопросе изучения досуга было раскрыто понятие досуговой деятельности в историческом контексте, а также выявлена та классификация форм досуга, при которой широкий набор видов культурной деятельности уральских горожан будет рассмотрен полно.

Примечания

¹ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://search.ruscorpora.ru/search.xml?mycorp=&mysent=&mysize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&req=%E4%EE%F1%F3%E3.

² Досуг // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/dal/article/dal/03041/09600.htm?text=%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B3&stpar3=1.1>

³ Белдыцкий Н. Старая Пермь. — Архангельск, 1913. — С. 4.

⁴ Прошедшие века останутся в душе... (воспоминания потомственного екатеринбуржца) // Уральская старина. Литературно-краеведческие записки. — Вып. 8. — Екатеринбург, 2006. — С. 47.

⁵ Досуг // Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/article/ushakov/05/us178602.htm?text=%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B3&stpar3=1.10>.

⁶ Мирский Э.М. Досуг // Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00024/65300.htm?text=%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B3&stpar3=1.2>.

⁷ Tauber E. Досуг // Энциклопедия социологии. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0339.htm?text=%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B3&stpar3=1.4>.

⁸ Из дневника М.С. Ребелинского. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1780-1800/Rebelinskij/text.htm>; Прошедшие века останутся в душе... (воспоминания потомственного екатеринбуржца) // Уральская старина. Литературно-краеведческие записки. Вып. 8. Екатеринбург, 2006. С. 27, 39–40; Некрасов В. Из воспоминаний рабочего и художника-любителя Кузовкина Ивана Прокопьевича // Уральская старина. Литературно-краеведческие записки. — Вып. 4. — Екатеринбург, 2000. — С. 224–225 и т.д.

⁹ Бутакова Н.В. Организация культурного досуга широких слоев горожан Томской губ. в конце XIX — начале XX в. // Города Сибири XVII — начала XX в. Вып. 2: История повседневности. Алтайский государственный университет, 2004. С. 200–214; Литягина А.В. Досуг жителей г. Бийска второй половины XIX - начала XX в. // II научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2005. С. 82–96; Кузьмина Е.И. Досуг пермяков в конце XIX — начале XX века (по материалам ПГВ) // X Всероссийские юношеские Чтения им. В.И.Вернадского. URL: <http://www.2003.vernadsky.info/works/g2/index.html>

¹⁰ Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX в. — М., 2006. — С. 315.

¹¹ Мирский Э.М. Указ. соч.

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА В МОЛОДЕЖНЫХ ПРАЗДНИКАХ У НИЗОВЫХ ЧУВАШЕЙ (КОНЕЦ XIX – НАЧ. XX вв.)

Издrevле чувашаи отмечали праздники, связанные с основными циклами земледельческих работ. Календарные праздники приурочены к основным переломным периодам астрономического года — зимнему и летнему солнцевороту, весеннему и осеннему солнцестоянию¹.

В эти периоды гуляла и молодежь. Она проводила праздники и обряды весело. В данной работе мы затронем ту часть культуры, без которой не проходит ни одно празднество — это пища и культура питания.

Самый первый праздник с начала года — *сурхури*, который в основном и праздновался детьми и молодежью. В эти дни они в основном гадали и ходили святки. Дети ходили подворно, распевая песни о наступлении праздника. Хозяева одаривали ребят ритуальными коlobками *ййва*, орехами, сладостями².

Следующим большим праздником была масленица *çаварни*. На празднике — чаще с четверга — начиналась бешеная езда на лошадях (парами, тройками). Также катались на санях³. В этот праздник обязательно на стол ставили блины с медом.

Весенний цикл праздников следует начать с праздника *мйнкун*. Молодежь ходила группами по деревне с рябиновыми прутьями и, хлеща ими людей, постройки, инвентарь, одежду, выгоняла злых духов и души умерших, выкрикивая “*сёрен!*”. Односельчане в каждом доме угощали участников обряда пивом, сыром и яйцами⁴.

Летний праздник *çинçe* характеризовался тем, что нельзя было работать: копать, пахать, чем-либо беспокоить землю. После захода солнца молодежь водила хороводы, но какие-либо блюда и еду не готовили.

Значительная часть чувашей отмечает *çимёк* — день летнего поминовения — на кладбище. В этом обряде в основном участвовали взрослые, но и детей брали на кладбище. Пекли блины, варили яйца⁵, сейчас в основном поминают омлетом *çймарта хйпартни*, хлебом-медом.

Летом проводили еще *çумйр чук*, когда дети сначала обливались водой, а потом в отдельно отведенном месте варили кашу и ели ее всем селением.

В середине зимы проводился праздник *хёр сйри* (дословно — девичье пиво). Девушки в складчину варили пиво, пекли пироги и в одном из домов совместно с юношами устраивали молодежную пирушку⁶.

Нужно отметить, что обрядовая пища чувашей состояла из мучных (различные пироги, блины) и крупяных (каши) блюд. Если сравнить с современностью, то обрядовая трапеза сохраняет немало традиционных черт.

Примечания

¹ Чуваши: история и культура. – Т. 2. – Чебоксары, 2009. – С. 126.

² Там же. – С. 126.

³ Месарош Д. Памятники чувашской веры. Перевод с венг. – Чебоксары: ЧГНГН, 2000. – С. 162.

⁴ Никольский Н.В. Собрание сочинений в четырех томах. – Т. I. – Чебоксары, 2004.

⁵ Чуваши: история и культура. – Т. 2. – Чебоксары, 2009. – С. 130.

⁶ Чуваши. Этническая история и традиционная культура // Авт.-сост.: В.П. Иванов, В.В. Николаев, В.Д. Дмитриев. – М., 2000.

А.О. Смышнова

Ставропольский государственный университет

ТЕАТР НА СТАВРОПОЛЬЕ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА

20-е годы XX века представляли собой уникальный исторический период в развитии духовного потенциала российского общества, оставаясь ключевыми для понимания российской и мировой истории.

В политической, интеллектуальной и художественной атмосфере России нарастали ощущение исчерпанности прежних форм политической и художественной жизни, желания перемен. Это было переломное время, когда в социокультурной сфере появилось новое восприятие человеком исторической реальности, иное представление о его месте и роли в истории, что не могло не сказаться на состоянии культурной среды общества. В искусстве все больше стали обозначаться совершенно новые тенденции. Сама историческая действительность требовала выработки нового метода ее художественного воплощения. 20-е годы потрясли и театральное дело. Новая власть понимала, что сценическое искусство, через язык художественных образов, понятный для всех слоев населения, способно утверждать идеи революции: “чего достигает кафедра, трибуна, печать клубы, действуя, как разрозненные средства, того же достигает сцена с гораздо большей силой и с равной длительностью влияния” Ведь нигде народ “не проявлял большей восприимчивости, чем в театре”. Театр на Ставро-

полье являлся одним из культурных очагов всего Северного Кавказа. Но театральное дело в южной провинции находилось в исключительно трудных условиях. Оно зависело от прихотей начальства, от вкусов и претензий местного дворянства и купечества, его материальная база была шатка и неопределенна. Непосредственными вершителями судеб театральных трупп на местах были антрепренеры, преследовавшие в большинстве случаев чисто коммерческие цели. Но история провинциальной сцены знает и истинных подвижников театрального искусства, которые вопреки бесчисленным трудностям умели донести до зрителя сокровища русской и мировой драматургии, делали из театра подлинное орудие культуры, рупор передовой мысли. В репертуар Ставропольского театра в 20-е годы XX в. входили произведения драматургии, которые шли в театрах Москвы и Петербурга. Еще только начинала формироваться советская драматургия, без которой театр не мог существовать, а жизнь требовала уже сегодня решения многих тем, и появляются пьесы местных авторов, отражающих время, такие, как одноактные “Чичерин в Генуе” и “Красный богатырь”, “Генуэзская конференция” Селиванова. Отсутствие постоянных театральных трупп, естественно, было существенным тормозом в развитии театрального дела. Организовывать же их во всех губернских городах, особенно небольших по количеству жителей, каким был Ставрополь, страна не могла: в условиях голода, разрухи первоочередными задачами в культурном строительстве были ликвидация неграмотности, создание своей письменности для многих национальностей России, не имевших ее до революции. Это было особенно актуально для многонационального Ставрополя.

В мае 1920 года происходит национализация театров. Первоначально Советы стали проводить объединение театрального дела “на свой страх и риск”, без руководящих указаний из центра. Так, в г. Ставрополе в виду того, что театральные здания принадлежали городу, этот переход осуществляется очень легко. Театр очень успешно решал многие задачи, стоявшие перед творческой интеллигенцией по воспитанию трудящихся, приобщению их к передовой культуре. В апреле 1920 г. Коллегией Губнаробразования г. Ставрополя за заслуги в деле воспитания населения и сценическое мастерство театру “Пассаж” было присвоено название Первого Советского театра им. В.И. Ленина. В этом же году летний театр Мартына Пахалова в г. Ставрополе был переименован в театр им. Луначарского. Характерным различием в репертуарах театров было то, что на сцене театра им. Ленина ставились пьесы отвечающие времени: “Власть тьмы” Толстого, “На дне” Горького, “Потонувший колокол” Гаупмана, “Ревизор” Гоголя. В театре им. Луначарского ставили преимущественно классику: “Сильва” Кальмана, “Цыганский барон” Штрауса, “Асколь-

дова могила” Верстовского, “Корневильские колокола” Планкета, балет “Коппелия”. Здесь же существовала балетная студия под руководством Михаила Моисеева.

Задачи, которые ставила новая власть — создание нового драматического театров, выполняющего функцию обслуживания победившего в революции рабочего класса, пока еще не готового к восприятию этого эстетически сложного вида искусства. “Революция сказала театру: “Театр, ты мне нужен..., ты мне нужен для того, чтобы я могла свежо посмеяться и “отвести душу”. Ты мне нужен как помощник, как прожектор, как советник”. Уже в начале 1920-х гг. в репертуаре столичных и провинциальных театров стали появляться первые пьесы, написанные советскими драматургами по горячим следам революции, которые станут впоследствии классикой советского театра: “Любовь Яровая” Тренева, “Огненный мост” Ромашова, “Шторм” Биль-Белоцерковского, “Огненный мост” Ромашова и др.

На афишах г. Ставрополя то и дело мелькают новые названия пьес и театров: “Свободный театр”, “Театр им. Шевченко”.

Газеты очень охотно откликались на новые спектакли, концерты, гастроли, и их рецензентам нельзя отказать и в требовательности, и в желании видеть в театральном деле общественно-полезное начало. Складывалась новая театральная критика, которая, как правило, не мирилась с халтурой. Некоторые спектакли, наносящие моральный урон зрителю, вызывали прямой протест. Безусловно, это не была еще профессиональная критика, но в ней выразилось время и активный протест против халтуры уже тогда делает ей честь. До 30-х годов XX века театр напряженно искал пьесы, в которых отражались бы глубокие мысли и сильные чувства. Увы, обстоятельства жизни не всегда давали возможность воплотить их на сцене. Термин “лакировка действительности” довольно точно определил тенденцию драматургии тех лет. Однако театр никогда не ограничивался лишь пьесами лакировочного характера. Театр спешил обратиться к Шекспиру, Тургеневу, Чехову. С 1929 года, когда была создана постоянная стационарная труппа, обратная связь между залом и сценой укрепляется, становится полнее и многограннее. Театр обретает значение камертона, по которому выверяется тональность культурной жизни и ее ритм.

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

Культурный и исторический опыт прошлого фиксируется не только на традиционных, бумажных, носителях, но и в аудиовизуальном виде. Целью доклада является освещение проблемы сохранения аудиовизуальных документов как элемента культурного наследия России на примере опыта архивных служб Тверской области.

Начиная с 1983 г. понятие “аудиовизуальный документ” трактуют как все виды и разновидности кино-, фото- и фонодокументов. Отечественные стандарты закрепляют несколько определений. Согласно Основам законодательства Российской Федерации № 5341-1 “Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах” от 07 июля 1993 г., аудиовизуальные документы Архивного фонда России признавались неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов России. Они являются памятниками по истории отечественной культуры, науки и техники, литературы и искусства и т.д.¹ Поэтому они подлежат постоянному хранению, что отражено в действующем Федеральном законе от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ “Об архивном деле в Российской Федерации”.

При работе с аудиовизуальными документами как памятниками истории и культуры России возникает ряд сложностей. Для их хранения необходимы дополнительные затраты, что под силу только государственным архивам. В связи с этим муниципальные архивы Тверской области не могут обеспечить полноценный прием аудиовизуальной документации от организаций. Современных научных публикаций, посвященных аудиовизуальным документам, мало. Не уделяется внимание познавательной ценности аудиовизуальной информации, чаще всего она служит дополнением, иллюстрацией к официальным документам. Аудиовизуальные документы нечасто вовлекаются в работы исследователей. Существуют: проблема невысокого “уровня доверия” к историческим источникам аудиовизуального происхождения (проблема аутентичности), а также проблема установления авторства аудиовизуального документа. Вследствие пробелов в нормативной базе делопроизводства организаций аудиовизуальные документы зачастую не сохраняются. В делопроизводстве организаций разрываются связи аудиовизуальной документации с управленческой, подлежащей хранению. В результате снижение темпов приема аудиовизуальной документации на государственное хранение наблюдается уже с начала 1990-х гг.²

В рамках существующих проблем можно предложить следующие решения. На уровне муниципальных архивов необходима адаптация общих архивных требований к их условиям работы, а также дополнительные дотации. Силами Архивного отдела Тверской области разработаны методические материалы по организации учета и описанию фонодокументов и фотодокументов в муниципальных архивах³.

В Тверской области исследованием возможностей источников аудиовизуального происхождения активно занимаются филологи и историки Тверского государственного университета⁴. Одним из направлений деятельности тверских архивистов и историков является инициативное документирование, например, проект “Блокадный Ленинград глазами детей”⁵. Это шесть аудиокассет, содержащих информацию о повседневной жизни и быте в блокадном городе, сопроводительная документация, транскрибированные тексты, а также публикация результатов исследования⁶. Фонд пользования – оцифрованные записи на лазерных CD-дисках.

Таким образом в области сохранения аудиовизуальных документов существует проблема комплектования, хранения и обеспечения доступа исследователей к данным элементам культурного наследия России.

Примечания

¹ Магидов В.М. Кинофотофонодокументы как исторический источник // Отечественная история. – 1992. – № 4; Он же. Кинофотофонодокументы о деятелях России в области литературы и искусства // Делопроизводство. – 2008. – №3; и др.

² Леонтьева О.Г. Работа с фотодокументами в областных и районных архивах // Отечественные архивы. – 1993. – № 2. – С. 106-109; Еремченко В.А. Мы теряем нашу аудиовизуальную историю // Отечественные архивы. – 2001. – № 5. – С. 48-49.

³ Памятка по организации учета и описанию фотодокументов в муниципальных архивах / сост. О.Г. Леонтьева. Тверь, 2001. Памятка по организации учета, описания и хранения фонодокументов в муниципальных архивах / сост. О.Г. Леонтьева. – Тверь, 2002.

⁴ Ермишкина О.К. Устная история. Тверь, 2004. Кинофотофонодокументы как исторический источник / сост. О.К. Ермишкина, О.Г. Леонтьева. – Тверь, 2005.

⁵ ТЦДНИ (Тверской Центр документации новейшей истории). – Ф. 2985. – Оп. 1-1а.

⁶ Леонтьева О.Г., Ефремов Д.А. Проект тверских архивистов “Блокадный Ленинград глазами детей” // Отечественные архивы. – 2004. – № 4. – С. 45-50.

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XV Всероссийская конференция молодых историков
(Самара, 20–21 ноября 2009 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции
Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Е.А. Будячевской*

Подписано в печать 20.12.2009 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 15,8. Усл.-печ. л. 17. Гарнитура “Newton”.
Тираж 150 экз. Заказ № .
Издательство “Самарский университет”
443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1; тел. 334-54-23.
Отпечатано в ООО “Книга”
г. Самара, ул. Песчаная, д. 1; тел. 267-36-82